

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ШАХОВА Марина Андреевна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ
КАК ФАКТОР АККУЛЬТУРАЦИИ
(дискурсивные практики в современной Германии)**

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертация

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Миловидов Виктор Александрович

Тверь 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
Глава 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И АККУЛЬТУРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ	
1.1. Межкультурная адаптация и аккультурация	13
1.2. Культурная дистанция между немецким сообществом и группами им- мигрантов.....	20
1.3. Стратегии аккультурации и лингвокультурная адаптация.....	24
1.4. Иммигранты в Германии: социологический очерк.....	31
1.5. Типы культурно-речевого поведения иммигрантов.....	38
Выводы по главе 1.....	39
Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ	
2.1. Проблематика теории языковых контактов	42
2.2. Двуязычие и диглоссия.....	45
2.3. Интерференция как фактор формирования двуязычия в ситуации немецко-турецких и русско-турецких языковых взаимодействий.....	57
2.4. Место сравниваемых языков в генеалогической и типологической классификации.....	65
2.5. Объективные факторы интерференции при немецко-турецком и немецко-русском языковом контакте	70
2.6. Функциональная типология языковых образований в ситуации немец- ко-турецких и немецко-русских языковых и культурных контактов	82
2.7. Дискурсивная практика как сфера реализации межъязыковых контак- тов	92

Выводы по главе 2.....	95
Глава 3. ЯЗЫКОВЫЕ ВАРИАНТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИММИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ	
3.1. Немецко-турецкий языковой контакт	97
3.1.1. Язык рабочих-гостей.....	97
3.1.1.1. Общая характеристика языка рабочих-гостей.....	97
3.1.1.2. Грамматические и лексические особенности языка рабо- чих-гостей.....	100
3.1.2. Языковые варианты второго и третьего поколения иммигрантов	101
3.1.2.1. Общая характеристика языковых вариантов второго и третьего поколения иммигрантов.....	101
3.1.2.2. Особенности немецко-турецкого этнолекта и специфика употребления «Канак шпрак».....	106
3.1.2.3. Особенности мультиэтнолекта киц на разных языковых уровнях.....	111
3.1.3. Использование ЯРГ, НТЭ, «Канак шпрак» и киц в художе- ственном творчестве.....	120
3.2. Немецко-русский языковой контакт	128
3.2.1. Немецкий язык русскоязычных иммигрантов	128
3.2.2. Немецко-русский русский	132
3.2.3. Использование НРР в художественном творчестве.....	139
3.3. Лингвокультурная адаптация как фактор аккультурации иммигран- тов в Германии.....	141
Выводы по главе 3.....	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	147

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	150
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ.....	164
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ.....	164

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа посвящена динамике языка иммигрантов в Германии с конца 1950-х годов по 2015 год. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения глобальных процессов, связанных с массовыми миграциями населения, а также нахождения оптимальных стратегий лингвокультурной адаптации иммигрантов. Германия, где для 22,5 % населения характерно миграционное прошлое [Destatis.de], предоставляет удобный материал для исследования этих процессов. Кроме того, в период с 2015 по 2017 гг. Германия стала принимающей страной для 1.350.000 беженцев, в основном из Сирии, Афганистана и Ирака [Там же]. Таким образом, вопрос лингвокультурной адаптации иммигрантов не теряет своей актуальности.

Отметим, что пока сложно рассматривать вопросы лингвокультурной адаптации иностранцев, прибывших в Германию в результате обострения военных действий на Ближнем Востоке в 2015 году – их статус и мотивация к переселению обусловлены кризисными процессами в геополитике, которые сами по себе нуждаются в осмыслении. Наше исследование строится на анализе особенностей языка иммигрантов более ранних миграционных потоков, где этот компонент отсутствует и где в среде переселенцев наблюдается достаточно традиционная мотивация к миграции.

В условиях иммиграции возникает необходимость лингвокультурной адаптации иммигрантов. Лингвокультурная адаптация является средством аккультурации. Вариативность степени адаптации определяет степень интеграции иммигранта в культуру и выбираемые им стратегии аккультурации, а также типы его культурно-речевого поведения.

Явление миграции обуславливает возникновение ситуации языкового контакта. В работе исследуются контакты немецкого и русского, немецкого и турецкого языков в условиях лингвокультурной адаптации самых многочисленных групп иммигрантов, прибывших в Германию. При этом прослеживается динамика развития языка иммигрантов от стадии освоения второго языка до

возникновения языковых вариантов, базирующихся на креативном использовании ресурсов двуязычия и многоязычия. С другой стороны, язык иммигрантов оказывает влияние на социокультурную жизнь страны и на развитие современного немецкого языка, находит отражение в художественном творчестве Германии.

Этот двусторонний интерференционный процесс интересен не только сам по себе. В значительной степени он отражает бытие многих языков в современных условиях интенсивной миграции населения в век глобализации. Поэтому изучение меняющейся языковой «карты» Германии может способствовать и решению более широких проблем, относящихся к современной, глобальной языковой ситуации.

Язык иммигрантов Германии в том или ином виде уже становился объектом исследования зарубежных и отечественных лингвистов. Однако исследования касались лишь отдельных аспектов данного вопроса, целостных же, комплексных исследований данного вопроса ещё не было.

Актуальность исследования определяется:

- 1) необходимостью дальнейшего развития антропоцентрической научной парадигмы в лингвистике;
- 2) современным интересом науки к проблемам изучения языковой личности, функционирование которой происходит под влиянием двух и более культур и языков;
- 3) востребованностью научных изысканий в области взаимодействия языков и способов речевого поведения, теоретических и практических проблем лингвокультурной адаптации иммигрантов в современном глобализирующемся мире.

Объектом исследования выступает язык иммигрантов в рамках немецко-турецкого и немецко-русского языковых контактов в Германии в период с 1950-х по 2015 гг.

Предмет исследования – процессы межъязыковой интерференции и особенности новых языковых образований как форм лингвокультурной адаптации и аккультурации иммигрантов в Германии.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что формы лингвокультурной адаптации иммигрантов коррелируют с выбираемыми ими стратегиями аккультурации и типами культурно-речевого поведения. В случае успеха лингвокультурной адаптации иммигрант выбирает конструктивные стратегии аккультурации, в случае неуспеха – неконструктивные. Особенности лингвокультурной адаптации выражаются в специфических чертах новых языковых образований, используемых иммигрантами, на всех языковых уровнях.

Цель исследования состоит в осуществлении анализа форм лингвокультурной адаптации иммигрантов в современной Германии и соотнесении их со стратегиями аккультурации и типами культурно-речевого поведения иммигрантов.

В соответствии с намеченной целью при проведении исследования предполагается решить следующие конкретные *задачи*:

- 1) уточнить понятие лингвокультурной адаптации, рассмотреть стратегии аккультурации и типы культурно-речевого поведения иммигрантов;
- 2) оценить культурно-языковую дистанцию между немецким сообществом и исследуемыми группами иммигрантов;
- 3) рассмотреть основные подходы к исследованию форм лингвокультурной адаптации (двуязычия, диглоссии, формирования новых языковых вариантов – этнолектов, мультиэтнолектов, социодialectов);
- 4) проанализировать системные отличия немецкого, русского и турецкого языков, выявить объективные факторы и результаты межъязыковой интерференции в рамках исследуемых языковых контактов;
- 5) описать характерные черты языковых вариантов, возникающих на основе немецко-русского и немецко-турецкого контакта, выявить особенности их употребления;

б) установить соотношение форм лингвокультурной адаптации и стратегий аккультурации, а также типов культурно-речевого поведения, выбираемых иммигрантами в Германии.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили работы:

по теории межкультурной коммуникации: Д. Берри, Р. Редфилда, Р. Линтона, М. Херсковица, А. М. Падиллы, У. Переза, К. Додда, Х. Пфандля, А.П. Садохина, В.В. Матвеевко, Т.Г. Стефаненко, Н.М. Лебедевой и др.;

по теории усвоения второго языка в естественной среде: Р. Эллиса, Г. Джайлса, Д. Шуманна и др.;

по теории языковых контактов, двуязычия и интерференции: И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, У. Вайнрайха, В.Ю. Розенцвейга, Л.М. Умана, А.Д. Швейцера, Э. Хаугена, Ж. Баганы, Ю.А. Жлуктенко, В.Д. Бондалетова, Н.Б. Мечковской, А.А. Залевской, Ю.Д. Дешериева, Ю. С. Блажевич, М. Уи, Ч. Фергюсона, Н.Н. Рогозной, М. Дебрэнн и др.;

по контрастивной лингвистике: А.А. Реформатского, Н.А. Баскакова, А.С. Аврутиной и В.Г. Гузева, Б.А. Абрамова, А.Л. Зеленецкого и П.Ф. Монахова, А.Н. Кононова и др.;

по социолингвистике и германистике: В.И. Беликова и Л.П. Крысина, В. М. Жирмунского, Е.В. Перехвальской, И. Кайм, Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки, Р.Т. Белла, К.С. Федоровой, П. Ауэра, В.В. Ждановой, Я. Андруцопулоса, Х. Визе, Х. Джаноглу, Х. Кусе и М. Шарлай, В. Клейн и др.

В работе нашли применение следующие *методы* лингвистического анализа: метод сплошной выборки, индуктивно-дедуктивный метод, позволяющий осмыслить и обобщить соответствующий теоретический и практический материал; сравнительно-сопоставительный метод; метод тематической классификации; контекстный анализ; функционально-семантический анализ; лингвостилистический анализ, дискурсивный и прагмалингвистический анализ.

Материалом для исследования послужили более 120 текстов и текстовых фрагментов на немецком, русском и турецком языках, а также на этнолектах,

мультиэтнолектах и социодialeктах, ставших объектом исследования. Тексты были собраны из публицистики и художественной литературы иммигрантов, Интернет-форумов, цифрового корпуса киц (Kiezdeutschkorpus), социолингвистических исследований, находящихся в свободном доступе.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка системного структурно-функционального описания языка иммигрантов Германии. Анализируется связь форм лингвокультурной адаптации двух самых многочисленных групп иммигрантов с выбираемыми ими стратегиями аккультурации и типами культурно-речевого поведения. Впервые определяется потенциал к лингвокультурной адаптации турецкоязычных и русскоязычных иммигрантов путём оценивания культурно-языковой дистанции между ними и принимающим сообществом, а также посредством выявления объективных факторов интерференции в ситуации немецко-турецкого и немецко-русского контакта. Дается комплексная характеристика дискурсивных практик иммигрантов на разных лингвистических уровнях, а также функций их употребления в речевом репертуаре. Прослеживается динамика развития языковых вариантов и их использование в художественном творчестве. Предлагается схема соотнесения форм лингвокультурной адаптации со стратегиями аккультурации и типами культурно-речевого поведения иммигрантов.

В результате проведённого исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие положения.

- 1) Лингвокультурная адаптация иммигрантов выражается через их дискурсивные практики и коррелирует с выбираемыми иммигрантами стратегиями аккультурации и их типами культурно-речевого поведения.
- 2) Формой лингвокультурной адаптации наряду с двуязычием (многоязычием) и одноязычием выступает формирование новых языковых вариантов, основанных на интерференционном контакте двух и более языков.
- 3) В современной Германии на основе дискурсивных практик иммигрантов возникли следующие языковые варианты: язык рабочих-гостей, немецко-

турецкий этнолект и его медийная форма «Канак шпрак», мультиэтнолект киц, немецко-русский русский.

- 4) Особенности лингвокультурной адаптации иммигрантов находят выражение в специфических фонетико-фонологических, лексико-семантических и грамматико-синтаксических чертах новых языковых образований.
- 5) Новые языковые варианты, наряду с литературным и разговорным немецким, расширяют языковой репертуар говорящих, активно используются в различных коммуникативных стратегиях не только людьми миграционного происхождения, но и коренными немцами.
- 6) Языковые варианты, основанные на немецко-турецком и немецко-русском языковом контакте, широко используются в художественном творчестве в качестве средства социально-этнического маркирования образа повествователя или персонажа при создании художественных произведений.
- 7) Выражение лингвокультурной адаптации в языковых вариантах, основанных на немецко-турецком языковом контакте, и соотнесение их со стратегиями аккультурации и типами культурно-речевого поведения можно представить в виде следующих схем:
  - неуспешная лингвокультурная адаптация – язык рабочих-гостей – «сепарация», «бегство» – антиассимилятивный тип культурно-речевого поведения;
  - кризис лингвокультурной адаптации – «Канак шпрак» – «маргинализация», «борьба» – антиассимилятивный тип культурно-речевого поведения;
  - успешная лингвокультурная адаптация – мультиэтнолект киц – «интеграция», «гибкость» – мультикультурный тип культурно-речевого поведения.

8) Немецко-русский социодialeкт представляет собой форму поддержания этнокультурной принадлежности и способ плавной лингвокультурной адаптации.

Теоретическая значимость работы обуславливается тем, что исследование вносит вклад в разработку теории лингвокультурной адаптации, межъязыковой интерференции, двуязычия и диглоссии, а также методик анализа процессов межъязыкового и межкультурного взаимодействия в условиях глобализации и интенсификации миграционных потоков в современном мире. Теоретические результаты настоящего исследования могут быть использованы при анализе процессов лингвокультурной адаптации, аккультурации в других регионах мира, с участием других языков, а также при дальнейшей разработке теории языкового контакта и межъязыковой интерференции. Работа углубляет теоретическую и практическую базу исследований в области социолингвистики, а также сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования её результатов при изучении межъязыковых контактов, а также в теории и практике лингвокультурной адаптации, интеграции и аккультурации иммигрантов. Результаты исследования могут быть использованы в процессе обучения специалистов соответствующего профиля, а также положены в основу вузовских курсов и спецкурсов по теории языка, стилистике, различным аспектам сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания, германистики.

Работа прошла следующую *апробацию*: диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры теории языка и перевода Тверского государственного университета. Основные положения исследования излагались в рамках Международных научно-практических конференций «Языковой дискурс в социальной практике» (г. Тверь, 4-6 апреля 2013 года и 1-2 апреля 2016 года) с последующей публикацией материалов. По теме диссертационного исследования опубликовано 8 статей общим объёмом 2.6. п.л., 3 из которых – в изданиях, вклю-

чѐнных в перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК МОН РФ.

Цели и задачи определили *структуру работы*: помимо введения, текст диссертации состоит из трёх глав, заключения и списка литературы.

Глава 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ И АККУЛЬТУРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

1.1. Межкультурная адаптация и аккультурация

В XX веке процессы миграции, в том числе трансграничной, были настолько интенсивны и всеохватны, что центрами приёма иммигрантов фактически оказались не только традиционно принимающие страны, вроде США, Канады, Австралии и Новой Зеландии, но и государства Западной Европы. Традиционно мы относим Германию к мононациональным странам, однако, 22,5 % её населения сегодня – это люди миграционного происхождения [Destatis [http](#)].

В научной публицистике освещением вопросов иммиграции и интеграции в контексте общего анализа социально-политической обстановки современной Германии активно занимаются С.В. Погорельская [Погорельская 2016], К. Баде [Баде 2008], В. Вайц [Вайц [http](#)], Ж. Шайян [Шайян 2008].

В условиях взаимодействия иммигрантов и коренного населения происходит процесс аккультурации. В соответствии с классическим определением, которое было впервые представлено американскими культурными антропологами Р. Редфилдом, Р. Линтоном и М. Херсковичем в 1936 году, аккультурация – это процессы изменения оригинальной модели культуры одной или обеих групп лиц, изначально имеющих разные культуры и вступающих в постоянный контакт [Redfield, Linton, Herskovitz [http](#)]. А.П. Садохин отмечает, что постепенно исследователи стали трактовать аккультурацию не только на групповом уровне, но и на уровне психологии индивида [Садохин 2005: 131]. В.В. Матвеевко определяет концепцию аккультурации как масштабный проект анализ феномена трансляции паттернов культуры, возникающего в результате взаимовлияния культур [Матвеевко 2011: 32]. Классическими работами по разработке концепции аккультурации стали труды Дж. Берри, А.М. Падиллы и У. Переза [Berry [http](#); Padilla, Perez [http](#)]. М. Беннет развивает модель освоения чужой культуры, в рамках которой он вводит понятие «межкультурной чуткости», и

выделяет этапы восприятия чужой культуры (от этноцентристских до этнорелятивных) [Цит. по: Матвеевко 2011: 34–35; Садохин 2005: 143–152].

В результате миграции индивид попадает в новые условия окружающей среды. Происходит процесс адаптации – приспособление индивида к новым условиям на физическом, биологическом, экономическом, социальном и культурном уровне.

В зависимости от направления исследования могут быть выделены разные аспекты адаптации. Дж. Берри обосновывает концептуальное различие между следующими видами адаптации: психологическая, социокультурная и экономическая. Психологическая адаптация является удавшейся, если у индивидуума присутствует чувство личностной и культурной идентичности, эмоциональное и психологическое здоровье, личное удовлетворение от пребывания в новом культурном контексте. Социокультурная адаптация охватывает ряд навыков, позволяющих индивидууму справляться с ежедневными делами, особенно это касается сферы семейной жизни, работы, обучения в школе. Социокультурная адаптация предполагает усвоение иностранного языка, если это является требованием среды. Различия между психологической и социокультурной адаптацией носят скорее теоретический характер, на практике они тесно взаимосвязаны. Экономическая адаптация связана со степенью удовлетворённости иммигрантом видом деятельности, которой он занимается, а также уровнем её эффективности в новой среде [Berry [http](#)].

Для нашей работы актуальным является выделение понятия лингвокультурной адаптации как одного из ключевых факторов аккультурации, влияющего на все остальные аспекты адаптации иммигрантов. Термин «лингвокультурная адаптация» употребляется в лингвокультурологии.

Н.В. Поморцева рассматривает лингвокультурную адаптацию как процесс вхождения в ценностно-смысловое поле иной социокультурной среды через обучение языку, изучение культуры этой среды, культуротворческую деятельность [Поморцева 2010: 68].

Мы даём следующее рабочее определение понятия «лингвокультурная адаптация»: это приобретённые языковые и культурные навыки, которые позволяют индивиду функционировать в новой культуре в соответствии с ценностями, обычаями, правилами поведения, языком, которые присущи большинству в этой культуре [Padilla, Perez [http](#)].

Лингвокультурная адаптация подразумевает усвоение иностранного языка. Вопросы овладения вторым языком (в англоязычном дискурсе – Second Language Acquisition, далее – SLA) представляют собой обширную исследовательскую область. Для нашей работы актуальны исследования усвоения иностранного языка в естественной ситуации. Обзор теорий овладения иностранным языком в естественной среде и обучения второму языку в учебной аудитории даёт А.А. Залевская в [2009: 23–46].

В нашем исследовании актуальны будут понятия родной культуры мигранта (далее К1) и культуры страны, в которую он переехал, (далее К2). Родной язык мигранта мы будем помечать как Я1, язык страны, в которую он прибыл, – Я2.

В результате процессов аккультурации и адаптации индивид знакомится с новой картиной мира, другой системой ценностей, норм поведения. Многие люди испытывают стресс при воздействии новой культуры. Для обозначения стресса при вхождении в новую культуру американский исследователь К. Оберг ввёл понятие «культурный шок» в 1960 году. В литературе также встречаются следующие обозначения этого явления: «шок перехода», «культурная утомляемость» [Садохин 2005: 136–137]. Дж. Берри предпочитает использовать термин «стресс аккультурации» [Berry: [http](#)].

В той или иной степени этот стресс испытывают все люди, оказавшиеся в чужой культуре. А.П. Садохин приводит шесть форм проявления культурного шока: напряжение из-за усилий, прилагаемых для достижения психологической адаптации; чувство потери из-за лишения друзей, своего положения, профессии, собственности; чувство одиночества (отверженности) в новой культуре,

которое может превратиться в отрицание этой культуры; нарушение ролевых ожиданий и чувства самоидентификации; тревога, переходящая в негодование и отвращение после осознания культурных различий; чувство неполноценности из-за неспособности справиться с ситуацией [Садохин 2005: 137–138].

Классическое описание процесса культурного шока представляет собой движение по U-образной кривой и включает пять этапов: «хорошо», «хуже», «плохо», «лучше», «хорошо». Первый этап называют «медовым месяцем»: иммигрант испытывает эйфорию, оказавшись в стране, в которую он стремился попасть. Второй этап обусловлен первыми сложностями, которые приходится преодолевать иммигранту в рамках социокультурной адаптации: языковой барьер, различия функционирования систем обслуживания общества, непонимание местных жителей. Иммигранты пытаются «убежать» от реальности новой среды, обособляясь в своей диаспоре. На третьем этапе стресс аккультурации достигает своего максимума. Именно на этом критическом этапе некоторые иммигранты возвращаются на родину, не выдержав столкновения с новой культурой. Но, если иммигрант находит в себе силы преодолеть эту ступень, наступает четвертый этап. На этом этапе индивид становится более уверенным в себе, удовлетворённым своими достижениями в новом обществе. Появляется оптимистический настрой. На пятом этапе индивид полностью адаптируется к новой культуре. В зависимости от различных факторов процесс адаптации может продолжаться от нескольких месяцев до 4–5 лет. Данная модель не является универсальной: под влиянием разных условий иммиграции процесс адаптации может варьироваться [цит. раб.: 139–140].

Факторы, определяющие процессы адаптации, принято разделять на индивидуальные и групповые (у А.П. Садохина – внутренние, внешние) [цит. раб.: 141–143]. К индивидуальным факторам относят такие показатели, как возраст, пол, уровень образования, личностные характеристики, ожидания, мотивация, личный опыт индивида. Групповыми факторами считаются культурная

дистанция, особенности исходной культуры, условия страны пребывания [Стефаненко 2004: 331–338].

Возраст является одним из ключевых индивидуальных факторов аккультурации. Большинство исследователей отмечают, что, чем старше человек, тем сложнее проходит процесс адаптации. Однако наличие других позитивных факторов способно сгладить аккультурацию. Например, 21-летний студент, владеющий языком страны пребывания, при значительной мотивации пройдет процесс адаптации проще, чем 15-летний подросток, у которого нет мотивации к активной аккультурации.

Влияние пола на процесс адаптации принято считать неоднозначным. Во многом гендерные различия в адаптации диктуются особенностями исходной культуры. Если в исходной культуре социальные роли мужчин и женщин сильно разнятся, то адаптация мужчины и женщины также будет проходить по-разному. Женщинам из традиционных обществ сложнее приспособиться к новой культуре, чем мужчинам, потому что их контакты с внешним миром ограничены. «Женщины из развитых стран не обнаруживают различий в своих способностях к аккультурации по сравнению с мужчинами. Даже есть данные о женщинах-американках, согласно которым они лучше, чем мужчины, приспосабливаются к новым обстоятельствам» [Садохин 2005: 141].

Образование признается важным и, как правило, однозначным фактором аккультурации: чем оно выше, тем успешнее проходит процесс адаптации. По утверждению Ф. Бока, «чем сложнее картина мира у человека, тем легче и быстрее он воспринимает новации» [цит. по Садохин 2005: 141]. Т.Г. Стефаненко отмечает, что успешнее адаптируются молодые и высокообразованные люди [Стефаненко 2004: 338].

Фактор личностных характеристик является неоднозначным. Г. Триандис полагает, что на успех адаптации влияют следующие особенности индивида:

- «когнитивная сложность – когнитивно сложные индивиды обычно устанавливают более короткую социальную дистанцию между собой и представителями других культур, даже сильно отличающихся от их собственной»;
- тенденции использовать при категоризации более крупные категории – индивиды, обладающие этим свойством, лучше адаптируются к новому окружению, чем те, кто дробно категоризирует окружающий мир. Это можно объяснить тем, что индивиды, укрупняющие категории, объединяют опыт, полученный ими в новой культуре с опытом, приобретённым на родине;
- отсутствие склонности к авторитарным проявлениям, так как установлено, что авторитарные, ригидные, не толерантные к неопределённости индивиды менее эффективно овладевают новыми социальными нормами, ценностями и языком» [цит. по Садохин 2005: 225–226].

Исследователями предпринимались попытки выделения универсального набора личностных характеристик, способствующих успешной адаптации в новой культуре. К таковым относятся, например, профессиональная компетентность, высокая самооценка, общительность, экстравертность, открытость для разных взглядов, интерес к окружающим людям, склонность к сотрудничеству, терпимость к неопределённости, внутренний самоконтроль, смелость и настойчивость [цит. раб.: 141]. Это классический набор качеств, приветствуемых в Западной культуре, но его нельзя назвать универсальным. Т.Г. Стефаненко отмечает, что экстравертность не всегда облегчает адаптацию, например, в странах, где в культуре принято проявление интровертных особенностей [Стефаненко 2004: 333].

Мотивация оказывает большое влияние на процесс адаптации. Добровольные иммигранты, стремящиеся стать полноправными членами принимающего общества, обладают самой сильной мотивацией. Проблемы с мотивацией могут возникнуть у вынужденных переселенцев и беженцев. Переселенцы с высоким уровнем мотивации ещё до переезда предпринимают активные действия по освоению языка, ознакомлению с культурой и историей страны, в ко-

торой они собираются жить. Успеху адаптации способствует наличие у индивида опыта пребывания в инокультурной среде.

Важнейшим групповым фактором аккультурации является культурная дистанция – то есть степень различия между K1 и K2. Для оценки степени сходства культур был предложен индекс культурной дистанции, который включает язык, религию, структуру семьи, уровень образования, материальный комфорт, климат, пищу, одежду [Лебедева 1999: 201]. Культурная дистанция часто может оцениваться субъективно, в результате на адаптацию иммигрантов будет влиять не сама культурная дистанция, а их представление о ней. Важным с точки зрения культурной дистанции представляется наличие или отсутствие конфликтов (войн, актов геноцида) в истории отношений между двумя народами [Садохин 2005; Стефаненко 2004].

А.М. Падилла и У. Перез утверждают, что на процесс аккультурации отрицательно влияют не только культурные отличия взаимодействующих групп, но и вообще любые отличия, включая особенности внешности, цвет кожи и т.д. [Padilla, Perez [http](#)].

Особенности исходной культуры иммигрантов могут повлиять на успех адаптации в новой культуре. Считается доказанным, что представители культур, где традиции и ритуализированное поведение имеют огромное значение (Япония, Юго-Восточная Азия), адаптируются менее успешно. Также процесс адаптации может усложниться у представителей так называемых «великих держав», которые считают, что приспособливаться должны к ним, а не они. В частности, это касается усвоения иностранных языков [Садохин 2005; Стефаненко 2004].

Условия страны пребывания оказываются важным фактором адаптации. Некоторые государства с самого возникновения позиционировались как принимающие сообщества (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия). Культурное разнообразие было положено в основу возникших в этих странах культур

(концепция плавильного котла в США). Сложнее адаптация проходит в ортодоксальных и тоталитарных обществах.

1.2. Культурная дистанция между немецким сообществом и группами иммигрантов

Для анализа объективных факторов лингвокультурной адаптации иммигрантов представляется необходимым дать краткий обзор основных волн иммиграции, которые обусловили проживание значительного количества людей миграционного происхождения в современной Германии.

Процесс активного въезда иммигрантов в ФРГ начался в 1950-х годах. При этом предпосылки и география очагов потоков иммиграции значительно различались.

С.В. Погорельская выделяет четыре основные волны иммиграции в Германию:

1) Первая волна связана с нехваткой рабочих кадров в конце 1950-х – начале 1960-х годов в послевоенной ФРГ, в которой произошло то, что называется «экономическим чудом». Неквалифицированные работники приезжали из южноевропейских стран (Португалии, Греции, Италии, Югославии) и из Турции. В это время возникло понятие «Gastarbeiter» – рабочий-гость: предполагалось, что после окончания контрактов работники вернутся в свои страны. Уроженцы южноевропейских стран, действительно, либо уехали на родину, либо успешно растворились в немецких городских ландшафтах. В Турции уровень жизни был гораздо ниже европейского, поэтому многие турки остались. По законодательству через несколько лет пребывания они могли получить разрешение на постоянное проживание, а со временем – и на гражданство. Этот поток положил начало формированию турецкой диаспоры – самой крупной в Германии.

2) Вторая волна представляет собой возвращение этнических немцев, начавшееся с 1953 года. Иммигрантам этой группы был присвоен статус «переселенцев» (Aussiedler), после 1993 г. – «поздних переселенцев» (Spätaussiedler).

Этнические немцы образовали значительную русскоязычную диаспору в Германии, так как их большинство до этого проживало на территории СССР.

3) Третью волну образуют «контингентные беженцы» – группы иммигрантов, принимаемые по квотам и отвечающие определённым характеристикам. В 1990-е гг. весомую часть этой волны составили представители еврейской национальности с постсоветского пространства, которые дополнили русскоязычную диаспору в Германии.

Четвертая волна – это политические беженцы из разных государств. Наряду с действительными политическими беженцами (диссидентами из социалистических стран, палестинцами, курдами) многие люди попытались воспользоваться этой программой. При невозможности доказать факт политического преследования иммигранты оставались в Германии нелегально [Погорельская 2006: 91–93].

В результате по статистике на 2017 г. в Германии проживало 18,6 млн. людей с миграционным происхождением, что составляет 22,5 % населения. 8,5 млн. из них имеют немецкое гражданство. В Германии людей с миграционным прошлым принято разделять на две категории: люди, собственно иммигрировавшие (10,6 млн.) и люди, родившиеся в Германии в семьях иммигрантов (5,4 млн.). Около 3 млн. иммигрантов турецкого происхождения, – это, несомненно, лидирующая по количеству группа иммигрантов ФРГ. В интересах перспективы демографического соотношения немцев и мигрантов стоит отметить, что средний возраст первых составляет 45,6 лет, вторых – 34,7 лет. Число мужчин миграционного происхождения на 50,3 % превышает число немецкого мужского населения [Destatis [http](http://)].

Самыми многочисленными являются группы турецкоязычных и русскоязычных иммигрантов.

Для оценки и сравнения групповых факторов аккультурации исследуемых групп иммигрантов представляется необходимым проанализировать сте-

пень сходства K1 и K2. Для данной цели было решено применить индекс культурной дистанции по И. Бабицеру см. [Стефаненко 2004].

Результаты анализа культурной дистанции групп иммигрантов от принимающего сообщества представлены в табл. 1.

Таблица 1.

Категория	Немецкая культура	Культура турецкоязычных иммигрантов 1 поколения	Культура русскоязычных иммигрантов
Язык	Немецкий	Турецкий	Русский
Религия	Христианство	Мусульманство	Христианство, атеизм
Структура семьи	Современная, эгалитарная	Традиционная, патриархальная	Современная, эгалитарная
Уровень образования	Средний / Высокий	Низкий	Средний
Материальный комфорт	Высокий	Низкий	Средний
История взаимодействия народов		Политическое сотрудничество с 1950-х гг.	Великая отечественная война 1941-1945 гг. Холокост

Особый интерес для настоящего исследования представляют предпосылки межъязыковых контактов. Обе группы иммигрантов столкнулись с иностранным языком уже в Германии. Большинство турецких иммигрантов, приехав в Германию, не имели даже начальных знаний немецкого языка. Группу русскоязычных иммигрантов составили люди с немецкими корнями и люди еврейской национальности, а также члены их семей. В большинстве случаев Я1 для русских немцев был русский, но в семьях сохранялось ощущение общности с немецкой культурой и языком. Стоит отметить, что на территории СССР статус немецкого языка как иностранного был очень высоким. Часть иммигрантов изучала немецкий язык в школе.

Больше сходств с принимающим обществом русскоязычные иммигранты демонстрируют в вопросе религии и структуры семьи. Большинство русскоязычных иммигрантов были либо христианами, либо атеистами, часть состав-

ляли иудеи. И ФРГ, и СССР (затем Россия) были светскими государствами, где жизнь общества отделялась от церкви. Это способствовало сокращению культурной дистанции между группой русскоязычных иммигрантов и немцами.

Исповедание мусульманства – одно из значительных различий турецкой диаспоры и принимающего сообщества в Германии. По замечанию С.В. Погорельской, ислам, даже в умеренном турецком варианте, препятствовал «растворению» диаспоры в либерально-демократическом государстве с христианскими корнями. Кроме того, турецкие иммигранты первого поколения были из сельской местности, где приверженность религии и традиционному семейному укладу была более сильной, чем в городах [Погорельская 2008: 151]. Поэтому жёны турецкоязычных иммигрантов первого поколения занимались домашним хозяйством и имели очень мало контактов с немецкой культурой. Структуры семей в ФРГ и СССР (России) мы оцениваем как схожие.

Уровень образования русскоязычных иммигрантов был, в общем, достаточно высоким. Турецкие иммигранты первого поколения были необразованы, занимая ниши неквалифицированной рабочей силы.

Материальный комфорт стал главной причиной иммиграции обеих групп иммигрантов. В СССР его можно оценить как средний, в России начала 1990-х годов – как низкий. В Турции у большинства эмигрантов первого поколения был крайне низкий уровень жизни.

Историю взаимодействия немецкого и турецкого народов мы оценим как благоприятную. В 1950-х годах политическая ориентация ФРГ и Турции совпали, поэтому настрой на сотрудничество был положительный. История взаимодействия русского и немецкого народа очень сложна и противоречива. Активное сотрудничество двух народов с петровских времен установило много культурных, экономических связей. Даже потрясение, которое принесла Великая отечественная война 1941–1945 годов, не сломало эти прочные связи. Многие русские немцы на территории СССР ассоциировали себя с немцами, а не с русскими или другими народами республик. Холокост лёг тяжелым пятном на

взаимодействие ФРГ с другими странами, однако, благодаря политике по «искуплению вины», Германии удалось успешно восстановить еврейскую общину.

Подводя итог вышесказанному, мы можем заключить, что из двух исследуемых групп общность турецкоязычных иммигрантов является более дистанцированной от принимающего немецкого сообщества в культурном измерении. Русскоязычные иммигранты демонстрируют ряд культурных различий от принимающего сообщества, но, в общем, целесообразно их оценить как гораздо более схожих с представителями немецкого общества. Таким образом, процессы аккультурации и лингвокультурной адаптации, характерные для группы турецкоязычных иммигрантов, представляют собой более сложное явление, чем аналогичные процессы, свойственные общности русскоязычных иммигрантов. Это объясняется объективными факторами, связанными с большой дистанцией между культурами.

Данные факторы можно оценить как принципиально важные при оценке межкультурных и межъязыковых контактов между немцами и иммигрантами на территории Германии.

1.3. Стратегии аккультурации и лингвокультурная адаптация

Процессы психологической, социокультурной и экономической адаптации, характерные для рассматриваемых групп иммигрантов, во многом зависят от успеха их лингвокультурной адаптации. Для рассмотрения уровня лингвокультурной адаптации необходимо выделить критерии успеха этого процесса. По нашему мнению, лингвокультурная адаптация может считаться успешной, если индивид способен функционировать в новой культуре в соответствии с ценностями, обычаями, правилами поведения, языком, свойственным этой культуре. При этом иммигрант не обязан отказываться от собственной идентичности, он также получает возможность доступа ко всем общественным ресурсам принимающего общества и может быть признан этим обществом как его полноправный участник.

Уровень лингвокультурной адаптации может оказывать влияние на стратегии аккультурации. Д. Берри выделил четыре основные стратегии аккультурации: интеграция, ассимиляция, маргинализация, сегрегация/сепарация [Berry <http>]. Определяя стратегии аккультурации, исследователь опирался на два взаимосвязанных фактора: важность поддерживания этнокультурной идентичности той или иной группы иммигрантов или индивидуума и важность поддерживания отношения с принимающим сообществом. Зависимость стратегий аккультурации от этих факторов представлена в табл. 2.

Таблица 2.

Стратегии аккультурации	Ценность поддержания этнокультурной идентичности	Ценность поддержания отношений с принимающим сообществом
Интеграция	Да	Да
Ассимиляция	Нет	Да
Сепарация/Сегрегация	Да	Нет
Маргинализация	Нет	Нет

Определяя стратегию аккультурации, мы отвечаем на два вопроса. Первый вопрос: представляет ли ценность для индивидуума или группы поддержание этнокультурной идентичности? Вторым вопросом является следующий: представляет ли ценность для индивидуума или группы поддержание отношений с принимающим сообществом [Там же]?

К. Додд предложил модель межкультурного взаимодействия человека с чужим окружением, терминология которой хорошо подходит для характеристики стратегий поведения не только группы, но и индивидуума. Отметим, что обозначения стратегий Д. Берри как бы подразумевают их групповой характер, претендуют на некую глобальность. У К. Додда названия стратегий, наоборот, несут оттенок локальности, и вообще созвучны со стратегиями реагирования человека на любые вызовы окружающей среды. Автор так же выделяет четыре стратегии:

1. «Flight»: бегство, или пассивная автаркия. Человек пытается избежать прямых контактов с чужой культурой, создавая свою этнокультурную микросреду.

2. «Fight»: борьба, или агрессивная автаркия. Для этой стратегии характерно неадекватное восприятие и критика новой культуры, проявление этноцентризма. Мигранты пытаются перенести свои этнические стереотипы и образцы поведения в новую среду.

3. «Filter»: фильтрация, или отделение. Эта стратегия может проявляться разнонаправленно: 1) как отвержение новой культуры и приверженность своей; 2) либо как полное восприятие новой культуры и отвержение прежней;

4. «Flex»: гибкость, флексибельность. В случае данной стратегии происходит следование установкам и нормам новой среды, при сохранении ценности прошлого и возможности вернуться к прежнему образу жизни [цит. по Матвеевко 2011: 19].

Сравнивая модели аккультурации Дж. Берри и К. Додда, находим, что стратегия бегства соответствует сепарации или сегрегации, стратегия гибкости созвучна с интеграцией. Следуя по одному пути фильтрации, мы придём к ассимиляции, выбрав другой путь, мы придём к существованию двух культурных групп, которые пусть и не проникли друг в друга, но существуют равноправно и осуществляют диалог. Стратегии борьбы мы не найдём аналога в модели Дж. Берри, а в данной модели К. Додда не учтена маргинализация. Таким образом, приведённые модели аккультурации дополняют друг друга. Для характеристики лингвокультурного поведения иммигрантов имеет смысл использовать обе модели.

Лингвокультурная адаптация иммигрантов и выбираемые ими стратегии аккультурации взаимно определяют друг друга. Один из составляющих элементов концепта «лингвокультурная адаптация» пересекается с приобретением языковых навыков, то есть с усвоением второго языка. На усвоение второго

языка влияют как внешние (социальные, психологические), так и внутренние факторы (языковые, системные).

Обзор внешних факторов, влияющих на усвоение второго языка, даётся в [Ellis 1994]. Они включают: система отношений мигранта, возраст, пол, социальный статус, этническая принадлежность. Фактор «отношения» мигранта включает в себя целый спектр отношений: отношения к Я2, говорящим на Я2, культуре представителей Я2, социальной ценности изучения Я2, особенностям употребления Я2, к себе, как представителям своей культуры. Логичным кажется предположение о том, что в целом положительное отношение к Я2, его носителям и их культуре определяет более успешное овладение Я2, чем негативное отношение к указанным объектам. Однако в исследовании [Lapoue 1991] на примере лингвокультурной адаптации индийского племени секани в англоязычной части Канады доказывается факт, что при отрицательном отношении к принимающему сообществу усвоение Я2 также может проходить успешно. В случае этого племени определяющим фактором явилась социальная значимость изучения английского языка, в том числе, из-за тенденции ассоциирования английского языка с Индией [цит. по Ellis 1994: 198–200].

Возраст считается достаточно однозначным социальным фактором: чем он меньше, тем больше вероятность успешного усвоения Я2. Пол является неоднозначным фактором: с одной стороны, женщины чаще демонстрируют положительное отношение к Я2 и культуре Я2, однако, мужчины превосходят женщин в области овладения практическими языковыми навыками [цит. раб.: 202–204]. Влияние пола на усвоение Я2 также связано с культурой иммигрантов: в среде иммигрантов-носителей традиционных культур для мужчин будет характерно более успешное усвоение Я2, так как контакты женщин с внешним миром могут быть ограничены.

Социальный статус (класс) включает определение следующих характеристик: уровень дохода, уровень образования, сфера занятости. Принято выделять четыре социальных класса: низший класс, рабочий класс, низший средний

класс, высший средний класс. Социальное положение может оказывать влияние на усвоение Я2, особенно, если это касается организованных занятий в классе: представители среднего класса более успешны усваивают Я2, чем представители низшего и рабочего класса [цит. раб.: 204–206].

Вопрос этнической идентичности, прежде всего, важен в его связи с культурной дистанцией между иммигрантом и культурой Я2. Чем эта дистанция меньше, тем больше вероятность успешного усвоения Я2 [цит. раб.: 207–210].

Влияние социальных и психологических факторов на усвоение иностранного языка в естественном окружении рассматривают Г. Джайлс в теории аккомодации (the Inter-group Model) и Дж. Шуманн в теории аккультурации. В теории аккомодации Г. Джайлса [Giles, Byrne 1982] рассматривается процесс усвоения второго языка в ситуации внутригруппового пользования языком в многоязыковых сообществах. Уровень овладения вторым языком и второй культурой имеет обратную зависимость от наличия этноцентристских тенденций («ethnolinguistic vitality») в группе Я1. При позиционировании группы Я1 оцениваются следующие переменные: идентификация с этнической группой Я1; сравнение групп Я1 и Я2; восприятие этноцентризма; восприятие границ группы Я1; идентификация с другими социальными группами. Шансы овладения вторым языком и второй культурой оцениваются как высокие, если: 1) идентификация с этнической группой Я1 является слабой, а Я1 не служит достаточным средством сплочения группы; 2) носители группы Я1 не сравнивают себя с носителями группы Я2 (признают себя равными им); 3) уровень этноцентристских тенденций воспринимается как низкий; 4) границы группы Я1 воспринимаются как открытые; 5) носители Я1 активно идентифицируют себя с другими социальными группами. Наличие противоположных тенденций усложняет процесс аккомодации и снижает шансы носителей Я1 на полноценное освоение второго языка и второй культуры [Ellis 1994: 234–235].

Согласно теории Дж. Шуманна, усвоение второго языка является лишь одним из аспектов аккультурации. По его мнению, степень аккультурации им-

мигранта в принимающем сообществе будет определять степень усвоения Я2 этим изучающим [Schumann http]. Степень аккультурации, в свою очередь, зависит от социальной и психологической дистанции человека от принимающего общества. При этом социальная дистанция расценивается как групповой фактор, а психологическая – как индивидуальный. Социальные факторы определяют, является ли ситуация освоения Я2 «хорошей» или «плохой» [Ellis 1994: 230–231]. Оценка социальной дистанции групп иммигрантов от принимающего сообщества по модели теории аккультурации Дж. Шуманна представлена в табл. 3. Под группой Я1 при этом понимается группа иммигрантов, под группой Я2 – принимающее сообщество.

Таблица 3.

Фактор социальной дистанции	Группа турецкоязычных иммигрантов	Группа русскоязычных иммигрантов
Социальное равенство групп Я1 и Я2	Нет	Нет
Положительная настроенность групп Я1 на ассимиляцию	Нет	Да
Отсутствие тенденций обособления групп Я1	Нет	Нет
Малая степень сплочённости группы Я1	Нет	Частично нет
Малый размер группы иммигрантов	Нет	Нет
Соответствие культур	Нет	Да
Демонстрация хорошего отношения групп Я1 и Я2 по отношению друг к другу	Частично да	Да
настроенность группы Я2 на долговременное проживание в окружении Я1	Частично да	Да

При оценивании фактора социального равенства мы определяем, что обе группы иммигрантов не являются равными принимающему сообществу в социальном плане. Для группы русскоязычных иммигрантов характерна большая настроенность на интеграцию, чем для группы турецкоязычных иммигрантов. Некоторую степень обособленности демонстрируют обе группы иммигрантов,

но группа турок ввиду большей культурной дистанции от принимающего сообщества демонстрирует большую степень обособленности, чем группа русскоязычных иммигрантов. Определённая степень сплочённости присуща также двум группам иммигрантов. Размер обеих групп является значительным. Турецкоязычная группа иммигрантов является более многочисленной. Фактор культурного соответствия принимающему сообществу является более выраженным у группы русскоязычных иммигрантов, чем у группы турецкоязычных. Фактор отношения между группами Я1 и Я2 у группы русскоязычных иммигрантов можно описать как в целом положительный. Относительно группы турецкоязычных иммигрантов этот фактор не всегда был однозначным. Настроенность группы русскоязычных иммигрантов на долговременное проживание в Германии сразу была очевидной. Первые турецкоязычные рабочие-гости приезжали в Германию лишь на временный срок. Решение оставаться в Германии принималось уже при возникновении определённых условий. Многие представители первого поколения турецкоязычных иммигрантов видели своё пребывание временным и рассматривали вариант возвращения на родину после обретения финансовой стабильности или выхода на пенсию.

Таким образом, ситуация процесса аккультурации и, следовательно, усвоения Я2 оказывается более благоприятной у группы русскоязычных иммигрантов, чем у группы турецкоязычных иммигрантов. Ситуация аккультурации и усвоения Я2 русскоязычной группы также имеют ряд объективных сложностей. Социальными факторами, способствующими торможению этих процессов, являются тенденция к обособлению группы, определённая степень сплочённости группы Я1 и её многочисленность.

Психологическая дистанция в теории аккультурации определяется индивидуальными особенностями и включает в себя следующие факторы: языковой шок, культурный шок, мотивация, возможности личности овладевающего Я2.

1.4. Иммигранты в Германии: социологический очерк

Социолингвистические исследования принимают в качестве одного из главных факторов, определяющих языковые процессы в социуме, социальный и культурный статус носителей языка, языковой личности. В этом плане ситуация в современной Германии обладает значительной степенью разнообразия.

Группы иммигрантов не являются абсолютно гомогенными общностями. Внутри каждой из них можно выделить страты, опираясь на критерии возраста, уровня образования, отношения к принимающему сообществу и к процессам интеграции вообще. Различия по этим признакам часто обуславливают разные уровни лингвокультурной адаптации и стратегии аккультурации.

В группе русскоязычных иммигрантов уровень лингвокультурной адаптации определяется такими факторами как возраст, уровень образования и настрой на интеграцию. М.В. Виноградская отмечает, что в среде русскоязычных иммигрантов в Германии наиболее успешно проходит лингвокультурная адаптация детей 0-10 лет или детей, родившихся в Германии. Лингвокультурная адаптация молодых людей 19-30 лет зависит от уровня образования и настроения на интеграцию и, соответственно, может разительно различаться. В среде русскоязычных иммигрантов 30-50 лет также наблюдается различный уровень лингвокультурной адаптации, однако, однозначным фактором является наличие работы: работающая часть иммигрантов демонстрирует более высокий уровень адаптации. У иммигрантов старше 65 лет обнаруживаются объективные препятствия к полноценной лингвокультурной адаптации в силу возраста, но её уровень может регулироваться в зависимости от индивидуальных характеристик и мотивации к интеграции [Виноградская 2009: 60-63].

С 2005 года все переселенцы обязаны проходить интеграционный курс, включающий в себя уроки немецкого языка и общую подготовку к будущей жизни в стране [Фатьянова [http](#)]. Многие переселенцы начинают свой путь в стране пребывания в лагерях по приему переселенцев и беженцев. В подобных

лагерях переселенцы проживают около полугода, где им оказывается квалифицированная помощь во внедрении в принимающее сообщество: предоставление необходимой информации о будущем месте жительства, организация бесплатных языковых курсов и обеспечение жилья на первое время. На первый взгляд, эти меры носят исключительно положительный характер. Однако данная система таит в себе и ряд недочетов, в частности значимых для языковой интеграции: проживание в своей языковой группе, отсутствие контакта с немецкоязычным населением. Курсы немецкого языка оказываются малоэффективными в данной ситуации, так как зарождаются сложности при дальнейшем общении с немцами, возникают попытки избегать его. Кроме того, жизнь в лагере имеет мало общего с будущей жизнью иммигранта в Германии, что провоцирует последующий шок, желание вернуться в среду, схожую по культурным условиям [Там же].

Большое количество русскоязычных в стране снижает мотивацию переселенцев активно преодолевать психологический и языковой барьер, постигать множество малопонятных для иммигрантов аспектов жизни в Германии и внедряться в ряды немецкого общества. В качестве примера приведём фрагмент из интервью с переселенцами:

«... мы живём в Германии уже восемь лет, но муж до сих пор языка толком не знает <...> работает он маляром, там почти все по-русски общаются...»

«Не знаю, почему так, но с русскими как-то проще, не нужно пытаться подстраиваться и следить за каждым словом» [Там же].

Лишь малая часть переселенцев находит себе друзей среди немцев. Большинство предпочитает жить в кругу «своих». Языковая изоляция перерастает в социальную, культурную и экономическую изоляцию. Без высокого знания немецкого языка трудоустройство на высококвалифицированную работу в Германии невозможно. Поэтому переселенцы с недостаточным знанием немецкого языка активно занимают нишу низкоквалифицированных работников на рынке труда, а также занимаются нелегальной работой. Однако, стоит отме-

титель, что склонность к социальной, культурной и экономической изолированности от немецкого населения характерна, прежде всего, для переселенцев старшего возраста. Модель адаптации молодых людей зависит от личных мотивации и амбиций. Дети, как правило, не имеют проблем с языковой адаптацией, осваивая язык естественным образом в детском саду и школе.

Считается, что лингвокультурная адаптация русскоязычных иммигрантов прошла довольно успешно. В качестве факторов, облегчающих интеграцию переселенцев, выделяют их самосознание как немцев и их религиозно-культурную связь с исторической родиной [Вайц б [http](#)]. Об успешной интеграции данной группы иммигрантов свидетельствует их высокий образовательный уровень (28% имеют полное среднее образование, только 3% не закончили школу) и большое количество браков с коренными немцами (67%) [DW [http](#)].

Важной особенностью этой группы иммигрантов является то, что неполноценная лингвокультурная адаптация оказывается свойственной лишь для представителей первого поколения иммигрантов. Второе поколение русскоязычных иммигрантов часто полностью ассоциируется с немецким языком и немецкой культурой, при этом может происходить утрата русского языка.

Условия иммиграции первого поколения турецких приезжих обусловили сложности их дальнейшей лингвокультурной адаптации. Их приезд был экономически вынужденным: в Турции они принадлежали к беднейшим и необразованным слоям населения из сельских регионов Центральной Анатолии или с побережья Чёрного моря. Турецкие рабочие-гости занимались самым неквалифицированным трудом, поэтому их немецкий лексикон сводился к уровню, необходимому, чтобы объясняться в рамках рабочего процесса с работодателем. Очевидным в данном случае является просчёт немецкого правительства в иммиграционной политике. Предполагалось, что рабочие-гости уедут на родину после окончания контрактов, поэтому условий для лингвокультурной адаптации иммигрантов создано не было. Чувствуя собственную языковую, социальную неполноценность, турецкие иммигранты часто стремились избегать кон-

такта с принимающим обществом. Гомогенное заселение в кругу «своих», отсутствие полноценной инфраструктуры на немецком языке, культурные, религиозные и социальные различия предопределили низкий уровень лингвокультурной адаптации у первого поколения турецкоязычных иммигрантов.

На немецком рынке труда турецкие мужчины поначалу плотно занимали нишу низкоквалифицированной, тяжелой физической работы. Другим вариантом занятости было ведение малого бизнеса, ориентированного на иммигрантов. Ввиду многочисленности диаспоры туркам удалось развить значительную инфраструктуру на турецком языке, что, наряду с культурно-социальной изолированностью, позволило исследователям выдвинуть понятие «параллельного общества» в Германии, говорящим не на немецком языке [Janßen, Polat [http](#)].

Турецкоязычные женщины либо работали в сфере обслуживания, также владея при этом лишь минимумом немецкого языка, либо были домохозяйками. Во втором случае они часто вообще не говорили по-немецки.

Исследуя языковую адаптацию рабочих-гостей, немецкие учёные выделили ряд факторов, способствующих успешному усвоению немецкого языка. Участниками Гейдельбергского проекта по исследованию языка иммигрантов был выделен следующий ряд факторов, определяющих успешное овладение Я2: контакт с немцами в свободное время; возраст на момент въезда – около 20 лет; контакт с немцами на рабочем месте; получение профессиональной квалификации на родине; продолжительное посещение школы [HFDP 1976: 334].

Порядок факторов определяет их важность, то есть самым важным признаётся наличие контакта с немцами в свободное время. При этом авторы исследовательского проекта напрямую связывают этот фактор с условиями проживания иммигрантов. Проживание рабочего-гостя в общежитии означало его изоляцию от немецкого населения и, следовательно, низкий уровень усвоения Я2. Брак с немцем/немкой или проживание с немецкоязычным партнёром рассматривается как гарантия успешной языковой адаптации [цит. раб.: 309].

М. Орлович отмечает, что успешное усвоение Я2 рабочими-гостями осуществлялось при соблюдении следующих условий: длительность пребывания в Германии – не более 8 лет; школьное образование – не менее 8 лет; возраст въезда – примерно до 24 лет; интенсивный контакт с немцами; наличие квалифицированной работы в Германии [Orlovic [http](#)].

И. Кейм, анализируя предложенные факторы, пишет об их неоднозначности. Результаты её исследования языковой адаптации группы 12 иммигрантов турецкого происхождения показали, что юный возраст при въезде и проживание в окружении немцев не гарантируют успех в овладении Я2. Таким образом, И. Кейм считает возраст въезда и ситуацию проживания «внешними» факторами. При их неблагоприятном значении они могут оказать отрицательное воздействие на языковую адаптацию, которое, однако, оказывается вполне преодолимым при положительном значении «внутренних» факторов. К «внутренним» факторам И. Кейм относит следующие: настрой иммигрантов остаться в Германии или вернуться на родину, наличие эмоциональных привязанностей, опыт в немецком окружении, успех или неуспех общения с новым окружением [Keim [http](#)].

Например, в группе из 12 иммигрантов на втором месте по уровню усвоения Я2 был мужчина, который приехал в Германию в возрасте 35 лет, не имея профессиональной квалификации. В течение 8 лет он проживал в Германии в мужском общежитии для турецких рабочих. Переезд своей семьи (жены и четверых детей) в Германию из Турции он планировал после того, как дети закончат школу. У него было много знакомых и друзей среди немцев, он хорошо разбирался в политической ситуации в Турции и критически относился к исламизации общественной и политической жизни в Турции (особенно в сельской местности). Он хорошо понимал правовые основы статуса рабочих-гостей в Германии и в среде рабочих-гостей часто выступал экспертом в оформлении документов и общении с органами власти [цит.раб.: 231–232].

Уровни усвоения Я2 в группе 12 испытуемых были распределены И. Кейм по шкале пиджинизации на три группы. Лучший уровень усвоения Я2 демонстрировали иммигранты, которым были свойственны следующие характеристики: наличие намерения остаться на продолжительный срок в ФРГ уже при въезде; наличие хорошего или очень хорошего контакта с немцами в личной жизни и на работе; критика в отношении политических (и религиозных) тенденций в Турции и, соответственно, отсутствие желания вернуться; осведомлённость в правовых основах жизни в Германии и успешный опыт общения с немецким окружением.

Средний уровень пиджинизации немецкого языка был характерен для иммигрантов даже при условии некоторого дистанцирования от принимающего сообщества. Однако для них было характерно наличие хорошего контакта с немцами в личной жизни или на работе. Факторами, оказавшими неблагоприятное влияние на усвоение немецкого языка, явились следующие: отсутствие намерения остаться в ФРГ на продолжительный срок уже при въезде; отсутствие контакта или незначительный контакт с немцами в сфере личной жизни и на работе; сильная приверженность турецко-исламским традициям, ассоциирование себя только с членами диаспоры и желание скорее вернуться на родину; отсутствие знаний об особенностях функционирования общественной жизни в ФРГ и страх перед общением с новой средой [цит. раб.: 240–241].

В связи с тем, что в целом уровень лингвокультурной адаптации первого поколения турецкоязычных иммигрантов был очень низкий, а также из-за возникновения феномена «параллельного общества», дети, родившиеся в Германии, вырастали в турецкоязычной среде, осваивая немецкий с поступлением в школу. Ш. Луфт приводит в своём исследовании следующую статистику: 75 % турецких детей родились в Германии, при этом только 25 % из них говорили на немецком языке [Luft http]. Таким образом, не исключалась возможность возникновения сложностей в лингвокультурной адаптации у представителей второго поколения турецкоязычных иммигрантов.

Недостаточное владение немецким языком определяет низкие стартовые шансы турецких детей к образованию и дальнейшему профессиональному росту. Однако многие турецкие иммигранты осознавали важность освоения немецкого языка для приобретения значительного социального статуса и инициировали своих детей хорошо учиться в школе, чтобы затем те поступили в гимназию или техникум, а затем и в университет. Так, во втором поколении турецкой диаспоры наблюдается много людей с высшим образованием в сфере медицины, юриспруденции.

Для многих представителей второго поколения турецкоязычных иммигрантов был характерен кризис самоидентификации, который, вместе с юношеским бунтом, выражался в противопоставлении себя принимающему обществу. Этому кризису способствовало чувство социального неполноправия. Это чувство было связано с распространённым мнением, что положение на немецком рынке труда определяется не уровнем образования, навыками и потенциалом, а положением в схеме «немец – иностранец».

Так, в романе Й. Кара «Selam Berlin» главный герой 19-летней турок Хазан, закончивший немецкую школу в Турции, владеющий немецким языком, переезжает в Берлин. В этом городе его отец уже на протяжении многих лет управляет туристическим агентством. Хазан решает поступать в университет, его мать, однако, предупреждает его о весьма скромных шансах на успешную работу в Германии даже при наличии высшего образования:

«Dein Vater hat auch studiert, und was ist aus ihm geworden? Er sitzt in seinem Reisebüro und kommt nicht voran. Glaubst du wirklich, dass du später eine anständige Arbeit bekommst? Als Ausländer wirst du höchstens Taxifahrer oder Kellner. Schau dich doch um!» (Kara 2004: 15).

В подобных описанному случаях можно говорить о сознательном отказе от лингвокультурной адаптации у представителей второго поколения иммигрантов, несмотря на доступность необходимых для этого ресурсов.

1.5. Типы культурно-речевого поведения иммигрантов

Х. Пфандль разработал концепцию культурно-речевого поведения иммигранта, взяв за основу отношение иммигранта к Я1 и Я2. Антиассимилятивный тип предполагает установку на сохранение Я1 и отвержение Я2. Такая модель поведения характерна для людей, которые не преследуют цель интеграции в общество и прибыли в страну с целью заработка. Представители этой модели поведения сознательно поддерживают связь с родным языком и культурой, изолируясь от принимающей культуры. Усвоение Я2 такими иммигрантами происходит на очень низком уровне, которого хватает лишь для выполнения неквалифицированных работ.

Ассимилятивный тип представляет собой максимально быстрое усвоение Я2 и пренебрежение к Я1. Представители этой модели поведения ставят перед собой цель полноценной интеграции в новое общество, стараются стать «своими», поэтому дистанцируются от родной культуры и языка во избежание ассоциирования их с «чужими».

Этот тип чаще всего характерен или для людей, иммигрировавших в раннем возрасте, или для второго поколения иммигрантов. По результатам исследования РАМ, от 2 % до 12 % иммигрантов из Турции указывали немецкий язык как доминирующий.

Бикультурный тип предполагает «авто-соотнесение» мигранта с двумя культурами (родной и приобретённой) и, соответственно, двумя языками. Как правило, этот тип поведения характерен для мигрантов с высоким уровнем образования. Х. Пфандль считает этот тип поведения самым редким и самым сложным. Индивид еще до эмиграции должен располагать определённым культурным запасом. По мнению исследователя, образцами такого типа культурно-речевого поведения являются писатели-эмигранты В. Набоков, В. Аксенов, И. Бродский. Настоящие представители бикультурного-билингвального типа не

просто осваивают новую культуру, но и по-новому начинают смотреть на свою собственную, становясь посредниками между культурами [Пфандль 1994: 72].

В классификации Х. Пфандля не учтён тип культурно-речевого поведения, когда мигрант не может причислить себя ни к одной из культур и, также, не владеет ни одним из языков достаточно хорошо. Этот культурно-речевой тип соответствовал бы стратегии маргинализации по модели аккультурации Д. Берри. По статистике, своё ограниченное владение и немецким, и турецким языком отмечали в разных сферах языка от 1 % до 19 % иммигрантов из Турции. Особенно высокий процент ограниченного владения был выявлен в сфере чтения (мужчины – 6 %, женщины – 16 %) и письма (мужчины – 10 %, женщины – 19 %). Гораздо реже ограниченное владение указывалось в сфере понимания (мужчины – 1 %, женщины – 2 %) и говорения (мужчины – 2 %, женщины – 1 %) [Bundesamt für Migration und Flüchtlinge 2008: [http](http://)].

Низкий уровень владения навыками чтения и письма на Я1 у данной группы иммигрантов может быть связан либо с эмиграцией в дошкольном возрасте, либо с эмиграцией из сельских регионов Турции, где уровень грамотности (особенно у женщин) достаточно низкий. Развитие этих навыков на Я2 предполагает целенаправленные занятия в классной аудитории. Однако лингвокультурная адаптация данной группы иммигрантов проходила в естественных условиях и не включала занятий по освоению немецкого языка.

Выводы по главе 1

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующий вывод: в контексте охвативших весь мир процессов глобализации иммиграция становится чрезвычайно актуальным явлением. Причинами иммиграции в Германию со второй половины XX в. явились нехватка малоквалифицированной рабочей силы в быстро развивающейся послевоенной Германии и вынужденный её импорт, политика правительства по возвращению на историческую родину этнических немцев, а также лояльная политика по приёму политических беженцев.

Самыми многочисленными группами иммигрантов явились турки и этнические немцы из стран бывшего СССР.

Лингвокультурная адаптация иммигрантов и выбираемые ими стратегии аккультурации взаимно определяют друг друга. Выбор конструктивных (интеграция, ассимиляция, гибкость) или неконструктивных (сепарация, маргинализация, бегство, борьба) стратегий аккультурации зависит от социальной и психологической дистанции иммигранта от принимающего сообщества. В результате анализа культурной дистанции турок и русскоязычных иммигрантов от принимающего немецкого сообщества турецкая диаспора была оценена как более дистанцированная. Представители турецкой диаспоры более предрасположены к антиассимилятивному типу культурно-речевого поведения исходя из объективных факторов.

Проблематичность лингвокультурной адаптации представителей турецкой диаспоры в Германии обусловлена культурно-религиозными различиями, ошибками в немецкой иммиграционной политике, отсутствием своевременных интеграционных мер, отсутствием необходимости быть вовлечёнными, говорить на немецком языке ввиду существования в крупных городах достаточной инфраструктуры на родном языке иммигрантов. Низкий уровень лингвокультурной адаптации у первого поколения турецкоязычных иммигрантов и геттоизированный способ их расселения предопределили возникновение сложностей на пути к лингвокультурной адаптации второго поколения турок в Германии. Лингвокультурная адаптация при этом играет одну из ключевых ролей, определяя шансы в образовании молодого поколения и их социальный статус.

Русскоязычные иммигранты в Германии демонстрируют более успешную интеграцию в немецкое общество, что объясняется культурно-религиозной общностью иммигрантов и коренного населения, их самосознанием как немцев. Лингвокультурная адаптация переселенцев у старшего поколения, однако, является неполной, что вызывает проблемы в сфере профессиональной интегра-

ции. Для представителей второго поколения русскоязычных иммигрантов характерен ассимилятивный тип культурно-речевого поведения.

Данный социологический контекст крайне важен для рассмотрения межъязыковых контактов на территории современной Германии и процессов интерференции языков, которая стала причиной появления ряда симбиотических языковых систем, активно развивающихся на фоне современной языковой «карты» Германии.

Глава 2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

2.1. Проблематика теории языковых контактов

Сопутствующим явлением процессов миграции становится явление контакта культур и контакта языков. Мы определили, что социальные и культурные различия обуславливают более сложный процесс лингвокультурной адаптации у турецкоязычных иммигрантов, чем у русскоязычных. В данной главе предполагается рассмотреть лингвистические условия лингвокультурной адаптации с точки зрения проблематики языкового контакта.

Еще в античные времена люди заметили способность языков влиять друг на друга, обратив внимание на слова-заимствования. Языковой контакт как фактор, повлиявший на образование современных европейских языков, упоминался в работах итальянских гуманистов в XV-XVI вв. Предметом научного исследования проблема языковых контактов становится в период развития сравнительно-исторического языкознания в конце XVIII – начале XIX веков (работы А. Шлейхера, Г. Шухардта, Г.И. Асколи) [Багана 2010: 7-9].

Вопросами контакта языков занимались такие отечественные ученые, как И.А. Бодуэн де Куртенэ и Л.В. Щерба. И.А. Бодуэн де Куртенэ отметил, что при языковом контакте происходит не только заимствование определённых элементов, но и ослабление степени и силы различаемости, характерной для отдельных частей языка, то есть упрощение системы в целом [Бодуэн де Куртенэ 1963: 366]. Идеи Л.В. Щербы о двуязычии, в частности, разграничение двух его типов – чистого и смешанного, являются одним из базовых положений теории языковых контактов [Щерба 1958].

Представители Пражского лингвистического кружка Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон внесли большой вклад в разработку таких вопросов теории языковых контактов, как языковые союзы и интерференция [Блажевич 2011: 11-12]. Принято считать, что теория языковых контактов окончательно оформилась как отдельное направление лингвистики с выходом в свет в 1953 году двух

монографий: «Языковые контакты» У. Вайнрайха [Weinreich 1953, рус. пер.: Вайнрайх 1979] и «Норвежский язык в Америке» Э. Хаугена [Haugen 1953]. Эти две работы послужили отправной точкой для появления большого количества работ в области языковых контактов. Дополнительным фактором развития контактной лингвистики послужил общий вектор лингвистики в антропологическую направленность, обозначившийся в конце 1970-х годов. Как отмечает Ж. Багана, «в центре интересов современной лингвистической контактологии (контактной лингвистики) находится многоязычный индивид: устройство его языковой компетенции, его социолингвистические характеристики и языковой материал, который он порождает» [Багана 2010: 13].

Актуальными для нашего исследования являются следующие основные категории контактной лингвистики: языковой контакт, билингвизм (двуязычие и диглоссия), интерференция и заимствование, формирование пиджина.

В лингвистической литературе предпринималось множество попыток дать определение термину «языковые контакты». Предлагались варианты толкования языкового контакта в узком смысле как контактной ситуации, обусловленной двуязычием, и как межъязыковой связи в отсутствии двуязычия – в широком смысле. Примером последнего варианта толкование является заимствование [Багана 2006: 15].

Приведём несколько примеров определений «языкового контакта». В.С. Иванов рассматривает данное понятие как взаимодействие двух или более языков, оказывающих влияние на структуру и словарь одного или многих из них [Иванов 1990: 237]; у Н.Б. Мечковской это «предельно широкий класс языковых процессов, обусловленных разного рода взаимодействием языков» [Мечковская 2000: 178]; Н.Ф. Алефиренко понимает под этим термином сложное и многообразное явление, осуществляющееся на основе двуязычия и сопровождающееся интерференцией [Алефиренко 2004: 64].

За последние двадцать лет в литературе наметилась тенденция пересмотра термина «языковые контакты» как такового [Багана 2010: 15]. Это связано с

развитием антропоцентрической научной парадигмой в лингвистике. В соответствии с ней в условиях межкультурной коммуникации описываются контакты не языков, а их носителей – представителей различных культур. Однако существенных изменений в терминологии контактной лингвистики эта позиция не вызвала: термин «языковые контакты» продолжает использоваться зарубежными и отечественными исследователями.

Явление языкового контакта затрагивает области ведения различных наук – социологии, психологии, лингвистики. Н.Б. Мечковская и Ж. Багана выделяют три аспекта рассмотрения явления языкового контакта: лингвистический, социолингвистический и психолингвистический [Багана 2010; Мечковская 2000].

На лингвистическом уровне языковой контакт принято рассматривать как смешение, взаимопроникновение двух самостоятельных языковых систем. А.М. Молодкин отмечает, что при этом внимание уделяется следующим аспектам: изменения, происходящие с контактирующими языками на фонологическом, грамматическом и лексическом уровнях; механизм заимствования языковых структур и элементов; процессы, затрагивающие языки, которые используются одновременно в двуязычных коллективах; возможные варианты развития контактирующих языков или новых языков, появившихся в результате языкового контакта [Цит. по Блажевич 2011: 13]. Представителями данного направления являются Ж. Багана, У. Вайнрайх, Ю.А. Жлуктенко, В.Ю. Розенцвейг, Э. Хауген и др.

Языковой контакт в социолингвистическом плане представляет собой взаимодействие разноязычных социумов, то есть определённую языковую ситуацию, представляющую собой совокупность языков и вариантов языков, обслуживающих некоторый социум в границах определённого региона, политико-территориального объединения или государства. Результаты такого взаимодействия зависят от целого ряда внешних факторов, таких как продолжительность и интенсивность контактов между языковыми коллективами; типы соци-

альных, экономических и политических отношений между ними; функции, выполняемые языками, которые служат средством коммуникации [Багана 2010: 16]. В рамках этого подхода проделаны исследования В.А. Аврорина, В.Д. Бондалетова, Ю.Д. Дешериева, А. Мейе, А.Д. Швейцера и др.

На психолингвистическом уровне языковой контакт рассматривается как индивидуальное двуязычие. Исследователей, занимающихся психолингвистической стороной языкового контакта, интересует то, как функционируют в сознании билингва два языка, каким образом осуществляются психические и ментальные процессы у такого индивида. С позиции этого подхода проводили свои исследования Е.М. Верещагин, А.А. Залевская, И.А. Зимняя и др.

Блажевич Ю.С. добавляет к данной классификации ещё и четвёртый уровень – лингвокультурологический. В рамках данного подхода в центре внимания находится вопрос национально-культурных особенностей языкового контакта и влияния культурных стереотипов носителей одного языка на развитие другого [Блажевич 2011: 13-14]. Представителями этого подхода являются Ж. Багана, А.М. Молодкин, Е.Ф. Тарасов, П.В. Тимачев и др.

В нашем исследовании предпринимается попытка рассмотреть языковой контакт в собственно лингвистическом и социолингвистическом плане.

2.2. Двуязычие и диглоссия

В качестве возможных форм лингвокультурной адаптации может выступать формирование двуязычия и диглоссии. Двуязычие также часто оказывается сопутствующим явлением языкового контакта. В данном пункте предполагается рассмотреть теоретические основы изучения двуязычия и диглоссии.

Двуязычие является частным случаем многоязычия. Термин «двуязычие» является более употребительным, чем многоязычие, и часто используется вместо последнего. В русской лингвистической традиции наряду с ними широко используются и термины «билингвизм» и «мультилингвизм».

Русское слово «двуязычие» является эквивалентом интернационального слова «билингвизм». Многие отечественные учёные рассматривают термины «двуязычие» и «билингвизм» как синонимичные [Шамне, Шовгенин 2008: 72]. В нашей работе мы согласимся с этой позицией. Двуязычие является частным случаем многоязычия. В лингвистической традиции термин «двуязычие» более употребителен, чем «многоязычие» или «мультилингвизм», и часто используется вместо последнего, так как двуязычные ситуации представляют собой наиболее типичный случай многоязычия.

Вопрос уровня владения языками часто становится одним из ключевых в подходах к определению билингвизма. Широкого подхода в толковании билингвизма придерживался Г. Пауль. Он считал билингвизмом любое влияние чужого языка, независимо от его проявления, будь то простой контакт между языками или действительное владение двумя языками [цит. по Шамне, Шовгенин 2008: 73]. Э. Хауген считал, что при билингвизме степень владения одним из языков может быть и довольно низкой [Хауген 1972: 61].

Представители узкого подхода в толковании билингвизма подчеркивают высокий уровень владения двумя языками как определяющий фактор. Американский лингвист Л. Блумфилд охарактеризовал двуязычие как доведённое до совершенства одинаковое владение двумя языками, родным и неродным [цит. по: Багана 2010]. По мнению В.А. Аврорина, двуязычием можно считать одинаково свободное владение двумя языками, то есть двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого [Аврорин 1972: 51].

Н.Л. Шамне и А.Н. Шовгенин обращают внимание на определения билингвизма У. Вайнрайха и В.Ю. Розенцвейга, как на компромисс между широким и узким подходами [Шамне, Шовгенин 2008: 73]. У. Вайнрайх определял двуязычие как «практику попеременного пользования двумя языками» [Вайнрайх 1979: 22]. В.Ю. Розенцвейг даёт следующее определение: «Под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключе-

ние с одного на другой в зависимости от ситуации общения» [Розенцвейг 1972: 9–10]. В обоих определениях отсутствует указание на степень владения двумя языками, однако, практика пользования языками по очереди уже предполагает возможность их использования для коммуникации.

Лингвистами были разработаны различные классификации билингвизма. В работе предполагается рассмотреть ряд из них.

А.Д. Швейцер приводит цитату немецкого учёного Г. Клосса, в которой исследователь предлагает различать «национальное одноязычие, двуязычие (билингвизм) и многоязычие», с одной стороны, и «индивидуальное одноязычие, двуязычие и многоязычие», с другой [Швейцер 2012: 114]. Важность данного разграничения также отмечала Л.И. Баранникова. По её мнению, необходимо различать социально-исторические условия и результаты контактов коллективов, и случаи индивидуального пользования языковыми системами [цит. по Залевская 1996: 158]. А.А. Залевская подчёркивает, что данный вопрос является определяющим при выделении типологии билингвизма: речь идёт об общественном явлении как о некотором соотношении двух языковых систем или о специфике функционирования двух языков у индивида? [Там же].

З.Г. Муратова полагает, что ситуацию билингвизма можно охарактеризовать в трёх планах: 1) с точки зрения функционирования компонентов двуязычия; 2) с учетом особенностей возникновения и развития билингвизма как социального явления; 3) с точки зрения степени владения языками [Муратова 1987].

М.М. Михайлов предлагает положить в основу выделения типов двуязычия следующие признаки: характер компонентов двуязычия, степень овладения ими, характер связи с мышлением, степень распространённости, характер распространённости, метод распространения, время овладения, способ овладения, форма функционирования двуязычия. Согласно этим признакам ученые выделяют следующие типы билингвизма: однородный и неоднородный; продуктивный, репродуктивный и рецептивный; непосредственный и опосредованный;

массовый, групповой и индивидуальный; добровольное изучение и насильственное навязывание; детский и взрослый; стихийное усвоение и специальное изучение; устный, письменный и двуединый [Михайлов 1988: 13].

А.А. Залевская пишет о ряде объективных трудностей, возникающих при исследовании типологии двуязычия. В явлении билингвизма пересекаются различные проблемы функционирования языка как общественного явления и как достояния индивида. Для разработки полной концепции двуязычия необходимы исследования в области разных наук. В основу типологий двуязычия могут быть положены различные подходы и принципы трактовки рассматриваемого явления. Однако, по мнению цитируемого автора, в настоящее время следует признать условный характер этих типологий [Залевская 1996: 157-158].

Другими проблемами при разработке типологии двуязычия оказываются неточность формулировок в терминологии и выделение критериев для классификации феномена. В отношении использования терминов А.А. Залевская пишет о «путанице», возникшей в научной литературе [Залевская 1996: 155-157]. Для решения этой проблемы необходим сущностный анализ того, что стоит за использованием тех или иных терминов.

Ю.С. Блажевич отмечает, что, несмотря на то, что многие учёные склонны рассматривать проблемы двуязычия исключительно в ключе определённых научных направлений (лингвистики, психологии, социологии, лингвокультурологии), неотъемлемым свойством вопросов билингвизма является их междисциплинарность [Блажевич 2011: 55]. Многогранность данного явления также подчёркивают А.Д. Швейцер [1978] и А.А. Залевская [1996]. Совершенно очевидным, таким образом, становится необходимость рассмотрения данного объекта исследования с позиций разных дисциплин.

По замечанию А.А. Залевской, в отношении явления двуязычия наиболее чётко разграничиваются социолингвистический и психолингвистический подходы к постановке задач, выбору методов исследования и интерпретации получаемых результатов. При этом подходы разнятся не только в мировой науке, но

и в пределах отдельно взятых стран. В своей монографии автор делает обширный обзор исследований по самым актуальным проблемам двуязычия. Среди таких проблем находим следующие: теории овладения вторым языком, педагогические аспекты двуязычия, когнитивные аспекты двуязычия, возраст и успешность овладения вторым языком, переключение кодов при двуязычии, взаимодействие языков при двуязычии, «промежуточный» язык как специфический феномен, мозговые механизмы обеспечения двуязычия и пр. [Залевская 2009: 12-22].

Ю.Д. Дешериев и И.Ф. Протченко в качестве основных аспектов исследования билингвизма выдвигают собственно лингвистический, социолингвистический, психологический и педагогический [цит. по Швейцер 2012: 115]. В.Д. Бондалетов отмечает, что наиболее рельефно можно выделить лингвистический (социолингвистический), психологический и педагогический аспекты изучения двуязычия [Бондалетов 1987: 83]. В своём диссертационном исследовании Ю.С. Блажевич пишет о лингвистическом, социолингвистическом, психологическом, лингвокультурологическом и педагогическом аспектах билингвизма [Блажевич 2011: 56–66].

В рамках лингвистического подхода учёные устанавливают степень владения двуязычного носителя каждым языком. Этот аспект является актуальным при анализе соотношений структур и структурных элементов двух языков, их взаимовлияния, взаимодействия и взаимопроникновения на разных уровнях языка (фонологическом, фонетическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, лексико-семантическом и стилистическом). В ведении данного аспекта находится вопрос исследования явления интерференции при использовании обоих языков. Таким образом, лингвистическая сторона билингвизма имеет точки соприкосновения с контрастивно-сопоставительным описанием языков и с теорией языковых контактов. В рамках этих научных направлений даётся лингвистическое объяснение причин возникновения интерференции, прогнозируются возможные явления интерференции.

Х.З. Багираков отмечает следующие основные лингвистические вопросы, возникающих в связи с явлением двуязычия: воздействие родного языка на второй; воздействие второго языка на родной; разграничение интерференции на уровне языка и на уровне речи [Багираков 2004: 11].

По мнению Ю.Д. Дешериева, особую роль среди аспектов рассмотрения билингвизма играет лингвистический, точнее социолингвистический, поскольку «двуязычие (билингвизм) – прежде всего лингвистический, социолингвистический феномен», в котором органически переплетены социальное и лингвистическое [цит. по Швейцер 2012: 115].

При определении двуязычия с позиций социолингвистического подхода индивидуальный билингвизм представляет интерес лишь как конкретная реализация билингвизма социального. Носителем билингвизма в данном случае выступает речевой коллектив.

У А.Д. Швейцера находим подробный обзор двух подходов к изучению двуязычия как социолингвистического феномена: статического и динамического. Первый подход выражается в выявлении соотношения между двумя взаимодействующими языками в определённом социально-историческом контексте. В рамках этого подхода осуществляется исследование распределения социальных функций и сфер общения между сосуществующими в пределах данного коллектива языками, выяснение ролей, которую играет каждый из них в жизни данного общества, определение зависимости между распределением двуязычия и социальной структурой общества, выявление статуса каждого из языков [Швейцер 2012: 115].

Динамический (или функциональный) подход заключается в выяснении механизма взаимодействия компонентов социально-коммуникативной системы под влиянием социальных факторов [Швейцер 2012: 121]. Понятие социально-коммуникативной системы было введено А.Д. Швейцером. Автор понимал под ним совокупность языковых систем и подсистем (различных языков или раз-

личных вариантов языка), используемых тем или иным языковым или речевым коллективом [цит.раб.: 78].

В англоязычной и немецкоязычной лингвистической литературе употребляются сходные термины: *verbal or linguistic repertoire*, *sprachliches repertoire* [Auer http, Keim 2007], что на русский язык можно перевести как речевой или языковой репертуар [Auer http, Keim 2007]. Этот термин ввёл Дж. Гамперц, вкладывая в него следующее значение: «совокупность языковых средств, включающая как инвариантные формы, так и переменные, и доступная членам данного коллектива» [цит. по Швейцер 2012: 76-77]. А.Д. Швейцер подчёркивает обоснованность введения своего термина, в отличие от используемых ранее, тем, что при употреблении понятия «социально-коммуникативная система» речь идёт не просто о совокупности языковых средств, а о системном образовании [цит. раб.: 77].

Е.Ф. Тарасов в одной из своих работ предложил модель коммуникативного акта, которая может выступить основой социолингвистического анализа двуязычия. При этом подчёркивается, что билингвизм выступает как особая форма речевого поведения, и между речевым поведением двуязычных коммуникантов и социальными компонентами коммуникативного акта возможно установить определённые корреляции, опираясь на данную модель [цит. по Швейцер 2012: 121-122].

Х.З. Багироков отмечает следующие важные критерии для классификации билингвизма в социолингвистическом ключе: наличие двух и более наций, народностей и их представителей на данной территории или в данном коллективе; наличие двух языков, служащих средством общения людей; наличие различных демографических групп; соотносённость двух речевых механизмов; время приобретения двуязычия – раннее и позднее; способ овладения индивидом, группой людей неродным языком – контактный и неконтактный тип двуязычия; направление действия контактирующих языков в той или иной двуязычной общности людей – одностороннее и двустороннее двуязычие; степень

охвата носителей одного народа тем или иным типом двуязычия – индивидуальное, групповое, массовое, всеобщее, семейное; ареал распространения – двуязычие города и двуязычие сельской местности; степень активности проявления интерференции на различных уровнях языка – высокое, среднее и низкое [Багироков 2004: 14].

Т. А. Бертагаев выделяет следующие типы двуязычие по охвату носителей: индивидуальное, групповое, массовое, всеобщее [Бертагаев 1972: 82–88]. Ю.С. Блажевич добавляет к этой классификации еще один тип – семейный, справедливо обосновывая это тем, что семья представляет собой отдельную социально-демографическую единицу в структуре общества [Блажевич 2011: 58].

Социолингвистическое определение билингвизма опирается на понятие языкового билингвизма и социально-коммуникативной системы. У А.Д. Швейцера и Л.Б. Никольского находим следующее определение: билингвизм – это сосуществование двух языков в рамках одного языкового коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта. Оба языка, обслуживая единый коллектив, образуют единую социально-коммуникативную систему и находятся в отношении функциональной дополнительности друг к другу [Швейцер, Никольский 1978: 111].

По замечанию В.Д. Бондалетова, в социолингвистическом аспекте важен вопрос о функциональной нагруженности второго языка. Решить этот вопрос возможно, определив следующие характеристики второго языка: сферы его использования (в сопоставлении с первым языком), степень свободы владения им, конкретный набор используемых социально-функциональных компонентов второго языка (то есть его форм существования), распределение коммуникативных функций между первым и вторым языком, контингенты охваченные двуязычием, широту использования второго языка и его восприятие, оценку двуязычия как социально-лингвистического феномена [Бондалетов 1987: 83–84].

Н.Б. Мечковская, говоря о социолингвистическом аспекте двуязычия, подчёркивает, что два языка не могут быть функционально тождественны. Например, в семейном общении обычно преобладает один язык, хотя все члены семьи могут в принципе хорошо владеть и другим языком данного двуязычного социума [Мечковская 2000: 105]. Таким образом, представляется возможным говорить о том, что в речевой практике за пределами семейного общения также наблюдается тенденция к дифференцированному выбору языка в зависимости от ситуации общения, темы, собеседника. Так происходит функциональная специализация языков в индивидуальной речевой практике. Применительно ко всему двуязычному социуму это оборачивается тенденцией к функциональному разграничению языков.

В одной из своих работ А.А. Залевская указывает, что в рамках психолингвистического аспекта двуязычия в зарубежной научной литературе наиболее чётко прослеживаются: 1) генеративистский подход с опорой на идеи Н. Хомского, включая признание наличия у человека врождённой Универсальной Грамматики, и анализ различных аспектов двуязычия с позиций концепции Принципов и Параметров, 2) когнитивный и 3) коннекционистский подходы к трактовке устройства и функционирования речевого механизма человека, в том числе в условиях владения двумя и более языками.

Что касается отечественных исследований двуязычия в психолингвистическом ключе, то, по мнению исследователя, можно выделить следующие тенденции: 1) традиционную склонность к системно-структурному анализу при декларировании когнитивного подхода к языковым явлениям и 2) стремление следовать деятельностному подходу в русле отечественной психолингвистики с акцентированием внимания на механизмах и процессах функционирования двух и более языков в речемыслительной деятельности индивида [Залевская 2009: 12].

Лингвокультурологический аспект билингвизма заключается в том, что каждый язык имеет свой способ концептуализации окружающей действитель-

ности. Если двуязычие – это возможность использования двух языков, то оно предполагает и ориентирование в двух картинах мира и организацию высказываний на определённом языке согласно с соответствующей картиной. У. Вайнрайх отмечал: «контакт культур естественно приводит к диффузии элементов как материальной, так и духовной сферы», а ситуация совместного контакта языков и культур «благоприятствует интерференции лексического и культурного типов» [Вайнрайх 1979: 157].

Ю.С. Блажевич отмечает, что при изучении проблемы билингвизма и языкового контактирования важно рассматривать языковые факторы в комплексе с экстралингвистическими. Исследователями предпринимались попытки создания унифицированного подхода к изучению проблем контакта языков и контакта культур. Так, М. Уи выделил три типа билингвизма:

1) спорадический билингвизм, который проявляется одновременно с ограниченной культурной ассимиляцией, например, когда наблюдается перенесение терминов, касающихся определенной производственно-экономической деятельности, из чужого языка в родной;

2) ориентированный билингвизм, основным показателем которого является массовое заимствование из чужого языка терминов, связанных с усваиваемой культурой, а также сокращение функций родного языка;

3) общий билингвизм, при котором начинается усвоение нового языка членами этнического коллектива с одновременным забвением технологических терминов родного языка, а впоследствии социальной, этнической и религиозной терминологии [цит. по Багана, Хапилина 2010: 63-64].

При рассмотрении педагогического аспекта билингвизма является важным разграничить естественное (социальное) и искусственное (учебное) двуязычие. Педагогический аспект двуязычия затрагивает вопросы методического характера, связанные с формированием и развитием двуязычия, а именно: какое время является наиболее продуктивным, результативным для изучения неродного языка; когда, в каком возрасте целесообразнее начинать изучение нерод-

ного языка при отсутствии его речевой среды; когда лучше изучать другой язык – параллельно с родным или после его усвоения; каковы эффективные пути, методы и приёмы формирования и развития двуязычия в школе.

Педагогический аспект, несомненно, важен, поскольку «без разработки лингвометодических основ усвоения второго языка, без изучения условий возникновения двуязычия, функционирования родного и второго языков, ментальности видения мира этносом, без знания психологии усвоения неродного второго языка невозможно разработать методику взаимосвязанного преподавания контактирующих языков, подобрать различные виды работ, способствующие становлению двустороннего билингвизма в регионе» [Багироков 2004: 16].

В связи с вопросом билингвизма необходимо также упомянуть о такой особой ситуации, как «семилингвизм» (полуязычие). «В норме билингвы владеют хотя бы одним языком в полном объёме. Однако возможны случаи, когда общение индивида с носителями его родного языка ограничено, а уровень коммуникативного взаимодействия с носителями языка, доминирующего в языковом сообществе, невысок. В подобной ситуации «адекватное знание родного языка утрачивается, а второй язык осваивается в ограниченных пределах» [Вахтин 2001: 78]. Это явление получило название полуязычия (англ. *semilingualism*). Лексический состав обоих языков оказывается ограниченным, а грамматическая структура упрощена [Полинская [http](#)].

Этой проблемой может быть затронуто целое языковое сообщество, если происходит отказ от своего языка прежде, чем полностью был усвоен второй язык, или языковой уровень сообщества в результате длительной пространственной отдалённости от области, в которой данный язык является доминантным, более не соответствует высоким коммуникативным требованиям.

По замечанию Ю.С. Блажевич, двуязычие и многоязычие являются одним из важнейших факторов, влияющих на развитие национального негомогенного языка, способствуя его вариативности в определённой территориальной и соци-

альной среде [Блажевич 2011: 66]. Развитию языковой вариативности в пределах того или иного речевого коллектива также способствует явление диглоссии.

Термин «диглоссия» пришёл из греческого языка и в буквальном переводе означает «двуязычие». Понятие было введено в 1959 году Ч. Фергюсоном. Исследователь вкладывал в названное понятие следующее значение: «две или более разновидностей одного и того же языка, используемых некоторыми говорящими при различных обстоятельствах» или «две разновидности языка, сосуществующие в данном коллективе, каждая из которых играет определённую роль» [цит. по Швейцер 1977: 116].

В качестве примера диглоссии Ч. Фергюсон приводит использование итальянского и персидского стандартного языка и регионального диалекта. Стандартный язык при этом используется в формальной обстановке, публичных ситуациях или для общения с носителями других диалектов, а региональный диалект – в неформальной обстановке: дома, в семье или с друзьями из той же диалектной области. В случае диглоссии одна разновидность может обладать более «высоким» статусом, а другая более «низким» [Фергюсон 2012].

В трактовке американского социолингвиста Дж. Фишмана термин «диглоссия» приобретает другое значение. Этот термин противопоставляется исследователем термину «билингвизм» в рамках оппозиции «социологическое» – «индивидуально-психологическое» [цит. по Швейцер 1977: 116-117]. Различие, устанавливаемое Дж. Фишманом между билингвизмом и диглоссией, созвучно с приведённым нами ранее разграничением билингвизма как специфики функционирования двух языков у индивида и как общественного явления.

В нашей работе мы будем придерживаться трактовки термина «диглоссии», предложенной Ч. Фергюсоном. Отметим, что рассмотренные нами подходы к изучению билингвизма как социолингвистического явления, применимы и к исследованию диглоссии. Таким образом, А.Д. Швейцер даёт следующее определение диглоссии в рамках социолингвистического подхода: «сосуществование двух разновидностей одного и того же языка (литературного языка и

местного диалекта, двух различных диалектов и т.п.) в пределах одного и того же речевого коллектива, использующего эти языки в соответствующих коммуникативных сферах, в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта» [Швейцер 1977: 117].

В.А. Виноградов подчёркивает, что в отличие от билингвизма диглоссия предполагает оценку говорящими своих языковых вариантов по шкале «высокий-низкий». Диглоссия является основной формой состояния языка ввиду принадлежности индивида одновременно нескольким разным коллективам и его возможностью пользоваться разными языковыми подсистемами. двуязычие не обязательно сопровождается диглоссией. Это встречается редко, но языки билингва могут никак не распределяться в соответствии с коммуникативной ситуацией. В ситуации чрезвычайной ограниченности кодового репертуара однопользовательного индивида в различных коммуникативных ситуациях этот индивид будет использовать одну и ту же языковую подсистему. В этом случае можно говорить о его моногlossenности [Виноградов 2000: 136].

Теория двуязычия и диглоссии являются, применительно к настоящему исследованию, инструментами исследования межъязыковых и межкультурных контактов между иммигрантами и местным населением в современной Германии. Двуязычие, являясь более масштабным по своим параметрам феноменом, обуславливает, в том числе, характеристики диглоссии, которая, обладая свойствами вариативности, обеспечивает достаточно подробное стратифицирование лингвокультурных формирований в рамках единой культуры. Механизмом же, который обеспечивает формирование данных языковых феноменов, является межъязыковая интерференция.

2.3. Интерференция как фактор формирования двуязычия в ситуации немецко-турецких и русско-турецких языковых взаимодействий

При усвоении второго языка в условиях лингвокультурной адаптации важным оказывается явление интерференции.

Появление термина «интерференция» в лингвистике связывают с деятельностью Пражского лингвистического кружка. У Б. Гавранека находим, что термин использовался в тезисах VI международного лингвистического конгресса в Париже 1948 г. [Гавранек 1972: 94-111]. Сам термин «интерференция» (от латинского *inter* – между, взаимно, + *ferens, ferentis* – несущий, переносящий [Розенталь 1976: 132]) пришёл в лингвистику из области физики и изначально обозначал взаимное усиление или ослабление волн при наложении друг на друга.

Проблема интерференции стала активно рассматриваться исследователями после выхода в свет книги У. Вайнрайха «Языковые контакты» в 1953 году. Как отметил в этой работе учёный, в результате языковых контактов может возникнуть три вида взаимодействия языковых систем: языковой сдвиг, то есть вытеснение одного языка другим; переключение, когда происходит автоматическое, попеременное пользование то одним, то другим языком; слияние, когда языковые системы смешиваются и формируется новая система, отличная от двух первоначальных [Вайнрайх 1979: 22].

Современные исследователи справедливо отмечают, что в теории языковых контактов существует множество подходов к определению понятия «интерференция». Обзор мнений по толкованию этого термина у англоязычных учёных находим у Ж. Баганы и Ю.С. Блажевич. Одни исследователи придерживаются широкой трактовки понятия «интерференция», под которым подразумеваются любые языковые изменения в результате языкового контакта, в том числе «заимствование при сохранении языка» и «интерференция вследствие языкового сдвига». Другие противопоставляют понятия «интерференции» и «прямого заимствования» языковых элементов. У третьих это понятие характеризует только процесс усвоения второго языка, а «заимствование» обозначает контактное изменение в речевой деятельности [Багана 2010: 26].

Ф.С. Ахметзянова в своём диссертационном исследовании даёт обзор толкований понятия «интерференция», опираясь на работы отечественных

лингвистов. При этом она отмечает, что у одних учёных термин связан с понятием языковой нормы, у других – с лингвистическим переплетением (наложением). Одни прибегают к широкому толкованию понятия, включая в содержание «интерференции» явления заимствования и субстрата, другие к узкому, видя в ней только нарушения языковых норм в речи [Ахметзянова 2005: 13].

Как и в случае двуязычия, подобные расхождения в трактовании понятия связаны с многоаспектностью интерферентных явлений. Приведём ряд определений, встречающихся в лингвистической литературе. У. Вайнрайх предлагает называть интерференцией «случаи отклонения от норм любого из языков, происходящие в результате владения двумя и более языками, т.е. вследствие языкового контакта» [Вайнрайх 1979: 22]. Схожее определение находим у Э. Хаугена: «случаи отклонения от норм языка, появляющиеся в речи двуязычных носителей в результате знакомства с другими языками» [Хауген 1972: 62]. В.А. Виноградов полагает, что интерференция – это «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка», а отклонения от нормы и системы неродного языка, вызванные влиянием родного, он считает выражением процесса интерференции [Виноградов 1990: 197]. По мнению З.У. Блягоза, интерференция – это «все изменения структурных элементов языка в речи – в значениях, свойствах, в сочетаемости и «поведении» языковых единиц, – появляющиеся в результате взаимодействия языковых систем» [Цит. по: Ахметзянова: 62].

В соответствии с этим У. Вайнрайх разграничивал интерференцию в речи и в языке: «в речи интерференция подобна песку, уносимому течением, в языке же ее можно сравнить с песком, осевшим на дно...» [Вайнрайх 1979: 36]. Ю.А. Жлуктенко развил эту идею, назвав «диффузией» процесс постепенного проникновения того или иного иноязычного элемента в систему воспринимающего языка. Диффузия делится на две стадии: интерференцию и интеграцию. На первой стадии лингвистическое изменение воспринимается носителем двуязычия

или многоязычия как отклонение от нормы. В дальнейшем же оно может стать нормой. В этом случае наблюдаемое в языке отклонение вступает в стадию интеграции и становится составной частью заимствующего языка [Жлуктенко 1974: 62]. Социолингвисты В.И. Беликов и Л.П. Крысин отмечают, что постепенно интерферентные элементы могут закрепиться в языке, стать частью его стандарта и перестать ощущаться как нечто иноязычное [Беликов 2001: 35].

Отклонение от нормы также может служить ключевым фактором при определении интерференции. Эту позицию демонстрирует определение З.У. Блягоза (приведено выше). По мнению Е.М. Верещагина, интерференция – это «внутренний ненаблюдаемый процесс у билингва, который выражается в зримых отклонениях от норм одного или более языков в его речи» [Цит. по.: Ахметзянова 2005: 14].

Следующим противопоставлением является понимание интерференции как отрицательного и как положительного переноса (у Ю.С. Блажевич негативный и позитивный перенос) [Блажевич 2011: 18]. По замечанию Ф.С. Ахметзяновой, отрицательный результат интерференции часто акцентируется в рамках методики преподавания иностранных языков. Цитируемый автор определяет отрицательный перенос в методическом ключе как непроизвольное допущение учащимися в речи на неродном языке различных неточностей с точки зрения нормы изучаемого языка в результате отрицательного влияния родного языка [Ахметзянова 2005: 16]. При положительном переносе прошлый лингвистический опыт облегчает формирование новых речевых умений и навыков. Подобное явление возможно благодаря универсальным и общетипологическим свойствам языка. Положительное влияние родного языка также называют «трансференцией» или «переносом», а отрицательное – «интерференцией» [Ахметзянова 2005: 16].

Ряд исследователей, говоря об интерференции, напрямую ассоциируют это явление с ошибками. Так, Н.Б. Мечковская называет интерференцией ошибки в речи на иностранном языке, вызванные влиянием системы родного

языка [Мечковская 2000: 368]. По В.А. Виноградову, интерференция – это «подмена схем и моделей изучаемого языка соответствующими элементами родного языка, либо видоизменение первых по образцу вторых». Исследователь также отмечает, что при изучении Я2 люди делают ошибки, которые относятся как к системе, так и к норме языка, при этом последние оказываются более распространены [Виноградов 2003: 251].

Г.М. Бурденюк и В.М. Григорьевский считают, что явление ошибки в Я2 есть «результат неправильной операции выбора языковых средств иностранного языка для выражения правильно запрограммированной мысли». В качестве возможных причин неправильного выбора предлагаются следующие: 1) семантическое, структурное и функциональное отождествление явлений родного и иностранного языков, а также явлений внутри иностранного языка; 2) влияние таких факторов, как переосмысление на почве недопонимания, возникновение неправильных ассоциаций, иногда чисто механического характера [цит. по Блажевич 2011: 22].

Одним из направлений исследований в рассматриваемой области является поиск путей объяснения механизмов ошибки. Т.Д. Кузнецова [Кузнецова 1978] уделяла особое внимание роли механизма установки в формировании правильного и ошибочного речевого действия на втором языке.

Круг проблем интерференции в языке включает фонетическую, грамматическую, семантическую и стилистическую интеграции иноязычных элементов в саму систему языка. Своеобразным индикатором интеграции слова считается ситуация, когда члены воспринимающего второй язык коллектива больше не воспринимают это слово как иноязычное. Те языковые явления, которые возникают в речи под действием контакта эпизодически и не приобретают распространения, а значит, не становятся нормой в языке, можно отнести к области интерференции [Жлуктенко 1974: 62].

Для нашей работы является актуальным трактование понятия «интерференция» как отрицательного переноса. Положительное влияние родного языка

мы будем обозначать как «перенос» или «трансференцию». Л.Г. Фомиченко даёт следующее определение интерференции как негативного влияния Я1 на Я2: «...под интерференцией понимается взаимодействие языковых систем в условиях естественного или искусственного двуязычия, возникающее при языковых контактах и выражающееся в отклонениях от языковой нормы и системы второго языка под влиянием когний родного языка (менталитета, энциклопедических знаний, лингвистических знаний, языковых способностей)» [Фомиченко 1998: 2].

В литературе выделяют следующие виды интерференции: межъязыковую и внутриязыковую, прямую и косвенную, явную и скрытую [Ахметзянова 2005, Блажевич 2011, Виноградская 2009].

Межъязыковая интерференция (у некоторых учёных встречается термин «внешняя» интерференция) вызвана влиянием Я2 на Я1. Внутриязыковая интерференция (также «внутренняя» интерференция) проявляется по внутриязыковой аналогии и возможна в речи монолингва. В качестве причин возникновения этого типа интерференции выступает наличие в языке немотивированных особенностей и внутриязыковых оппозиций [Виноградская 2009: 36]. Н.Н. Рогозная отмечает, что в речи билингов имеет место как межъязыковая, так и внутриязыковая интерференция, то есть обнаруживаются следы систем как родного, так и изучаемого языка. Вопрос разграничения двух видов интерференции при этом может оказаться весьма сложным [Рогозная 2003: 51].

Прямая интерференция связана с переносом свойств или элементов одного языка в речь на другом языке. По определению В.Ю. Розенцвейга, прямая интерференция – это замена дифференциальных признаков изучаемого языка дифференциальными признаками родного. Косвенная интерференция связана с отсутствием в Я1 отличительных признаков, имеющих в Я2 [Розенцвейг 1972: 47]. По замечанию Ф.С. Ахметзяновой, в результате косвенной интерференции в Я2 возникают ошибки, не связанные с переносом явлений Я1. Поэтому

му назвать их интерференционными можно лишь в определённом смысле, условно [Ахметзянова 2005: 103].

При явной интерференции происходит проникновение элементов из Я1 в Я2, что приводит к нарушению нормы последнего. Явная интерференция может проявляться на всех этапах усвоения Я2, степень её разнится в соответствии с уровнем владения Я2.

Скрытая интерференция выражается в упрощении выразительных средств изучаемого языка. Она является результатом стремления двуязычного индивида избегать употребления сложных конструкций Я2 и элементов, отсутствующих в родном языке, с целью снизить возможность возникновения ошибок [Виноградская 2009: 37]. В этом случае для речи на Я2 характерны ограниченный лексический состав, ограниченное использование грамматических ресурсов, однообразии синтаксических конструкций [Ахметзянова 2005: 106].

В соответствии с языковыми уровнями выделяют фонетическую, грамматическую, лексическую. Исследования также проводятся в области графической и просодической интерференции.

Фонетическую интерференцию можно определить как отклонения от произносительных норм Я2, приводящие к возникновению акцента. Классической является классификация типов фонетической интерференции У. Вайнрайха. Она включает недодифференциацию, сверхдифференциацию, реинтерпретацию значений и субституцию звуков [Вайнрайх 1979: 45-46].

Грамматическая интерференция выражается в отклонении от грамматических норм Я2 под влиянием грамматической системы Я1. В.Ю. Розенцвейг и Л.М. Уман адаптировали схему У. Вайнрайха для сферы грамматики. Выделяя различия в контактирующих грамматических системах только на основе дифференциальных признаков, учёные предлагали в качестве основных типов грамматической интерференции недодифференциацию, сверхдифференциацию и реинтерпретацию различий.

Ю.А. Жлуктенко в комментариях к [Вайнрайх 1979] отмечает, что в этой классификации не учтены межъязыковые идентификации в области грамматических форм и конструкций и, следовательно, такие виды интерференции, как заимствование грамматических формантов, грамматическое калькирование, копирование грамматических отношений [цит. раб.: 216].

Лексико-семантическая интерференция определяется как неправильное словоупотребление, возникающее в результате идентификации значений слов и их лексической сочетаемости в Я1 и Я2 [Виноградская 2009: 38].

Ф.С. Ахметзянова в своём диссертационном исследовании использовала классификацию В.Ю. Розенцвейга и Л.М. Умана при анализе материала на всех уровнях языковой системы: фонетическом, лексическом, грамматическом [Ахметзянова 2005]. Основанием для этого служит аргумент о том, что структурно-типологические расхождения между Я1 и Я2, являются основными факторами интерференции и сводятся к трём основным типам: 1) наличие дифференциальных признаков в Я1; 2) наличие дифференциальных признаков в Я2 и отсутствие их в Я1; 3) наличие в обоих языках разных дифференциальных признаков в одной и той же системе языковых средств [цит. раб.: 136].

Ю.А. Жлуктенко определил лексическую интерференцию как «все вызванные межъязыковыми связями изменения в составе лексического инвентаря, а также в функциях и употреблении лексико-семантических единиц, в их смысловой структуре» [Жлуктенко 1974: 129].

В своём диссертационном исследовании С.В. Семчинский отмечает, что лексическая интерференция осуществляется в трёх направлениях: 1) в непосредственном заимствовании лексических единиц; 2) в структуре иноязычных лексических единиц; 3) в заимствовании их значений, их связей с единицами плана выражения [Семчинский 1973: 34].

У Ю.А. Жлуктенко находим следующие типы лексической интерференции: 1) заимствование, 2) калькирование, 3) семантическую интерференцию [Жлуктенко 1974: 158].

Изложенное позволяет анализировать разнообразные процессы, происходящие в языке и речи мигрантов, в том числе, и тех, что оседают на территории Германии.

Явление заимствования очень часто является сопутствующим элементом языкового контакта, возникшего в результате миграционных процессов. Е.А. Земская выделяет следующие причины заимствования в речи иммигрантов: 1) необходимость номинации, 2) специфическая прагматика, 3) высокая коммуникативная актуальность понятий. Первая причина заключается в том, что слова на Я2 именуют специфические предметы и явления в новой жизни, которые отсутствуют или не характерны для жизни на родине, то есть имеется наличие лакуны. Вторая причина обусловлена тем, что аналогичные предметы и явления существуют в родной культуре и языке и они имеют названия, но они настолько резко отличаются по своей прагматике от реалий новой культуры и языка, что название в Я1 не передаёт их специфику. Последнюю причину можно объяснить тем, что заимствования именуют очень важные для жизни в определённой стране понятия, предметы и явления [Земская 2001: 158].

Важно, тем не менее, определить характер и направленность интерференции. При этом следует учесть, что обуславливается она факторами двух порядков: внешними, социокультурными, а также внутренними, характеризующими как сами вступающие в контакт языки, так и их место в генеалогической и типологической классификации языков.

2.4. Место сравниваемых языков в генеалогической и типологической классификации

При анализе немецко-турецкого и немецко-русского языкового контакта представляется важным определить место рассматриваемых языков в генеалогической и типологической классификации (см. табл. 4).

В соответствии с генеалогической классификацией немецкий и русский языки являются родственными, односистемными языками – представителями

индоевропейской семьи. Из-за дальнейшего разветвления системы индоевропейских языков немецкий и русский можно охарактеризовать как дальнеродственные: немецкий относится к западногерманской подгруппе германской ветви, русский – к восточнославянской подгруппе славянской ветви.

Таблица 4.

Язык	Семья	Ветвь	Подгруппа	Тип морфемного устройства	Способ выражения грамматических значений
Немецкий	Индоевропейская	Германская	Западногерманская	Флективный	Синтетический
Русский	Индоевропейская	Славянская	Восточнославянская	Флективный	Синтетический
Турецкий	Тюркская	Ол-группа (Огузская, юго-западная) (по классификации А.Н. Самойловича)	-	Агглютинативный	Синтетический
		Западнохуннская (по классификации Н.А. Баскакова)	Огузо-сельджукская подгруппа (по классификации Н.А. Баскакова)		

Турецкий язык входит в тюркскую семью языков, и, таким образом, генетически не имеет связей с немецким языком. В сравнительно-историческом языкознании существует гипотеза о далёком родстве трёх языковых семей – тюркской, монгольской и тунгусо-маньчжурской, образующих алтайскую макросемью. Однако, по замечанию В.А. Виноградова в комментариях к [Реформатский 2015], «в принятом употреблении термин «алтайские языки» обозначает скорее условное объединение, нежели доказанную генетическую группировку». В ЛЭС читаем: «противоречия алтайской гипотезы связаны, во-первых, с нечётким применением сравнительно-исторического метода при реконструкции

алтайского архетипа и, во-вторых с отсутствием точных методов и критериев для дифференциации исконных и заимствованных корней» [ЛЭС [http](#)].

В тюркологии выделяют несколько классификационных схем. В нашей работе мы рассмотрим место турецкого языка в двух из них. В классификации А.Н. Самойловича турецкий язык входит в ол-группу (также носит название огузской или юго-западной группы) [ЛЭС [http](#)]. Согласно классификации Н.А. Баскакова, турецкий входит в огузо-сельджукскую подгруппу западнохуннской группы тюркских языков [Баскаков 1969: 350-351].

Сравнивая структуру языков по типу морфемного устройства и способу выражения грамматических значений, находим, что у русского языка больше схожих черт с немецким, чем у турецкого. Морфологически немецкий и русский языки являются флективными (фузионными) языками. Н.Б. Мечковская употребляет термин «фузионные» языки, подчёркивая сплавление морфем в качестве одного из главных признаков в этом типе языков (от лат. *fusio* – сплавление) [Мечковская 2011: 73]. Например, *Raben*: в конечном *en* слились конец основы единственного числа *Rabe* и окончания множественного числа *en*; *печь* – *пеку*: исторически в *чь* слились конец корня и инфинитивный показатель *ть*. А.Л. Зеленецкий и П.Ф. Монахов используют термин «флективные» языки, подчёркивая в качестве одного из важнейших признаков образование форм с помощью внешней и внутренней флексии. Для этого типа языков также характерны полифункциональность грамматических морфем, большое число фонетически и семантически не мотивированных типов склонения и спряжения [Зеленецкий, Монахов 2004: 25]. В нашей работе мы будем использовать термин «флективные» языки.

Турецкий является агглютинативным (от лат. *agglutinatio* – приклеивание, склеивание) языком. Для этих языков характерны развитая система словообразовательной и словоизменительной аффиксации, единый тип склонения и спряжения, грамматическая однозначность аффиксов, отсутствие значимых чередований. Алломорфизм в таких языках вызван развитым сингармонизмом

[ЛЭС [http](#)]. Агглютинация турецкого языка и обуславливает основные типологические отличия от немецкого языка в области морфологии. Агглютинативные и флективные языки противопоставлены друг другу по ряду признаков. В агглютинативных языках и, в частности, турецком, прослеживаются тенденции грамматической однозначности аффиксов, чёткое разграничение морфем, самостоятельность каждой основы. Для флективных языков, в частности, немецкого и русского, характерны грамматическая неоднозначность морфем, нечёткое разграничение морфем, несамостоятельность каждой основы [Реформатский [http](#)]. В связи с этим особенностью тюркских языков является наличие высокой степени логичности, малое количество исключений. А.А. Реформатский отмечает «капризный идиоматизм грамматического строения индоевропейских языков» в сравнении с «трезвой логикой турецкого языка» [Реформатский [http](#)].

По способу выражения грамматических значений языки делят на синтетические и аналитические. Н.Б. Мечковская отмечает, что синтетическим (от греч. *Synthesis* – сочетание, составление, объединение) языкам свойственно соединение грамматического показателя с самим словом в виде флексий, в т.ч. внутренних, морфем, изменения ударения, супплетивизма. Для аналитических (от греч. *analysis* – разъединение, разложение, расчленение) языков характерно выражение грамматических значений за пределами слова с помощью предлогов, артиклей, вспомогательных глаголов, порядка слова и общей интонации высказывания [Мечковская 2011: 69, 70]. Немецкий, русский и турецкий принято относить к синтетическим языкам. К аналитическим языкам относят, например, английский и французский.

Однако, следует помнить, что каждый язык политипологичен. Не существует такого языка, который можно было бы назвать абсолютным представителем какого-либо типа. Во флективных языках есть элементы агглютинации. Например, аффикс *-ка* в русском языке, присоединяемый к глагольным формам в любом лице и числе: *возьми-ка, пойдёмте-ка*.

Политипологичностью языков обусловлено возникновение различных морфологических классификаций языков, первой из которых было разделение языков на флективные и аффиксирующие Ф. фон Шлегелем в его работе «О языке и мудрости индийцев» 1808 г. Эта работа была продолжена его братом А. фон Шлегелем, который выявил синтетический и морфологический способы описания морфологического значения, добавил к морфологической классификации брата «аморфный» тип языков, проанализировав китайский язык. В. Гумбольдт назвал такие языки впоследствии «изолирующими», а также выделил тип инкорпорирующих языков, рассмотрев способ образования предложений в сопоставляемых языках. Как отмечают А.Л. Зеленецкий и П.Ф. Монахов, морфологическая классификация В. Гумбольдта является классическим образцом, и все последующие предложенные классификации не изменили её кардинально [Зеленецкий, Монахов 2004: 21].

А. Шлейхер вводит алгебраические обозначения элементов морфологической структуры, что делает его классификацию более точной. Он рассматривает три типа языков (изолирующие, агглютинирующие, флективные), реализуемые в синтетическом и аналитическом вариантах [Реформатский 2015: 448].

Из отечественных учёных значительный вклад в развитие типологической классификации языков внёс Ф.Ф. Фортунатов, выделив агглютинативные, флективно-агглютинативные, флективные и корневые языки [Фортунатов 1956: 153, 154]. В этой классификации, как и у А. Шлейхера, не рассматривается соотношение слов и предложения, и не учтены инкорпорирующие языки.

Американский лингвист Дж. Гринберг предложил использовать количественные методы для определения степени агглютинативности. «Индекс агглютинации» подсчитывается «отношением числа агглютинативных конструкций к числу морфемных швов. Агглютинативной конструкцией следует считать морф, обладающий одним значением, в отличие от флексий с комплексом значений [Мечковская 2011: 77]. По замечанию Н.Б. Мечковской, количественные методы в типологии приходят на смену морфологическим классификациям, что

позволяет говорить не о разных признаках отдельных языков, а о разной степени проявления типологически значимых признаков [Мечковская 2011: 78].

Русский и немецкий языки в соответствии с генеалогической и типологической классификацией являются более близкими, чем турецкий и немецкий. В сфере выражения грамматических значений сравниваемые языки являются синтетическими. Значительные различия между немецким и турецким языками обусловлены их разными типами морфемного устройства. В турецком языке преобладает тенденция агглютинации, в немецком – флективности. Русский язык, как и немецкий, является флективным языком.

Таковы объективные предпосылки межъязыковой интерференции, которая ведёт к формированию новых языковых образований. Их конкретизации посвящён следующий параграф.

2.5. Объективные факторы интерференции при немецко-турецком и немецко-русском языковом контакте

Параметры интерференции могут определяться субъективными и объективными факторами. К субъективным факторам относят индивидуальные языковые способности, уровень владения вторым языком. Объективные факторы заключаются в степени генетического сходства контактирующих языков. Общепризнанным является суждение о том, что чем ближе два языка, тем в большей мере двуязычный индивид опирается на Я1 в речевой деятельности на Я2. По утверждению Ж. Баганы: «родственные языки учить легче, чем далёкие, но интерференция при такого рода билингвизме наблюдается чаще и преодолевается с большим трудом. Таким образом, чем больше степень сходства между языками, тем больше вероятность проявления интерференции» [Багана 2006: 10].

Фонетической интерференции способствуют типологические различия фонологических систем русского и немецкого языков: наличие признака длины гласных в немецком и его отсутствие в русском, стабильность артикуляции долгих гласных, твёрдый приступ в начале слова и слога, отсутствие палатали-

зации, аспирация глухих согласных, приглушённость звонких согласных, фразовое ударение (безударность артикля, отрицания) и других служебных слов.

В немецком языке часто встречаются слова с двумя и более согласными подряд: *Muttersprachler, Zungenbrecher, Kopfschmerz*. Из-за сильной традиции полногласия в турецком языке иммигранты испытывают сложности в произношении подобных слов. Под полногласием понимается недопустимость стечения как двух гласных, так и двух согласных в одном слоге. Сочетание двух согласных возможно, если они являются частями разных слогов, что часто встречается на стыке морфем: *gökten* «с неба», *evde* «в доме», *yoldaş* «спутник, товарищ». Сочетание двух согласных в одном слоге встречается и в исконно тюркских словах. Оно характерно для ауслота при условии, что первым будет /l/, /m/, /n/, /r/, /ş/, /s/, /f/, /h/, /p/, а вторым – один из /ç/, /f/, /h/, /k/, /p/, /s/, /t/, /z/: *Türk* «турок», *yurt* «страна», *ilk* «первый, начальный», *kazanç* «заработок», *üst* «верх» [Аврутина, Гузев 2014: 70].

При заимствовании в турецкий язык слова с неполногласными сочетаниями могут подвергаться фонетической обработке двумя способами: протеза (прибавление гласного звука в начале слова) и эпентеза (вставка звука внутри слова). Протеза была характерна для заимствований, происходивших до начала XX века, и, особенно часто выражалась в прибавлении узкого гласного *i* перед *s*: *istasyon* (от фр. *station*) «станция», *iskele* (от ит. *scala*) «пристань», *istep* (от русск. степь) [Кононов 1956: 40].

К особенностям турецкого языка, как и других агглютинативных языков, относят развитый сингармонизм. Под сингармонизмом понимают «совокупность ассимилятивных явлений в сфере гласных и согласных, которые характеризуют лексические основы и построение словоформ» [Аврутина, Гузев 2014: 62]. А.Н. Кононов пишет о проявлении сингармонизма в двух законах: законе гармонии гласных и законе гармонии согласных [Кононов 1956: 35]. А.С. Аврутина и В.Г. Гузев выделяют в рамках этих законов четыре ассимилятивных явления: 1) нёбную (палатальную) гармонию гласных; 2) губную (лабиальную)

гармонию гласных; 3) гармонию согласных; 4) ассимилятивное воздействие гласных на согласные в слове или словоформе (речевые явления) [Аврутина, Гузев 2014: 62].

Закон гармонии гласных заключается в том, что в исконно тюркских словах гласные первого слога определяют гласные последующих слогов и присоединяющихся аффиксов. Уподобление по признаку палатализации основывается на присоединении гласных заднего ряда [a], [ɨ], [o], [u], если слово начинается с заднерядного гласного звука, и гласных переднего ряда [e], [i], [ö], [ü], если в первом слоге переднерядный гласный звук. Например, *baba* «отец», *oda* «комната» *deniz* «море», *tarla + lar + imiz + da* «в наших полях», *ev + ler + imiz + de* «в наших домах» (здесь и далее знак + обозначает присоединённые аффиксы).

Губной гармонии гласных подвержены только узкие гласные [ɨ], [i], [u], [ü]. Уподобление по признаку губности / негубности заключается в агглютинации аффиксов с губными узкими гласными [u], [ü], если гласный предшествующего слога является губным ([o], [u], [ö], [ü]). Соответственно, аффиксы с негубными узкими гласными [ɨ], [i] присоединяются, если гласный предшествующего слога является негубным ([a], [ɨ], [e], [i]). Например, *ev + ler + imiz + de* «в наших домах», *köy + ümüz + de* «в нашей деревне» (губной гармонии гласных подвергается аффикс *imiz* вслед за *ler*, аффикс *ümüz* вслед за *köy*).

Закон гармонии гласных имеет исключения. А.Н. Кононов отмечает следующие случаи несоблюдения гармонии гласных в основах: 1) слова нетурецкого происхождения: *kitap* (из арабского) «книга», *aktör* (из французского) «актёр»; 2) в сложных словах *yüzbaşı* (*yüz + baş + ı*) «капитан», *hanımeli* (*hanım + el + i*) «жимолость»; 3) в отдельных турецких словах *anne* «мать», *elma* «яблоко» 4) в отдельных заимствованных словах с эпентетическим (вставным) гласным *vakit* (от арабского *vakt*) «время», *hapis* (от арабского *haps*) «тюрьма» [Кононов 1956: 37].

Гармония согласных выражается в уподоблении начальных согласных [t] - [d], [ç] - [c], [k] - [g] в аффиксах по признаку фонетической глухости / звонко-

сти. К основам, оканчивающимся на глухие согласные, прибавляются аффиксы на [t], [ç], [k], к основам, оканчивающимся на звонкие согласные, сонанты [m], [n], [r], [l] и гласные – аффиксы на [d], [c], [g]: balık + çı «рыбак», at + tan «с коня», kum + dan «от песка».

Воздействие гласных на согласные заключается в появлении переднерядных и заднерядных аллофонов согласных [k], [g], [l], предшествующих соответствующим гласным. Сравните: kol «рука», kül «пепел», gaga «клюв», göl «озеро», olmak «быть», öl «умирать».

Для выявления объективных факторов интерференции в области грамматики при немецко-русском и немецко-турецком языковых контактах необходимо соотнести инвентари грамматических категорий в сравниваемых языках (см. табл. 5).

Таблица 5.

	Род	Число	Падеж	Морфологическая категория определённости / неопределённости
Немецкий язык	Мужской Женский Средний	Единственное Множественное	Именительный Родительный Дательный Винительный	Определённые, неопределённые артикли
Русский язык	Мужской Женский Средний	Единственное Множественное	Именительный Родительный Дательный Винительный Творительный Падежный	-
Турецкий язык	-	Единственное Множественное	Основной Родительный Дательный Винительный Местный Исходный	Неопределённый артикль

В составе грамматических категорий немецкого и русского языков прослеживается больше совпадений, чем в составе немецкого и турецкого. Это

можно объяснить генетическим родством немецкого и русского языков. Важным отличием турецкого языка является отсутствие категории рода. Для турецких иммигрантов это может представлять значительную сложность в освоении немецкого как Я2.

В немецком и русском языках категория рода является трёхчленной: имеются существительные мужского, женского и среднего рода, а также плюралиатантум, не относящиеся ни к какому грамматическому роду. В русском языке ещё существует группа существительных общего рода, которые могут обозначать лица мужского и женского пола: *растяпа, умница, сирота*. В обоих языках категория рода может иметь и семантическое, и асемантическое обоснование. Семантическое обоснование имеет место в случаях, когда грамматический рода коррелирует с естественным полом обозначаемого живого существа: *дочь – сын, die Tochter – der Sohn*. Но ряд слов с признаками женского рода в русском языке может также обозначать лиц мужского пола: *мужчина, воевода, староста, ябеда, сорвиголова* [Абрамов 2004: 206-207].

Грамматический род неодушевлённых существительных, обозначающих одно и то же в немецком и русском языках, очень часто не совпадает ввиду его асемантичности. Особенностью немецкого языка является соотнесение определённых семантических групп с одним и тем же грамматическим родом. В немецком языке названия марок автомобиля – мужского рода: *der Mercedes, der BMW, der Volkswagen*; названия гостиниц, театров, кино – среднего рода: *das Astoria, das Gloria*. Несовпадение категории рода в обоих языках представляет сложности при освоении русскоговорящими немецкого как Я2.

Категория числа присутствует во всех трёх языках и представляет собой двучленную структуру: единственное и множественное число. Немецкий и русский языки демонстрируют разветвлённую систему образования множественного числа существительных: флексии (*Tisch – Tische, стена – стены*), супплетивизм (*Mann – Leute, человек – люди*), аналитический способ (*zwei Lehrer, два пальто*) в немецком и русском, умлаут (*Garten-Gärten*) в немецком. В турецком

языке множественное число существительных образуется только при помощи аффиксов *-lar / -ler* (*taş – taşlar, ev – evler*). Развитая система образования множественного числа в немецком языке вызывает сложности при его усвоении и русскоязычными говорящими (из-за расхождений с русским языком), и турецкоязычными говорящими (из-за многообразия способов образования множественного числа в немецком по сравнению с турецким). Особенностью турецкого языка является отсутствие избыточности в маркировании множественного числа существительного, характерной для немецкого и русского языка. При синтаксическом способе выражения множественного числа в турецком, который реализуется сочетанием существительного с количественным или неопределённым числительным, морфологический показатель множественного числа (аффиксы *-lar / -ler*) отсутствует: *beş öğrenci* «пять учащихся», *birkaç insan* «несколько человек» [Кононов 1956: 72].

Падежные системы в сравниваемых языках также демонстрируют ряд различий: в немецком языке четыре падежа, в русском – шесть падежей, в турецком – шесть падежей (по классификации А.Н. Кононова) [Там же: 78-79]. При сравнении немецкого и русского языков следует отметить, что в немецком нет беспредложного аналога русского творительного падежа, а предложная конструкция не имеет собственного места в парадигме падежей. В обозначении падежей прослеживаются тенденции аналитизма в немецком языке и синтетизма – в русском. В русском языке падежи маркируются флексиями. В немецком языке падежное окончание представлено только в родительном падеже единственного числа *-e(s)* (*des Mannes*) и факультативно в дательном падеже *-e* существительных мужского и среднего рода сильного склонения (*im Walde*). В основном падеж в немецком языке маркируется аналитически: артиклевými словами или местоимёнными окончаниями согласуемых прилагательных или причастий [Абрамов 2004: 2014-215]. Сложности при усвоении немецкого как Я2 для русскоязычных часто вызывает несоответствия в падежном управлении

семантически эквивалентных слов: *поздравлять* + *вин. пад.* – *gratulieren* + *дат.п.*; *интересоваться* + *твор. пад.* – *sich interessieren für* + *вин. п.*

В турецком языке наряду с шестью падежами также действует система послелогов. Значительную сложность при освоении немецкого языка турецкими иммигрантами составляет отсутствие предлогов как части речи в их родном языке. Все падежные отношения в турецком языке выражаются системой аффиксов. Кроме того, турецкие падежи не имеют прямого соответствия немецким. Сфера употребления дательного падежа («куда?», «где?», «откуда?») в немецком языке пересекается со сферой употребления двух турецких падежей: местного («где?») и исходного («откуда?», «от кого?» «от чего?»). Ср.: *in der Schule* (дат. п.) – *aus der Schule* (дат. п.), *okulda* (местн. п.) «в школе» – *okuldan* (исх. п.) «из школы».

Категория определённости/неопределённости может выражаться морфологически (постпозитивный артикль), лексически (артиклевые слова, адъективные местоимения, числительные) и синтаксически (порядок слов). В немецком языке значение определённости/неопределённости часто выражают артикли (определённые *der, die, das* и неопределённые *ein, eine*). По мнению О.И. Москальской, артикль в немецком языке входит в аналитическую форму существительного, следовательно, категория определённости / неопределённости является морфологической категорией. В русском языке такая морфологическая категория отсутствует, так как в нём нет артиклей [Цит. по Абрамов 2004: 219-220]. Определённость/неопределённость выражается в русском языке лексически и синтаксически. Наличие артиклей как категории в немецком языке может вызывать сложности при овладении русскоязычными иммигрантами немецким языком.

В турецком языке существует только неопределённый артикль *bir*, его отсутствие предполагает определённую существительного [Кононов 1956: 69]. Более разветвлённая система артиклей в немецком языке, учитывая их склонение

ние по падежам и по числам, может представлять сложность для турак, изучающих немецкий как Я2.

Соотношение инвентарей грамматических категорий глагола в сравниваемых языках представлено в табл. 6.

Таблица 6.

	Наклонение	Время	Число	Лицо	Залог	Вид	Род
Немецкий язык	+	+	+	+	+	-	-
Русский язык	+	+	+	+	+	+	+
Турецкий язык	+	+	+	+	+	+	-

Из приведённой таблицы мы видим, что инвентарь грамматических категорий глагола в сравниваемых языках во многом схож.

Немецкий язык имеет тот же набор грамматических категорий глагола, что и русский язык, за исключением категорий вида и рода. Однако данные различия не усложняют овладение немецким языком русскоязычными. Скорее наоборот, категория вида и рода у глагола всегда остаются областью распространённых ошибок при овладении русским языком индивидами с немецким Я1. Отсутствие глагола-связки в настоящем времени в русском языке оказывает мощное интерферентное воздействие при овладении немецким как Я2.

Выпадение глагола-связки в немецком языке турецкоязычных иммигрантов также является распространённым явлением, что обуславливается отсутствием глагола-связки в турецком языке. Кроме того, в турецком отсутствует глагол *haben*. Аналоговая конструкция в немецком языке выражается через слова *var* («в наличии», «имеется») и *yok* в отрицании («отсутствует», «не имеется»), которые стоят в конце предложения. Предложение „Ich habe einen Computer“ будет выглядеть по-турецки как „Benim bilgisayarım var“, что дословно

можно перевести на немецкий как „Mein Computer gibt es“ «Мой компьютер имеется» [Hoenes http].

В области модальности немецкий и турецкий языки также демонстрируют значительные различия. В немецком языке модальность выражается аналитически через вспомогательные глаголы *können, dürfen, wollen, mögen, müssen, sollen*. В турецком языке модальность выражается в основном синтетически через различные конструкции возможности, невозможности, умения, желательного и долженствовательного наклонения. Например: „*Ich kann schon gut lesen*“ – „*Ben iyi okuyabiliyorum*“ («Я уже умею хорошо читать»); „*Ich soll lesen*“ – „*Ben okumalıyım*“ («Я должен читать»). В этих турецких примерах модальные конструкции выражены одним словом: «умею читать» – „*okuyabiliyorum*“, «должен читать» – „*okumalıyım*“. Только глагол *wollen* имеет свой турецкий аналог *istemek* и употребляется аналитически: „*Ich will essen*“, „*Ben yemek istiyorum*“ (yemek – есть, принимать пищу).

Соотношение инвентарей грамматических категорий имени прилагательного в сравниваемых языках представлено в табл. 7.

Таблица 7.

	Род	Падеж	Число	Полнота/ краткость	Степени сравнения
Немецкий язык	+	+	+	+	+
Русский язык	+	+	+	+	+
Турецкий язык	-	-	-	-	+

Имя прилагательное в немецком и русском языках демонстрирует сходный состав грамматических категорий имени прилагательного. Полные формы качественных прилагательных в немецком и русском языках употребляются и атрибутивно, и как предикат (в русском языке также возможно употребление прилагательных как постпозитивных и предикативных определений) [Абрамов

2004: 251]. Полная форма прилагательных в обоих языках согласуется с существительным по родам, падежам и числам. Краткая форма прилагательного в немецком языке не изменяется по формам, в русском – имеет категории рода и числа: *Der Baum ist groß. Die Bäume sind groß. Он был молод. Она была молода. Они были молоды.*

Инвентарь грамматических категорий имени прилагательного в турецком языке демонстрирует значительные расхождения в сравнении с аналогичным в немецком языке. Турецкое имя прилагательное употребляется в качестве определения при существительном и при глаголе, однако оно не согласуется с ними ни в одной из категорий [Кононов 1956: 346], в то время, как имя прилагательное в немецком языке изменяется по родам, падежам и числам.

Турецкое прилагательное остаётся неизменным даже в степенях сравнения. Образование сравнительной степени происходит морфологическим синтаксическим способом: прилагательное следует за сравниваемым существительным, последнее принимает форму исходного падежа. Ср.: *Dil kılıçtan keskin* «Язык сабли острее». Существительное *kılıç* «сабля» в исходном падеже получает аффикс *-tan*, прилагательное *keskin* «острый» остаётся без изменений. В сравнительной степени также может использоваться слово *daha*, которое служит аналогом русского слова «гораздо». Превосходная степень образуется при прибавлении перед прилагательным слова *en* «самый»: *Bu en iyi ev* «Это самый лучший дом». В немецком языке при образовании степеней сравнения прилагательное изменяется или вообще используется супплетивизм: *groß – größer – am größten; gut – besser – am besten*. Подобное противопоставление однозначной системе образования степеней сравнения в турецком языке вызывает сложности при овладении немецким языком турецкоязычными иммигрантами.

Синтаксические различия в системах сравниваемых языков также являются объективными факторами интерференции. Как отмечает Б.А. Абрамов, в немецком языке за глаголом в личной форме в разных топологических схемах

закреплены определённые места [Абрамов 2004: 264]. В русском языке порядок слов в предложении более свободный, у русского глагола нет жёсткой закреплённости в предложениях: „*Er ist spät gestern gekommen.*“ – «Он вчера поздно приехал.» – «Он приехал вчера поздно.». Место глагола не закреплено и в русском вопросе: „*Wann ist er gestern gekommen?*“, «Когда он вчера приехал?». В немецком придаточном предложении глагол всегда занимает последнее место, в русском языке позиция глагола не закреплена: „*Ich weiß nicht, wohin er morgen kommt.*“ – «Я не знаю, куда он поедет завтра / куда он завтра поедет.»

В турецком языке порядок слов также не совпадает с немецким. В простом повествовательном предложении распространена схема SOP: „*Ayşe kakao içiyor*“ („Ayşe Kakao trinkt“) – „Ayşe trinkt Kakao“. Порядок слов в турецком и немецком языках не совпадает и в вопросительных предложениях. В общих вопросах в немецком языке глагол занимает первую позицию: „*Gehst du in die Schule?*“. В турецком языке порядок слов не меняется, а вопрос обозначается постановкой в конце предложения одного из вариантов слова *mi*, *mî*, *mu*, *mü* (подбирается в соответствии с законом гармонии гласных): „*Kindergartene gitsin mi*“. На немецком языке этот порядок слов можно представить в следующем виде: „*Kindergarten in gehst?*“ («Детский сад ходишь в?»). В специальных вопросах на немецком языке глагол занимает вторую позицию: „*Wann kommst du nach Hause?*“. В турецком языке специальные вопросы также начинаются с вопросительных слов, однако, порядок слов в них не соответствует немецкому: „*Ne zaman eve gelececksin?*“ („*Wann nach Hause kommst?*“, «Когда домой придёшь?»).

Интерферентное воздействие на немецкий язык русскоязычных иммигрантов оказывает сильная традиция двойного отрицания в русском языке. В немецком языке двойное отрицание не употребляется. В русском языке отрицание *не* может усиливаться частицей *не* или приставкой *не-*: *Он никогда никому ничего не говорит.* – *Er sagt keinem ein Wort.*

Выражение глагольного отрицания в немецком языке может представлять определённую сложность и для турок, изучающих немецкий язык. В немецком языке глагольное отрицание выражается синтетически: „*Ich gehe nicht in den Kindergarten!*“. В турецком языке оно выражается морфологически при помощи отрицательных аффиксов, которые встраиваются в состав глагола: „*Kindergartene gitmiyorum!*“. Кроме того, в отличие от турецкого языка, для немецкого не характерно двойное отрицание: „*Hiç bir şey anlamadım*“ – „*Ich habe nicht verstanden*“.

В результате мы приходим к выводу, что в случае и немецко-русского, и немецко-турецкого контакта существует значительное количество объективных факторов интерференции. На уровне фонетики это объясняется различным набором фонем в рассматриваемых языках. Отметим, что ввиду развитого сингармонизма в турецком языке, фонетическая интерференция при немецко-турецком языковом контакте потенциально может быть более сильной, чем при русско-немецком. То есть, говорящему с турецким Я1 будет сложно произносить немецкие слова с некоторым количеством согласных подряд без включения гласных между ними.

На уровне грамматики объективные факторы интерференции при немецко-турецком языковом контакте также оказываются более значительными, чем при немецко-русском. Это обусловлено, с одной стороны, более далёкой дистанцией в генеалогической классификации, а, с другой стороны, разными типами морфемного устройства немецкого и турецкого языков. Значительную сложность для освоения представляют грамматические категории, которые присутствуют в немецком языке и отсутствуют в Я1. При немецко-турецком языковом контакте к таким элементам можно отнести категорию рода у имени существительного. Также в турецком языке отсутствует предлог как часть речи. При немецко-русском языковом контакте такой категорией является артикль.

Объективными факторами интерференции оказываются случаи несоответствий определённых грамматических категорий и их реализаций в Я1 и Я2.

При немецко-русском языковом контакте сильно подверженной интерференции из Я1 оказывается категория рода и область падежного управления семантически эквивалентных слов. Избыточность в маркировании грамматических категорий в немецком языке представляет значительную сложность для говорящих с турецким Я1. Отсутствие такой избыточности в турецком языке демонстрирует имя прилагательное, которое не согласуется с именем существительным по падежам и числам. Порядок слов в предложении в немецком языке является обширной областью для проявления интерференции из Я1. В русском языке порядок слов более свободный, в турецком он фиксирован, но не совпадает с немецким.

2.6. Функциональная типология языковых образований в ситуации немецко-турецких и немецко-русских языковых и культурных контактов

Языковая вариативность заключается в том, что говорящий может выражать свои мысли на языке разными способами. Вариативность проявляется на всех уровнях речевой коммуникации – от владения средствами разных языков (и, следовательно, варьирования, попеременного использования единиц каждого из языков в зависимости от условий общения) до осознания говорящим допустимости разных фонетических или акцентных вариантов, принадлежащих одному языку. При этом одним из важнейших социолингвистических понятий является понятие языковой нормы. В широком смысле языковая норма – это то, как принято говорить и писать в данном обществе в данную эпоху. Норма – это совокупность правил выбора и употребления языковых средств (в данном обществе в данную эпоху). Понятие нормы неразрывно связано с понятием литературного языка. Литературный язык и называют часто языком нормированным. Синонимом понятия «литературный язык» служит «стандартный язык» (ср. англ.: standard language, standard English; нем.: Standardsprache, Standarddeutsch). Однако в русской лингвистической терми-

нологии предпочтение отдаётся термину «литературный язык» [Беликов, Крысин 2001: 36-45].

Литературный язык обладает рядом свойств, которые отличают его от других подсистем национального языка. Во-первых, это кодифицированная подсистема; она характеризуется более или менее устойчивой нормой, единой и общеобязательной для всех говорящих на литературном языке, и эта норма целенаправленно культивируется. Во-вторых, литературный язык – это полифункциональная подсистема: она пригодна для использования в разнообразных сферах человеческой деятельности. В соответствии с многообразными сферами использования и различными функциями, которые он выполняет, литературный язык делится на разновидности (книжную и разговорную) и функциональные стили (научный, официально-деловой, публицистический, религиозно-проповеднический). Функциональные стили подразделяются на речевые жанры. В-третьих, литературный язык социально престижен: будучи компонентом культуры, он представляет собой такую коммуникативную подсистему национального языка, на которую ориентируются все говорящие, независимо от того, владеют они этой подсистемой или какой-либо другой. Такая ориентация означает не столько стремление овладеть литературным языком, сколько понимание его большей авторитетности по сравнению с территориальными диалектами, просторечием, социальными и профессиональными жаргонами [цит. раб.: 45].

При употреблении понятия «диалект» часто подразумевается разновидность языка, принятая на определённой географической территории. Однако территориальная локализованность – лишь одна из характерных черт этой подсистемы национального языка. Одновременно это и социальная языковая разновидность, поскольку местным диалектом владеет круг лиц, достаточно определённых в социальном отношении [Беликов 2001]. В.М. Жирмунский подчеркивал, что «традиционное деление диалектов на территориальные и социальные является мнимым, что всякая территориальная диалектология в соответствии с самой языковой действительностью должна быть и диалектологией социаль-

ной» [Жирмунский 1969: 23]. В Лингвистическом энциклопедическом словаре «диалект» определён как разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью [ЛЭС [http](http://)].

Под социолектом понимают язык определённых социальных групп [Там же]. Т.И. Ерофеева в своём исследовании, посвящённом явлению социолекта, рассматривает его как некий «подъязык», который формируется в речевой деятельности человека под влиянием тех или иных социальных страт. Исследовательница вводит следующее определение: социолект – инвариантная социально маркированная подсистема языка, то есть набор единиц и правил языка, реализующийся в речевой деятельности той или иной социальной общности [Ерофеева 1995: 298]. Как отмечают В.И. Беликов и Л.П. Крысин, термин «социолект» удобен для обозначения разнообразных и несхожих друг с другом языковых образований, обладающих, однако, общим объединяющим их признаком: эти образования обслуживают коммуникативные потребности социально ограниченных групп людей. Социолекты не представляют собой целостных систем коммуникации. Это именно особенности речи – в виде слов, словосочетаний, синтаксических конструкций. Основа же социолектов – словарная и грамматическая – обычно мало чем отличается от характерной для данного национального языка. Примерами социолектов могут служить особенности речи солдат (солдатский жаргон), школьников (школьный жаргон), уголовный жаргон, арго хиппи, студенческий сленг, профессиональный «язык» тех, кто работает на компьютерах [Беликов, Крысин 2001: 36-45].

Разновидностями социолекта являются арго, жаргон и сленг. Термины арго и жаргон – французские по происхождению (фр. *argot*, *jargon*), сленг – английский (англ. *slang*). Эти термины часто употребляются как синонимы. арго – это, в отличие от жаргона, в той или иной степени тайный язык, создаваемый специально для того, чтобы сделать речь данной социальной группы и по-

нятной для посторонних, например, «воровское аргю», «аргю офеней» – бродячих торговцев в России XIX в [Беликов, Крысин 2001: 48, 51].

Понятие «жаргон» определяют, как разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста [ЛЭС [http](http://)]. Термин «сленг» является синонимом термина «жаргон». Он более характерен для западной лингвистической традиции.

Для анализа языка иммигрантов в Германии представляется также необходимым рассмотреть следующий ряд понятий: «диалект», «сленг», «узус». Понятие «диалект» можно определить как разновидность данного языка, употребляемая в качестве средства общения лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. Под социальным диалектом (также социолектом) понимают язык определённых социальных групп [цит. раб.: 132]. Понятие «сленг» часто приравнивают к понятию «жаргон» и определяют как разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста [цит. раб.: 151].

Анализируя современные языковые тенденции в Германии, исследователи обращаются к понятию «этнолект». Й. Андруцопулос определяет этнолект в широком смысле: это разновидность языка, на которой говорят представители определённой этнической группы [Androutsopoulos [http](http://)]. В отечественной традиции под этнолектом понимают региональный вариант языка, при условии, что основу коммуникативного сообщества могут составлять различные этносы. Например, на дагестанском этнолекте русского языка в Дагестане говорят представители разных народов: и местные русские, и представители дагестанских этносов [Беликов 2001: 22-23].

П. Ауэр использует рассматриваемое понятие в узком и актуальном именно для современной Германии смысле: этнолект – это языковой стиль, с которым ассоциирует себя сами носители и/или с которым в обществе ассоциируется одна или несколько немецких этнических групп [Auer [http](#)]. Если тот или иной вариант языка используется людьми различного происхождения, и если в нём угадывается влияние разных языков, то такой вариант языка определяется как мультиэтнолект [Androutsopoulos [http](#)].

Первым в Европе статус мультиэтнолекта получил т.н. «ринкебишведский» (Rinkeby-Swedish), – разновидность языка, распространенная в районе Стокгольма Ринкеби, известном значительной концентрацией людей иностранного происхождения [Там же].

Результатом экстремального языкового контакта может стать формирование пиджина. Он возникает, когда двум или нескольким группам людей необходимо о чем-то договориться, и у них нет общего языка. Как утверждает Е.В. Перехвальская, пиджин представляет собой редуцированный идиом, не имеющий коллектива носителей. Часто этот язык описывают как «ломанный», «испорченный», «искажённый». Пиджин выступает средством языкового общения в стандартных коммуникативных ситуациях, к нему прибегают в отсутствие других языковых средств. Издавна пиджины возникали в ситуации обмена товарами, торговли, подневольного труда [Перехвальская 2008: 11]. Происхождение слова «пиджин» принято связывать со следующей версией: оно образовалось от английского названия старого китайско-английского пиджина „Pidgin-English“, впервые зафиксированного в 1807 году. Само слово *pidgin* является искажённой версией английского *business* «дело» в китайском произношении [Беликов, Крысин 2001: 116], [Перехвальская 2008: 11], [Keim [http](#)]. Однако предлагались и другие версии этимологии слова (см. [Перехвальская 2008: 11]).

Термин «пиджин» не получил однозначной интерпретации в литературе. Ряд исследователей придерживаются широкого определения, другие – вводят больше ограничений для определения данного понятия. Общим элементом

определений принято считать следующий признак пиджинов: они обладают упрощённой, по сравнению с языками-источниками, но стабильной структурой и ограниченным словарём.

В настоящей работе принимается узкое определение пиджинов, включающее следующие критерии:

- 1) обслуживание определённой узкой ситуации, повторяющейся в течение продолжительного времени,
- 2) использование как минимум двумя группами,
- 3) отсутствие группы людей, для которой этот язык был бы родным,
- 4) он должен быть непонятен для носителей языков-источников — пиджин необходимо специально учить (Вахтин, Головкин 2004: 139).

В Лингвистическом энциклопедическом словаре пиджин определён как структурно-функциональный тип языка, не имеющего коллектива исконных носителей и развившегося путём существенного упрощения структуры языка-источника [ЛЭС [http](http://)].

В рамках исследования языка иммигрантов представляется важным ввести понятие «интерязык». Это понятие было введено Л. Селингером в 1972 году и развивалось в области дисциплины «усвоение второго языка». Исследователь обозначал этим термином «самостоятельную языковую систему, являющуюся результатом попыток изучающего иностранный язык воспроизвести нормы целевого языка» [Цит. по: Перехвальская 2008: 16]. Под целевым языком в данном случае понимается изучаемый язык, усвоение которого является целью говорящего.

Е.В. Перехвальская вслед за Р.Т. Беллом использует понятие «интерязык» в значении идиолекта, который представляет собой лишь некоторую степень владения целевым языком, его «недоученным вариантом» [Перехвальская 2008: 10]. Р.Т. Белл внёс интерязык в свою систему социолингвистической стратификации английского языка, описывая его как нечто, более присущее индивиду, нежели группе («английский язык лица А»). Учёный выделил следующие при-

знаки интерязыка: высокая степень вариативности, значительное количество интерферентных явлений, редуцированность. Последний признак роднит его с пиджинами и креольскими языками, однако, в отличие от них, интерязык не имеет фактических норм употребления. Интерязык представляет собой речевую деятельность, регулируемую некоторыми правилами, но эти нормы не являются осознанными и общеизвестными [Белл 1980: 206]. Е.В. Перехвальская отмечает, что совокупность таких идиолектов может носить и групповой характер, например, язык рабочих-гостей в Германии. В качестве примера интерязыка на основе русского языка исследовательница упоминает «русский язык рабочих-таджиков» [Перехвальская 2008: 10].

Сегодня многие исследователи согласны с тем, что при контактировании двух языков у индивида возникает новая лингвистическая система. В зарубежной литературе встречаются разные термины для обозначения этого феномена: англоязычные – *approximative system, interlanguage, idiosyncratic dialect*, и немецкоязычные – *Interimsprache, Lernersprache* [Залевская 2013: 70]. Л. Селинкер пользовался понятием „*interlanguage*“. Многие учёные указывают, что именно Л. Селинкер ввёл этот термин в употребление [Дебрэнн 2006: 20; Перехвальская 2008: 16; Багана 2006/2010:]. А.А. Залевская пишет, что ряд авторов связывают появление этого термина с работой С. Кордера, и в то же время вполне вероятно, что сходные понятия параллельно разрабатывались разными лингвистами [Залевская 2013: 71].

На русском языке понятие также обозначается по-разному: «промежуточный язык» у А.А. Залевской, А.А. Поймёновой, «межъязычие» у М. Дебрэнн, «интеръязык» у В.Б. Кашкина, «интерязык» у Н.Н. Рогозной [Залевская 2013; Кашкин 2001; Поймёнова 1999; Рогозная 2003]. Н.Н. Рогозная объясняет, что «особое написание этого термина без твёрдого знака объясняется калькированием из английского языка (от термина *interlanguage* – М.Ш.), что зафиксировано «Англо-русским словарём по лингвистике и семиотике», изданным в 2003 г. Институтом русского языка им. В.В. Виноградова» [Рогозная 2009: 78].

А.А. Залевская понимает «промежуточный язык» как динамическую функциональную систему, формирующуюся у индивида при овладении вторым / иностранным языком [Залевская 2013: 70]. Н.Н. Рогозная даёт следующее определение «интерязыку»: особая языковая система, возникающая при изучении Я2, находящаяся в состоянии промежуточной компетенции, которая в состоянии динамики движется к уровню совершенной формы владения языком [Рогозная 2009: 78].

У Л. Селинкера понятие «промежуточного языка» связано с некоторой грамматикой промежуточного уровня, которой располагает индивид, изучающий Я2. Эта грамматика представляет собой некий набор правил, которые могут быть перенесены из Я1, выведены из Я2 или даже «изобретены» обучающимся индивидом. И несмотря на то, что «промежуточный язык» является динамическим образованием, некоторые изучающие Я2 склонны оставаться на некотором этапе развития этой промежуточной системы. Это явление «замирания» системы получило название фоссилизации [цит. по: Залевская 2013: 71-72].

По мнению А.А. Поймёновой, ПЯ, формирующийся в естественных условиях, может в значительной мере отличаться от ПЯ, формируемого в учебной обстановке. Более того, пиджинизированные промежуточные языки могут быть весьма отдалёнными от целевого языка [Залевская 2013: 73].

У Е.В. Перехвальской находим определение: «интерязык – не имеющий нормы (даже нормы «де-факто»), ни собственного коллектива носителей, редуцированный и смешанный идиом, не воспринимающийся, однако, как отдельный язык» [Перехвальская 2008: 11].

Носители различных языков при общении с иностранцами используют вариант языка, отличный от нормативного и / или используемого ими между собой. Иногда люди сознательно искажают свой язык с целью сделать его более понятным. Осознание этого явления пришло задолго до его научного исследования и нашло отражение в литературе, в записках путешественников и в опи-

саниях жизни в колониях [Фёдорова 2002: 12]. Этот вариант языка называют регистром и используют для его обозначения в зарубежной лингвистической традиции английский термин *foreigner talk*. Термин был введён в 1968 г. на конференции по пиджинам и креольским языкам Ч. Фергюсоном [Ferguson 1981]. Термин был образован по аналогии с понятием *baby talk*, языковым вариантом, который носители языка используют при обращении к маленькому ребёнку [Федорова 2002: 6].

В европейской и американской социалингвистике термин *foreigner talk* закрепился не только в англоязычной литературе. В немецкоязычных исследованиях термин не переводят, используя обозначение на английском языке [Keim [http](#)]. На русский язык *Foreigner talk* переводят как «язык для иностранцев» [Перехвальская 2008]. Следует отметить неоднозначность термина, потому что *foreigner talk* может быть понят и как речь иностранца, и как речь, обращённая к иностранцу. Кроме того, слово *talk* (разговор, беседа) никак не раскрывает характер исследуемого языкового варианта. К. Фёдорова вводит термин «регистр общения с иностранцами» для обозначения языкового варианта, используемого при коммуникации с иностранцами. Для обозначения стереотипных представлений носителей языка она использует термин «стереотип общения с иностранцами» [Фёдорова 2002: 6-7]. В нашей работе мы будем использовать термин «регистр общения с иностранцами», далее – РОИ.

При определении термина «регистр» часто выстраивают дихотомию «диалект – регистр», где диалект выступает показателем статических характеристик говорящего (принадлежность к определённой социальной или территориальной группе), а регистр – показателем динамических, ситуационных характеристик. «Диалект, на котором вы говорите, есть показатель того, кто вы», «регистр, которым вы пользуетесь в определённой ситуации речи, есть показатель того, как вы себя ведёте» [Halliday 1978: 157]. У. Элис определяет «регистр» как вариант языка, который используется в зависимости от коммуникативной ситуации, в противоположность диалекту, то есть варианту, который

характеризует носителя языка (территориальный или социальный диалект) [Цит. по: Федорова 2002: 6–7]. Однако набор регистров, составляющих языковой репертуар индивида, зависит от его статических социальных характеристик.

Термин «регистр» был введен Т. Рейдом в 1956 году, хотя явление ситуативного варьирования рассматривалось в лингвистической литературе и раньше [Федорова 2002: 7]. Э. Сепир в статье 1915 года писал об «использовании в речи различных языковых средств, косвенно указывающих на социальное положение, пол, возраст или другие характеристики говорящего, адресата или того лица, о котором говорят, без называния этих характеристик напрямую» [Сепир 1993: 437].

Представляется важным разграничить понятие «регистр» и понятие «функциональный стиль», принятое в отечественной лингвистике. Понятие «функционального стиля» (например, научный, официально-деловой, разговорный) [Швейцер 1975: 106] близко понятию «регистр», однако представляет собой более объемные категории. «Жанр» выступает также близким понятием «регистру», но принадлежит другой исследовательской традиции. Жанр представляет собой диахроническую категорию литературоведческого анализа преимущественно письменных текстов, а регистр является синхронным описанием лингвистических черт некоторого языкового варианта, как правило, реализующегося в устной сфере [Федорова 2002: 9].

Ч. Фергюсон выделяет следующие признаки регистра общения с иностранцами:

- короткие предложения;
- выпадение глаголов-связок, артиклей, личных местоимений;
- отсутствие флективных изменений в слове (Ausfall der Flexion);
- повторение слов;
- аналитические парафразы для выражения притяжательности;

- частое употребление глагола „make“ [Ferguson 1977: 29].

В рамках РОИ имеют место следующие процессы: процессы упрощения, процессы уточнения, процессы выражения и идентификации. Процессы упрощения происходят на всех уровнях языка: фонетическом, семантическом, синтаксическом. Процессы уточнения подразумевают употребление избыточных форм ввиду ограниченности словаря и отсутствия возможности строить сложные предложения. Эти процессы включают медленный темп речи, громкий голос; повторение слогов, слов, фраз и предложений; использование слов, позволяющих привлечь внимание слушающего и получить ответ. Процессы выражения связаны с частым употреблением статусных слов-маркеров, например, в английском языке – это “boy”, “black fellow”. По мнению Ч. Фергюсона, употребление местоимения “du” в немецком РОИ обозначает этот процесс и подразумевает «неполноценный» статус адресата по какому-либо признаку (статус прислуги, ребёнка, животного). Процессы идентификации позволяют участникам коммуникации опознать регистр как РОИ. Таким идентифицирующим признаком в немецком РОИ может оказаться позиционирование глагола в конце предложения [Цит. по: Keim <http>].

Данные феномены реализуют свои системные характеристики в реальной дискурсивной практике, где речепроизводство подчиняется описанному выше набору как внутри-, так и внеязыковых факторов.

2.7. Дискурсивная практика как сфера реализации межъязыковых контактов

В результате антропоцентрического сдвига в лингвистике объектом лингвистического исследования стала языковая личность и сопутствующие особенности её функционирования в языковом сообществе. Центральным понятием антропоцентрической парадигмы в лингвистике стало понятие «дискурс». В науке это понятие стало использоваться терминологически с 1952 года, после публикации известной статьи З. Харриса «Язык».

В науке существует множество подходов к изучению, определению, выделению типологий дискурса (Schiffrin 1994, Кибрик 2003, Макаров 2003, Кубрякова 2004 и др.). В нашей работе мы не ставим целью подробное освещение теоретических вопросов теории дискурса. Для нашего исследования вполне применимым является широкое и, пожалуй, самое известное определение этого понятия, принадлежащее Н.Д. Арутюновой: дискурс есть «речь, погружённая в жизнь» [Арутюнова 1990: 136].

По замечанию А.А. Кибрика, дискурс есть не только реальное взаимодействие, но он включает и «разворачивающиеся во времени процессы его создания и понимания» [Кибрик 2003:4]. Дж. Браун и Дж. Юль видят анализ дискурса в анализе двух функций употребления языка – транзакционной и интеракционной. Первая функция связана непосредственно с передачей смысла и фактуальной информации, являющейся как самоцелью, так и направленной на побуждение адресата к определённому действию. Вторая функция является предметом социолингвистики и соответствует фатической роли языка, то есть использованию языка для установления контакта и налаживанию межличностного взаимодействия с собеседником [цит. по Гаджиева 2017: 34].

Одним из подходов к рассмотрению дискурса является противопоставление текста и дискурса. При этом в качестве важнейшего признака дискурса подчёркивается динамичность, его первичность по отношению к тексту. В рамках нашей работы мы не будем разграничивать эти понятия, для нас актуально рассмотрение дискурса как процесса языковой деятельности и как её результата, то есть текста.

Исследователями выделяются разговорный дискурс и более структурированные типы дискурса, включая ритуализованные, институциональные: урок, заседание суда и т.д. Разговорный дискурс характеризуется ориентацией на процесс, минимумом речевых ограничений, относительно свободной меной коммуникативных ролей, большой обусловленностью непосредственным контекстом, приматом локальной организацией, многочисленностью целей и их

локальным характером. В то время как, как у институционального дискурса можно выделить следующие особенности: ориентация на структуру, максимум речевых ограничений, относительно фиксированная мена коммуникативных ролей, меньшая обусловленность непосредственным ко-текстом, примат глобальной организацией, немногочисленность целей и их глобальный характер [Макаров 2003: 176].

Языковая личность реализует себя в дискурсивных практиках. Мы определяем дискурсивные практики как «способ говорения» в определённой социальной области, который отражает жизненный опыт, знания участников коммуникации. Тот или иной «способ говорения» обусловлен лингвокультурными установками общества. Как отмечает Б.М. Гаспаров, в дискурсе и, соответственно, дискурсивных практиках находят выражение опыт и знания человечества, и в этой своей функции он «вбирает в себя и отражает уникальное стечение обстоятельств, при которых и для которых он был создан» [цит. по Гаджиева 2017: 35].

В случае иммиграции индивид оказывается в точке столкновения культур и дискурсивных практик. Лингвокультурная адаптация иммигранта как языковой личности может подразумевать перенятие навыков ведения дискурсивных практик, осуществляемых в принимающем сообществе, или создание новых, основанных на опыте проживания в исходной и новой культурах. Анализ дискурсивных практик иммигрантов позволяет соотнести их со стратегиями аккультурации и типами культурно-речевого поведения иммигрантов.

По сути, анализируя тексты, в которых реализованы сформированные на территории современной Германии этнолекты, мы сталкиваемся с результатом осуществления дискурсивных (интердискурсивных) практик, способов речевого поведения, основу которых составляет опосредованное национально-культурным и социальным опытом взаимодействие языковых личностей – иммигрантов и местного населения Германии. Данный процесс взаимодействия (дискурс) раскрывается с помощью методик дискурс-анализа, его результат –

сформированные этнолекты в их устном и письменном вариантах – открыты методикам традиционного лингвистического анализа, который будет реализован в третьей главе настоящего исследования.

Выводы по главе 2

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующий вывод: положение рассматриваемых групп иммигрантов – это балансирование в точке соприкосновения двух или даже нескольких культур и языков. В процессе лингвокультурной адаптации иммигрантов ситуация языкового контакта становится очевидной. Результатом контакта языковых систем может оказаться языковой сдвиг, переключение контактирующих языков или их слияние в единую языковую систему. При языковом контакте может развиваться двуязычие. Интересным вариантом лингвокультурной адаптации иммигрантов является смешение языковых систем и создание новых языковых вариантов. Это явление способствует развитию многоуровневой системы диглоссии в Германии, основанной на ресурсах билингвизма или мультилингвизма, и включению социолектов, этнолектов, мультиэтнолектов в языковой репертуар членов немецкого общества.

При овладении Я2 иммигранты испытывают интерферентное влияние Я1 на всех уровнях языка. Место сравниваемых языков в генеалогической и типологической классификации, объективные факторы интерференции при немецко-турецком и немецко-русском языковом контакте позволяют определить сложности при освоении немецкого как Я2 турецкоязычными, так и русскоязычными иммигрантами.

Русский и немецкий языки в соответствии с генеалогической и типологической классификацией являются более близкими, чем турецкий и немецкий. Таким образом, можно предположить, что у турецкоязычных иммигрантов возникает больше сложностей при освоении немецкого языка ввиду основательных системных различий Я1 и Я2.

В случае и немецко-русского, и немецко-турецкого контакта существует значительное количество объективных факторов интерференции. На уровне фонетики это объясняется различным набором фонем в рассматриваемых языках. Отметим, что ввиду развитого сингармонизма в турецком языке фонетическая интерференция при немецко-турецком языковом контакте потенциально может быть более сильной, чем при русско-немецком.

На уровне грамматики объективные факторы интерференции при немецко-турецком языковом контакте также оказываются более значительными, чем при немецко-русском. Это обусловлено, с одной стороны, более далёкой дистанцией в генеалогической классификации, а, с другой стороны, разными типами морфемного устройства немецкого и турецкого языков. Значительную сложность для освоения представляют грамматические категории, которые присутствуют в немецком языке и отсутствуют в Я1 (категория рода, предлоги при немецко-турецком языковом контакте, артикль при немецко-русском языковом контакте).

Объективными факторами интерференции оказываются случаи несоответствия определённых грамматических категорий в Я1 и Я2. Избыточность в маркировании грамматических категорий в немецком языке представляет значительную сложность для говорящих с турецким Я1. Порядок слов в предложении в немецком языке является обширной областью для проявления интерференции из Я1.

Своеобразие дискурсивных практик иммигрантов обуславливается влиянием исходных языков и культур. Уровень лингвокультурной адаптации выражается через дискурсивные практики говорящих, таким образом, можно сделать вывод о корреляции определённых особенностей дискурсивных практик иммигрантов, их уровнем лингвокультурной адаптации и выбираемых ими стратегиями аккультурации и типов культурно-речевого поведения.

Глава 3. ЯЗЫКОВЫЕ ВАРИАНТЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИММИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

3.1. Немецко-турецкий языковой контакт

3.1.1. Язык рабочих-гостей

3.1.1.1. Общая характеристика языка рабочих-гостей

Мы определили, что лингвокультурная адаптация первого поколения турецкоязычных иммигрантов проходила стихийно в естественной среде. Результатом лингвокультурной адаптации данной группы иммигрантов явилось формирование «языка рабочих-гостей» (далее ЯРГ) – варианта немецкого языка со значительными упрощениями и отклонениями от нормы. ЯРГ характерен для представителей первого поколения турецких иммигрантов, которым так и не удалось усвоить Я2 полноценно. В данном случае причины неполноценного усвоения Я2 заключаются в отсутствии благоприятных условий для естественного усвоения в сочетании с социальной изоляцией.

В немецкоязычной литературе эквивалентом понятия ЯРГ является термин *Gastarbeiterdeutsch*. В ряде работ используется дословный перевод немецкоязычного термина – «язык гастарбайтеров» [Перехвальская 2008]. Из-за негативной коннотации слова «гастарбайтер» в русском языке вариант «язык рабочих-гостей» представляется нам более уместным. Заметим, что изначально понятие «рабочий-гость» был показателем не этническим, а социальным. Но из-за многочисленности представителей турецкой диаспоры в Германии, понятие «рабочий-гость» обрело элемент этничности. Далее мы будем рассматривать характеристики ЯРГ, основываясь именно на языке турецких иммигрантов.

Для языка рабочих-гостей турецкого происхождения характерны следующие интонационно-фонетические особенности: более громкий голос, говорение в ритме стаккато, с ударением на каждом слоге и укорочением гласных [Keim 2007: 428-429].

Целевым Я2, как правило, выступала не литературная норма немецкого языка (Hochdeutsch), а местный диалект. ЯРГ часто имеет характеристики местных диалектов.

- *Ich hab niejendwo kein einkommen* [Gförer, Wallraff <http>]. *Niejendwo* вместо нормы Hochdeutsch *nirgendwo* – элемент Кёльнского диалекта.
- *Ich sagn des bissele gleich da wohne (ich meine, die soll da in der Nähe wohnen).*
- *Des: eh neckarau un rheinau gehen (sie geht nach Neckarau)* (Примеры из [Keim 2007: 418-419]).

Два последних примера демонстрируют элементы мангеймского диалекта. Во-первых, это употребление местоимения *des* – вместо нормы Hochdeutsch *das*. В примере прослеживается типичная для ЯРГ семантическая сверхгенерализация в данном регионе: вместо указательных и личных местоимений женского рода *die* и *sie* употребляется местоимение *des*. Во-вторых, обстоятельство *in der Nähe* описывается при помощи диалектальной формы *bissele gleich da*.

Особенности языка гастарбайтеров затронуты в книге «На самом дне» (“Ganz unten”) немецким журналистом Г. Вальрафом, известным своими перевоплощениями и внедрениями в самые разные слои общества. Материалом для книги послужило перевоплощение журналиста в гастарбайтера турка Али Левента Синирлиоглу. Маскировка, соответствующее социальное и языковое поведение были частью его повседневной жизни на протяжении двух лет (1983 – 1985). Книга описывает, главным образом, тяготы жизни гастарбайтеров, несправедливость, презрение, которые исходят от работодателей, немецких коллег. Рассказывая о своём опыте погружения в особенную языковую среду, Г. Вальраф уделяет внимание технике «освоения» языка рабочих-гостей:

«Das ‚Ausländerdeutsch‘, das ich für die Zeit meiner Verwandlung benutzte, war so ungehobelt und unbeholfen, daß jeder, der sich die Mühe gemacht hat, einem hier lebenden Türken oder Griechen einmal wirklich zuzuhören, eigentlich hätte merken können, daß mit mir etwas nicht stimmte.

Ich ließ lediglich ein paar Endsilbenweg, stellte den Satzbau um oder sprach oft ganz einfach ein leicht gebrochenes ‚Kölsch‘» (Wallraff [http](#)).

В 1986 г. был снят документальный фильм о жизни рабочих-гостей «На дне» («Ganz unten»). В нем пример ЯРГ демонстрирует турецкий рабочий Нэдим Пайдас:

ich brauchte GELD

ich hab niejendwo kein EINKommen EINKommen

ham ihm gesacht eh ob e mir mein geld schon beZAHlen kann

hat er gesacht jaja sie kriegen schon eh ABrechnung

ich hab schon eh BANK überweist

ALles

ich war beim bank und war kein GELD

hat(te) nich überWEIST (Gförer, Wallraff [http](#)).

Характерной особенностью диалектно окрашенной разговорно-обиходной немецкой речи являются редукции. Ярким примером таковой является часто встречающееся сильное редуцирование вспомогательного глагола *haben* до варианта *ham* [Самуйлова 2000: 122]. Эту особенность диалектно окрашенной речи наблюдаем и в ЯРГ:

«*ham ihm gesacht eh ob e mir mein geld schon bezahlen kann*» [Gförer, Wallraff [http](#)].

В немецком языке традиционно имеет место слияние слабоударного местоимения *du* с глагольной формой. В современном немецком языке распространена редукция конечного [u:] в местоимении второго лица единственного числа до [q]. Пример рассматриваемой слитной формы с редукцией демонстрирует нам известная немецкая пословица:

Lerne, liebe, leiste was, so kannste, haste, biste was [Самуйлова 2000: 119-120].

3.1.1.2. Грамматические и лексические особенности языка рабочих-гостей

В ЯРГ встречаются интерферентные явления на всех языковых уровнях. Для их систематизации нами выбрана классификация, которая также использована в [Ахметзянова 2005].

Недодифференциация на уровне грамматики в случае турецко-немецкого языкового контакта является очень распространённым явлением в связи со значительными структурными расхождениями двух языков. К явлению недодифференциации в ЯРГ относятся:

1. ошибочный выбор или пропуск предлогов:

ich war beim bank вместо *ich war auf der Bank*,

ich hab schon eh bank überweist вместо *ich hab schon zu der Bank überweist*;

2. выпадение артиклей:

sie kriegen schon eh abrechnung вместо *eine Abrechnung*;

3. нарушение согласования артикля и существительного, связанного с ошибочным установлением рода существительного:

ich war beim bank вместо *ich war auf der Bank*;

4. ошибочное образование форм причастия второго у сильных глаголов:

überweist вместо *überwiesen*.

На наш взгляд, эти типы ошибок в ЯРГ связаны со следующими особенностями турецкого языка: первый тип – отсутствие предлогов (особенно, когда речь идёт об опущении предлогов в ЯРГ), второй тип – с отсутствием разветвлённой системы артиклей (аналогичной системе в немецком языке); третий тип – с отсутствием категории рода, четвёртый – с ярко выраженной агглютинативностью и отсутствием супплетивизма в турецком языке.

Явление сверхдифференциации имеет место в ЯРГ в случае двойного отрицания *ich hab niejendwo kein EINkommen* вместо *ich hab kein Einkommen*. Двойное отрицание переносится в немецкий язык иммигрантов из их родного языка.

К явлению реинтерпретации можно отнести смешение временных форм глагола: *ich brauchte geld. ich hab niejendwo kein einkommen* вместо *ich brauchte geld. ich hatte niejendwo kein einkommen*.

С лексической точки зрения для ЯРГ характерен ограниченный словарный запас, обусловленный узким кругом социальных действий иностранных рабочих: изъясниться с работодателем относительно рабочего процесса и условий труда, понять и быть понятым в банке, магазине. При недостаточном словарном запасе распространение получает замена многих глаголов конструкцией «machen + существительное».

ЯРГ является показателем низкого уровня лингвокультурной адаптации. Неуспешная лингвокультурная адаптация первого поколения турецкоязычных иммигрантов коррелирует с такими стратегиями аккультурации, как «сепарация» по модели Д. Берри или «бегство» по модели К. Додда. Данные стратегии аккультурации нашли яркое выражение в связи с геттоизированным расселением турецкоязычных иммигрантов в крупных городах Германии и возникновением феномена параллельного общества.

3.1.2. Языковые варианты второго и третьего поколения иммигрантов

3.1.2.1. Общая характеристика языковых вариантов второго и третьего поколения иммигрантов

Процесс лингвокультурной адаптации второго и третьего поколения иммигрантов турецкого происхождения обусловил возникновение новых языковых вариантов немецкого языка. Многие представители второго поколения уже родились в Германии или переехали в страну в раннем возрасте. Языковой репертуар турок, выросших в Германии, во многом определяется их самоидентификацией. Многие дети турецких рабочих-гостей в Германии получили хорошее образование, полноценно владеют немецким языком и ощущают себя частью немецкого общества. Для успешно интегрировавшихся представителей второго поколения иммигрантов характерен ассимилятивный или бикультурный тип культурно-речевого поведения.

Турки с низким уровнем образования используют новые языковые варианты, в которых они используют ресурсы немецкого и турецкого языков. Этот языковой вариант часто называют этнолектом группы [Androutsopoulos <http://>; Auer <http://>]. П. Ауэр выдвигает теорию развития немецко-турецкого этнолекта, выделяя следующие ступени его развития: первичный, вторичный и третичный этнолект.

Носителями первичного этнолекта были молодые люди турецкого происхождения, представители второго или третьего поколения иммигрантов. Носителями данного языкового варианта были, в том числе, турецкие Power Boys – представители криминальной группировки из Франкфурта. Для данного языкового варианта характерны многочисленные грамматико-синтаксические отклонения от нормы разговорного немецкого языка, которые могут быть по аналогии с ЯРГ объяснены интерферентным влиянием турецкого языка и неполноценным освоением немецкого языка, происходящим стихийно. Однако исследователями были также зафиксированы случаи, когда в формальной ситуации элементы этнолекта не употреблялись. Таким образом, есть основание полагать, что носители данного этнолекта, в отличие от своих родителей, носителей ЯРГ, владели нормой разговорного немецкого языка, а элементы этнолекта использовали избирательно с целью позиционировать себя как этническую группу или с целью иронического обыгрывания ЯРГ [Там же]. Данный этнолект проявлял признаки гендерлекта, так как ассоциировался преимущественно с молодыми мужчинами турецкого происхождения.

Вторичный или медийный этнолект связан с позиционированием молодых людей турецкого происхождения в развлекательных СМИ (фильмах, юмористических скетчах) и приписыванием им определённого, легко узнаваемого стиля речевого поведения [Там же]. Я. Андруцопулос описывает это явление как “идеологизацию” этнолекта [Androutsopoulos 2002].

Именно в связи с медийным этнолектом появилось большое количество обозначений этнолекта. В табл. 8 приведены варианты названий этнолекта,

встречающиеся в литературе [Androutsopoulos [http](#); Keim 2007; Wiese [http](#)].
Обозначения разделены по двум главным признакам: этничности и местности.

Таблица 8.

ПРИЗНАК	НАЗВАНИЕ ВАРИАНТА ЭТНОЛЕКТА
Этничность:	
Язык (Sprache)	Kanaksprak, Lan-Sprache
Немецкий язык (Deutsch)	Türkendeutsch, Kanakendeutsch
Вариант, отклоняющийся от стандарта (Slang)	Türkenslang, Migranten-Slang
Местность	
Язык (Sprache)	Stadtteilsprache, Kiez-Sprache
Немецкий язык (Deutsch)	Ghettodeutsch, Kiezdeutsch

Все названия составлены из двух основ, вторую основу альтернативно составляют три немецких слова: Sprache / Deutsch / Slang. Основа „Kanak“ в Kanak Sprak и Kanakendeutsch восходит к пренебрежительному обозначению немцами гастарбайтеров, прежде всего турецкого и арабского происхождения, «Kанаке» [Duden [http](#)]. Название получило распространение после выхода в 1995 г. книги Ф. Займоглу «Kанак Sprak», выражающей мироощущение второго и третьего поколения турецких иммигрантов в Германии [Zaimoglu [http](#)]. Также сегодня встречается вариант названия этнолекта Kanakisch [Deutsch-Kanakisch-Wörterbuch [http](#)]. Основа Lan в Lan-Sprache (с тур. «человек») часто используется как обращение (аналог нем. «Mensch!») в среде турецких иммигрантов.

Третичный этнолект проявляется в том, что элементы немецко-турецкого этнолекта, активно транслируемые через медийный дискурс, начинают использоваться в том числе немцами, которые в повседневной жизни не имеют контакта с носителями первичного этнолекта. Клише этнолекта начинают ассоциироваться с агрессией и определённым стилем поведения. Таким образом, элементы этнолекта используются с целью стилизации и демонстрации агрессивной настроенности [Auer [http](#)].

Следующей стадией развития этнолекта становится его деэтнизация. В районах плотного проживания иммигрантов в группах молодых людей с раз-

ным этническим происхождением элементы немецко-турецкого этнолекта начинают употребляться, в том числе, гражданами немецкого происхождения. Кроме того, на этой стадии этнолект теряет статус гендерлекта, так как его элементы наблюдаются и в речи девушек [Там же].

Со деэтнизацией этнолекта связаны его обозначения, в которых фигурирует признак местности. Основа Stadtteil указывает на то, что подобные этнолекты формируются в местах концентрированного проживания людей миграционного происхождения, то есть встречаются только в определённой части города. У И. Кейм читаем, что такие районы часто позиционируются как гетто. Так их называют и молодые люди, проживающие в них, и жители других районов [Keim 2007]. Отсюда обозначение Ghettodeutsch. В северо-восточных немецких диалектальных вариантах встречается слово Kiez, обозначающее часть города, отдалённое место. Kiezdeutsch как название этнолекта встречается в северо-восточной части Германии (в частности, Берлине) [Wiese [http](#)]. Рассмотренные варианты имеют свои особенности, в качестве общего обозначения языковых вариантов турок второго и третьего поколения представляется целесообразным принять немецко-турецкий этнолект.

В других странах Европы для обозначения подобных языковых вариантов используются следующие понятия: мультиэтнолекты, новые диалекты, этнические диалекты и новые городские диалекты (new urban vernaculars) [Wiese 2012]. Как утверждает Х. Визе, исследователи придерживаются разных мнений относительно терминологии или статуса этих языковых вариантов, однако, общим является рассмотрение этих вариантов как явления языковой креативности, расширяющей языковой репертуар говорящих [Там же]. Вопрос статуса мультиэтнолектов остаётся спорным, так как в немецких СМИ и медиасфере мультиэтнолект часто продолжает позиционироваться как «ломанный» немецкий (gebrochenes Deutsch), неудавшаяся попытка языковой интеграции (по аналогии с первым поколением), и воспринимается отрицательно. Я. Андруцопу-

лос описывает это явление как “идеологизацию” этнолекта [Androutsopoulos 2002].

Х. Визе является одним из ведущих исследователей, изучающих особенности дискурсивных практик в среде молодых людей мультиэтнических районов крупных городов Германии, в частности, г. Берлина. Автор называет языковой вариант, характерный для молодых людей из районов плотного проживания иммигрантов, «Kiezdeutsch», и приписывает ему статус мультиэтнолекта. В нашей работе мы будем обозначать данный языковой вариант как «киц». В последних работах Х. Визе говорит о тенденциях развития киц, соотносимых с системными и динамическими особенностями немецкого языка и, таким образом, ставит вопрос о позиционировании данного языкового варианта в качестве нового немецкого диалекта. Последнее заявление рождает большое количество дискуссий и критики.

Х. Джаноглу предлагает теорию развития языка иммигрантов Германии в виде следующей схемы: от языка рабочих-гостей через «канак шпрак» к варианту киц. При этом она отмечает, что за носителями ЯРГ был закреплён ярлык малообразованных турок, не усвоивших немецкий язык в должной мере. По мнению автора, носители языка рабочих-гостей позиционировались в немецком обществе как «аутсайдеры». Понятие «Канак шпрак» использовалось с целью социальной стигматизации, а понятие «киц», в свою очередь, подчёркивает социальный престиж языка иммигрантов. В отличие от ЯРГ, который позиционируется как неполноценное усвоение немецкого языка, киц представляет собой ресурс языковой креативности и инноваций для немецкого языка [Canoglu 2012: 23].

Важно отметить, что среди молодых турок с высшим образованием есть как дети бывших рабочих-гостей, то есть представители среднего класса Германии, так и представители высших слоёв турецкого общества, выросшие в Турции, и приехавшие в Германию с целью получения высшего образования или защиты докторской степени. Представители данных социальных групп со-

ставляют основу объединения «европейские турки» («Europatürken»), образованного в начале 1990-х годов и имеющего около 800 представителей в 8 странах Европы [Aslan 2004: 327].

Члены данного объединения категорически отвергают языковые варианты, основанные на смешении немецкого и турецкого языков. Они именуют их «языком низших слоёв» («Unterschichtsprache») или «двойным полуязычием» («doppelte Halbsprachigkeit»). «Европейские турки» владеют литературной нормой обоих языков и не смешивают их. Смешанные формы позволительны лишь в неофициальной атмосфере и обуславливаются необходимостью описать реалии немецкой или турецкого общества. «Европейские турки» собственным примером стараются препятствовать распространению стереотипа о турках как о необразованных гастарбайтерах, говорящих на «плохом немецком» и проживающих в гетто. Они отвергают любую форму негативной презентации турецких мигрантов, даже если она исходит от самих мигрантов, как в случае с писателем Ф. Займоглу, главной темой произведений которого как раз является клише «турок из гетто» [Там же].

В нашей работе мы подробно описываем фонетические, грамматико-синтаксические и лексико-семантические особенности мультиэтнолекта кич, поскольку в настоящее время он является наиболее актуальным.

3.1.2.2. Особенности немецко-турецкого этнолекта и специфика употребления «Канак шпрак»

В данном параграфе предполагается дать краткий обзор фонетико-фонологических и грамматико-синтаксических признаков первичного этнолекта и более подробно описать характерные черты и особенности употребления медийной формы этнолекта «Канак шпрак».

Немецко-турецкий этнолект в своей первичной форме использовался молодыми людьми турецкого происхождения. Носители этнолекта ассоциировались с ярлыком «проблемная молодёжь».

В отношении фонетико-фонологических характеристик этнолекта в качестве его регулярной особенности исследователи отмечали произношение глухого шипящего [ʃ] на месте глухого нёбного фрикативного [ç]. Однако, это явление наблюдалось в центральных регионах Германии, где эта особенность произношения является характерной для рейнско-франкских (мозельско-франкских, пфальцских, гессенских) диалектов. У носителей этнолекта в Гамбурге это явление не наблюдалось, у носителей из Берлина – появлялось, но нерегулярно [Auer [http](#)].

В качестве ярких грамматико-синтаксических особенностей этнолекта можно выделить следующие: 1) выпадение артиклей: *da wird Messer gezogen, der ist Pittbull, Gibt Problem?, Hast du Problem?*; 2) выпадение предлогов, часто вместе с артиклем в обстоятельствах места: *wenn wir überhaupt Hochzeit gehen*; 3) употребление ошибочного предлога по норме разговорного немецкого языка: *das Geilste wär Auto nach Türkei bringen*; 4) нехарактерный для нормы немецкого языка порядок слов: *jetz ich bin 18* и др. В качестве дискурсивных маркеров данного языкового варианта выступают слова: *verstehsdu, h(ey) Alter, krass, voll korrekt*. [Там же].

Как мы уже отмечали, носители первичного НТЭ в формальных ситуациях демонстрировали разговорный немецкий язык без элементов этнолекта. Таким образом, мы приходим к выводу, что первичный этнолект, прежде всего, выполнял функцию групповой этнической идентификации.

В своей книге «Einmal Hans mit scharfer Soße» писательница и журналистка турецкого происхождения Х. Акюн описывает культурно-речевое поведение своего младшего двадцатилетнего брата Мустафы следующим образом: «Вообще-то Мустафа может говорить на немецком очень хорошо, даже лучше, чем на турецком. Со своими друзьями он говорит на смеси немецкого и турецкого языков. По мнению Мустафы, говори он по-немецки, как немцы, он был бы точно ряженный. Немецкий – это язык Бенджаминов и Кевинов, тех, кто живет в лучших районах города и ненавидят Мустафу за то, что он – другой...

Он отказывается говорить по-немецки как следует. Когда я его спрашиваю, почему он говорит на этом ломанном немецком («Kanakendeutsch»), он отвечает: «Сыстира, я жи турок, ва мнэ турецкый кров, эта мой изык и изык маих турецкых быратьев» (перевод наш – М.Ш.).

«*Schiwesta, bin isch Türke, hab isch türkisch Bulut, ist Schiprache von tür-kisch Kollege und mir*» [Akyün 2005: 129].

В приведённом примере мы наблюдаем следующие характеристики НТЭ, выраженные графически: замена глухого нёбного фрикативного [ç] глухим шипящим [ʃ], а также приём эпентезы – «разбавление» сочетаний согласных звуков гласными (*Schiwesta* вместо *Schwester*, *Bulut* вместо *Blut*). Последняя особенность связана с полногласностью, характерной для турецкого языка. Подобное разбавление является интерферентным воздействием турецкого языка и часто наблюдается в речи первого поколения турецких иммигрантов – носителей ЯРГ. В примере также наблюдаем такие грамматико-синтаксические характеристики НТЭ, как выпадение артиклей (*ist Schiprache*), отсутствие флексий (*von türkisch Kollege*), нарушение порядка слов (*bin isch Türke*).

Отметим, что для носителей первичного НТЭ оказывается доступной успешная лингвокультурная адаптация в немецком обществе, но они отказываются от неё, подчёркивая приверженность своей этнической общности и отвержение принимающего сообщества.

Пародирование такого стиля говорения в медийном пространстве (комедийных телепередачах, скетчах дуэтов «Мундштуль», «Эркан и Штефан», развлекательных фильмах) обусловило появление медийного этнолекта, что вызвало закрепление обозначения «Канак шпрак» за подобным стилем речевого поведения (возможен также вариант «Kanakendeutsch»).

Стереотипный образ, закреплённый за носителями немецко-турецкого этнолекта, так называемыми «турецкими мачо» («Macho-Türke») или протестующего турка («Protest-Türken»), подразумевает проявление утрированной мужественности, ориентацию на решение любых проблем с помощью применения

физической силы, демонстрацию собственного превосходства. На рис. 1 представлена карикатура П. Пука, изображающая стереотипное поведение носителей стилизованного этнолекта.

Рис. 1. Источник: <http://garbersgazette.de/werbung-ethnolekt-oder-bin-ich-urlaub>.

На карикатуре мы видим, что один из четверых молодых людей турецкого происхождения настроен агрессивно и готов к атаке. Его трое приятелей комментирует происходящее. Мускулы и рост конфликтного турка подчёркивают ориентацию представителей данной социальной страты на утрированную мужественность и решение проблем с помощью применения физической силы. Другими признаками внешнего вида данной социальной группы являются эмблема турецкого флага на одежде персонажей, мобильный телефон в руках, спортивный костюм на одном из них, массивные цепи на шеях. Их языковое поведение продиктовано целью демонстрации собственного превосходства, целью «cool zu sein» – «быть крутым».

Из приведённой карикатуры видно, что в «Канак шпрак» прослеживаются те же особенности, что и в первичном немецко-турецком этнолекте: замена глухого нёбного фрикативного [ç] глухим шипящим [ʃ] (*gleich, isch*), выпадение

ние артиклей (*Nehm isch Handy*), выпадение предлогов и артиклей в обстоятельствах места (*Besser wir geh'n disco*), выпадение флексий (*Ruf isch mein Pitbull an!*), нарушение согласования формы глагола с существительным (*Bevor Bullen kommt*), нарушение порядка слов (*Besser wir geh'n disco*) и др. Ярким признаком медийного этнолекта становится очень частое употребление характерных дискурсивных маркеров: *Ey!*; *Ich schwö' dir*; *Vaschtehs du?*; *Voll krass*; *Dem is korrekt*.

Некоторые характерные черты медийного этнолекта не наблюдаются в первичном этнолекте, например, замена личных местоимений и местоимения *das* на *dem* в приведённой карикатуре: *Dem is gleisch tot*; *Dem is korrekt*. Персонажи дуэта «Мундштуль» Драган и Альдер заменяют местоимение *das* на *den*: «*Den is so schnell ich kann nur schätze*» [Auer [http](#)].

Ассоциирование «Канак шпрак» с агрессивностью лежит в основе использования элементов третичного этнолекта немцами, как средства выражения конфронтационных стратегий речевого поведения: «*Zum Beispiel, manchmal sag ich so aus Spaß, so „Halt die Maul!“ und dann sagt er „Was! Problem!?“ und so*» [Androutsopoulos 2002: 329]. Этот пример демонстрирует использование стилизацию этнолекта в игровом конфликте. В следующем фрагменте приведён пример употребления этнолекта в серьёзной ситуации. Когда кооперативная речевая стратегия в отношении незнакомого немца не достигла желаемой цели, молодой немец воспользовался конфронтационной стратегией, применив переключение на немецко-турецкий этнолект:

«*Was du wollen, ich Türke. Du wollen Stress? Ich holen meine Brüder und dann Du haben Stress, Du deutsch Nazi-Sau. Dann Du haben große Stress!*» [Auer [http](#)].

Таким образом, особенности первичного немецко-турецкого этнолекта служат основой для формирования вторичного или медийного и третичного этнолекта. Этнолект ассоциируется, с одной стороны, с этнической принадлежностью, то есть служит средством групповой идентификации, с другой стороны, с

определённым стилем речевого поведения, ориентированным на приоритет физической силы и агрессивность. Благодаря медийности подобные ассоциации с этнолектом получают широкое распространение в Германии. Элементы этнолекта начинают использоваться представителями немецкого происхождения в отношении немцев как выражение конфронтационные стратегии речевого поведения.

3.1.2.3. Особенности мультиэтнолекта киц на разных языковых уровнях

Для нашей работы представляется необходимым дать характеристику мультиэтнолекта киц на фонетическом, лексико-семантическом и грамматико-синтаксическом уровнях.

На фонетическом уровне для киц характерны следующие особенности:

1. Произнесение глухого шипящего [ʃ] на месте глухого нёбного фрикативного [ç]. В германистике это явление называется *Koronalisierung*. Эта особенность киц отмечена многими исследователями [Androutsopoulos URL, Wiese 2012: 38]. В Интернет-коммуникации это явление часто оказывает влияние на написание: «*okeh isch übertreibe? dann hab isch sie einfach geblockt*» (Пример из [Wittenberg, Paul http]).
2. Вариативное произношение согласного [r]. В начале слогов согласная [r] может произноситься апикально. Такая артикуляция согласного была характерна для первичного немецко-турецкого этнолекта [Auer URL]. В более позднем исследовании Т. Бюкер отметила, что подобная артикуляция [r] не является регулярной и может возникать, когда в разговоре затрагиваются темы насилия, незаконных действий, сексуальности [Bücker 2007: 34]. Учитывая, что первичный немецко-турецкий этнолект был характерен, в том числе, для участников криминальных группировок, можно предположить, что апикальное произнесение согласного [r] в начале слога служит средством самопрезентации в качестве криминального элемента.

3. В киц также отмечается невокализованное произношение согласного [r] в конце слогов. По замечанию Х. Визе, в данном явлении можно предположить интерферентное влияние из турецкого и арабского языков [Wiese 2012: 37].

4. Редуцированное произношение аффрикаты [ts]. У носителей киц аффриката [ts] может редуцироваться до [s] или [z] [цит. раб.: 37].

В отношении просодических особенностей этнолекта следует отметить, что для киц характерна более отрывистый ритм речи, чем в разговорном немецком языке, и нетипичная акцентная структура [Canoglu 2012: 86].

По замечанию Х. Визе, в мультиэтнолекте киц обнаруживается целый ряд особенностей, представляющих собой относительно стабильную грамматическую систему. Основными характеристиками этой системы оказываются грамматическая редукция и систематическое «расширение» существующих конструкций.

В языковом варианте киц было можно выделить следующие грамматические особенности, отличающие его от нормы немецкого языка:

1) Для мультиэтнолекта киц характерно такое грамматическое явление, как выпадение предлогов и артиклей:

«*Heute muss isch Solarium gehen*» вместо (*Heute muss isch in das Solarium gehen*);

«*Hast du Handy*» (*Hast du ein Handy*);

«*Dann war's Fehler von Tschechien*» (*Dann war's ein Fehler von Tschechien*) (<http://www.kiezdeutsch.de/sprachlicheneuerungen.html>).

Важно отметить, что явление выпадения артиклей, а иногда артиклей и предлогов фиксируется и в речи молодых людей немецкого происхождения, проживающих в мультиэтнических районах больших городов. Например:

«*Italienisch ist ja fast gleich wie Spanisch, auch so, aber andere Sprache*»;

«*wir gehen auch in Disco*»;

«*möchte Ausbildung machen*»;

«*wenn türkische Frau kommt*»;

«*dann bin ich Gymnasium zwei Jahre gegangen*»;

«wollen wir nicht Kiez gehen? »;

«Wochenende am meisten»;

«wenn ich jetzt bei Bäckerei arbeite»;

«will auch Urlaub nach Türkei machen»;

«alle zu Hamburg» (= nach Hamburg) (Примеры из [Auer http]).

2) Тенденцию грамматической редукции в киц подтверждает регулярное выпадение флексий:

«...auf kein Fall» (auf keinen Fall);

«...aus mein Land» (aus meinem Land);

«Ich frag mein Schwester» (Ich frag meine Schwester);

«Man sieht es später halt, wenn man kein Arbeit hat» (Man sieht es später halt, wenn man keine Arbeit hat) (Примеры из [Auer http]).

Следующий пример выпадения флексий был зафиксирован в речи молодого человека немецкого происхождения:

«und dann vor ein Jahr war ich auch türkische Frau zusammen» (und dann vor einem Jahr) (Примеры из [Auer http]).

3) В языковом варианте киц встречается выпадение глагола-связки sein:

«Was denn los hier?» (Was ist den los hier?);

«Ja, ich aus Wedding» (Ja, ich bin aus Wedding) (Примеры из [Auer http]).

Причину данного явления можно связать с интерферентным влиянием турецкого языка или языка рабочих-гостей, в котором прослеживаются аналогичные особенности. Несмотря на мультиэтничность многих немецких районов, турецкая диаспора является самой многочисленной и наиболее влиятельной. В связи с этим выпадение артиклей и предлогов в языковом варианте можно объяснить явлением интерференции из турецкого языка. Как мы уже отмечали, в турецком языке нет того же набора артиклей, что и в немецком языке (есть только неопределённый артикль bir), и отсутствуют предлоги. Это может послужить причиной возникновения подобных предложений в киц: «Ich bin Schule»; «Gehst du heute auch Viktoriapark?»; «Ich werde zweiter Mai fünfzehn». (Примеры из [Wiese 2012: 56]).

Х. Визе отвергает версию интерферентного влияния турецкого языка на языковой вариант киц, объясняя их исключительно тенденциями современного разговорного немецкого языка. Она находит аналоги перечисленных явлений и в немецком языке: выпадение предлога и артикля при названии остановок транспорта «*Wir sind gleich Alexanderplatz*» (вместо *am Alexanderplatz*) [цит. раб.: 54]. По её мнению, если бы действительно в киц произошёл перенос турецкой грамматики, то немецкие предлоги заменились бы соответствующими турецкими аффиксами. И немецкое предложение «*Ich bin in der Schule*» выглядело бы в киц следующим образом: «*Ich bin Schule-da*» (аффиксы *-de/-da* выражают обстоятельство места в местном падеже турецкого языка) [цит. раб.: 57]. Однако на примере ЯРГ мы видим, что интерферентное влияние может основываться на недодифференциации, а не на реинтерпретации / заимствовании признаков из Я1 (гипотетический перенос турецких аффиксов). На наш взгляд, мнение Х. Визе является слишком категоричным. Особенно спорным кажется обоснование выпадения артиклей и предлогов в киц. Узус таких выпадений в разговорном немецком языке касается только названий остановок транспорта, а в киц это явление встречается в различных обстоятельствах места и времени.

Мы позволим себе не согласиться с мнением Х. Визе и выдвинуть несколько гипотез, объясняющих причины выпадения предлогов, артиклей и флексий в киц. Первое предположение: причиной регулярного выпадения артиклей и предлогов в киц является интерференция из турецкого языка. Выпадение флексий также можно объяснить интерферентным влиянием в результате системных различий турецкого и немецкого языков: явление флексий является чуждым для агглютинативного турецкого языка.

Вторая гипотеза: интерферентное влияние на мультиэтнолект киц мог оказать язык рабочих-гостей, то есть немецкий язык, освоенный родителями молодых людей со многими упрощениями и отклонениями от нормы.

Третья гипотеза: допущенные упрощения имеют сходство с типичными отклонениями от нормы при освоении немецкого языка как Я2 (при любом Я1).

Учитывая, что для немалой части молодых людей миграционного происхождения немецкий язык является вторым, данная гипотеза также оказывается вполне вероятной.

Стоит отметить, что на формирование языковых вариантов молодых людей из мультиэтнических районов Германии мог повлиять комплекс перечисленных факторов.

4) В мультиэтнолекте киц наблюдается употребление выражений, образованных в результате слияния устойчивых фраз: *lassma* от *lass (uns) mal, musstu* от *musst du*. Например:

«*Lassma Moritzplatz aussteigen*»;

«*Musstu Doppelstunde fahren*»

(<http://www.kiezdeutsch.de/sprachlicheneuerungen.html#neueaus>).

В новом образовании *lassma* слиянию с глагольной формой подвергается частица *mal*. При этом местоимение *uns* и конечная *-l* выпадают. В слове *musstu* мы наблюдаем слияние слабоударного местоимения *du*. Подобные слияния распространены в современном немецком языке, но при этом также имеет место и редукция конечного гласного, что в написании выражается через замену *-u* на *-e*. Пример рассматриваемой слитной формы с редукцией демонстрирует нам известная немецкая пословица:

Lerne, liebe, leiste was, so kannste, haste, biste was [Самуйлова 2000, с. 119-120].

Lassma служит побудительным словом для ввода предложений, затрагивающих самого говорящего (мы-предложений). *Musstu* употребляется для ввода предложений, обращённых к другому лицу или группе лиц (ты/вы предложений). Х. Визе отмечает, что эти слова дополняют друг друга и успешно вписываются в систему немецкого языка [Wiese 2012: 60].

5) Приём слияния фраз также используется в мультиэтнолекте киц для образования частиц *ishwör(e)* и *gibs*:

«*Ischwör, Alter, war so*»;

«*Gibs auch Jugendliche, die einfach aus Langweile viel Mist machen*»

(<http://www.kiezdeutsch.de/sprachlicheneuerungen.html>).

Частица *Ishwör(e)* образована от фразы *Ich schwöre* (я клянусь). Эта усилительная частица употребляется в начале или в конце фразы, таким образом, маркируя границы высказывания. С помощью этой частицы говорящий подчёркивает достоверность сказанного. В отношении механизма образования этой частицы можно отметить, что в разговорном немецком языке подобные слияния также имеют место, например, фраза *glaube ich* стала полноправной частицей в слитой форме *glaubich*:

Da hinten kommt glaubich der Bus.

Однако особенность *Ishwör(e)* заключается в том, что частотное употребление подобных фраз (я клянусь) очень характерно для турецкой и арабской культур. Таким образом, здесь снова прослеживается интерферентное влияние турецкого и возможно арабского языков.

Частица *gibs* образована от фразы *gibt es*. Часто в предложениях с данной фразой на первом месте стоят обстоятельства места (*da, dort, hier*), и, таким образом, слова во фразе меняются местами так, чтобы глагол оказался на втором месте (*da / dort / hier gibt es*). В мультиэтнолекте киц частица *gibs* может занимать первое место в предложении. Отметим, что в немецком языке за изначальной фразой *es gibt* должно следовать дополнение в винительном падеже, местоимение *es* является подлежащим. В случае с *gibs* местоимение *es* пропадает, сливаясь с глаголом, таким образом, роль подлежащего освобождается и её занимает слово, которому по норме немецкого разговорного языка приписана роль дополнения. В примере «*Gibs auch Jugendliche, die einfach aus Langweile viel Mist machen*» подлежащим будет *Jugendliche*. В этом изменении прослеживается интерферентное влияние турецких конструкций, выражающих наличие или отсутствие предмета: *var* (есть, имеется, присутствует) и *yok* (нет, не имеет, отсутствует). Подобно турецким аналогам *gibs* становится неизменя-

емой частицей, которая вводит в контекст предмет или явление, о наличии или отсутствии которого идёт речь.

б) В мультиэтнолекте киц частица *so* активно употребляется в качестве дискурсивного маркера выделения фокуса предложения:

«*Ich mag so Wasserpfeifeladen*»;

«*Ich höre Alpa Gun, weil er so aus Schöneberg kommt*»;

«*Er hat so Türkei trikot und Türkiefahne um sich*»

(<http://www.kiezdeutsch.de/sprachlicheneuerungen.html>;

http://www.kiezdeutsch.de/jugendsprache2008/Jugendsprache2008_.pdf).

В приведённых примерах частица *so* не несёт привычного для нормы немецкого разговорного языка смысла. Её главная функция заключается в том, чтобы выделить особенно важную часть высказывания. В примерах также подчёркнуты слова, которые были выделены говорящими интонационно. Таким образом, частица *so* как дискурсивный маркер употребляется перед главным фокусом предложения.

Следующий пример был зафиксирован в речи девушки немецкого происхождения:

«*die geht so Laden rein*» (Примеры из [Auer http]).

7) В языковом варианте киц наблюдается активное употребление новых устойчивых глагольно-именных сочетаний:

«*Machst du rote Ampel*.» [= *Du gehst bei „rot“ über die Straße.*]

«*Hast du U-Bahn?*» - «*Nee, ich hab Fahrrad.*»

«*Wir sind jetzt neues Thema*». [*Wir besprechen jetzt ein neues Thema.*]

(<http://www.kiezdeutsch.de/sprachlicheneuerungen.html>)

Как мы видим в приведённых выше примерах, в мультиэтнолекте происходит десемантизация ряда глаголов, то есть утрата привычного лексического значения. Речь идёт о самых простых и распространённых глаголах: *machen*, *haben*, *sein*. В данном случае значение фразы выражается, главным образом, через существительное, а глагол выполняет грамматическую функцию. В немецком языке существуют устойчивые глагольно-именные сочетания,

например, *Angst haben, Spaß machen*. Таким образом, с одной стороны, в мультиэтнолекте кич активно используется модель образования подобных глагольно-именных словосочетаний, свойственная для нормы разговорного немецкого языка. С другой стороны, эта особенность характерна для пиджинизированных языков и является ярким признаком упрощения.

На лексико-семантическом уровне самой яркой особенностью мультиэтнолекта кич являются заимствования из турецкого и арабского языка. Эти заимствования преимущественно используются в качестве обращений, междометий, дискурсивных маркеров, экспрессивных выражений. Итак, рассмотрим основные группы заимствований из языков иммигрантов.

1) Обращения:

- „*abi*“: (араб./ тур.) старший брат», обращение к старшему по возрасту,
- „*lan*“: (тур.) человек,
- *Kiz* (тур.) – девушка
- „*moruk*“: (араб./ тур.) аналог русск. *чувак*,
- „*canim*“: (тур.) дорогой, любимый,
- „*aşkim*“: (тур.) – любимый [Brammertz http], [Krämer http], [Wittenberg, Paul http]:

«*Ey, rockst du, lan, Alter*» (<http://www.kiezdeutsch.de/sprachlicheneuerungen.html>);

«*vaaaaay ne is alles klar moruk was treibst du so alles gute nachträglich*»;

«*Ich schwöre Aşkim ich liebe dich und werde dich niemals vergessen ich bin immer für dich da*» (Пример из [Wittenberg, Paul http]).

2) Выражения ритуальной коммуникации (фразы приветствия, прощания):

- „*salam aleikum*“: (араб./ тур.) приветствие;
- „*hadi*“ - (тур.) аналог русск. *убегаю!*
- *kib* – (в письменной коммуникации) сокращение от тур. *kendine iyi bak* – береги себя:

«*salam a leikum... shit aldda hast du wenige einträge...*»;

«bin heute erst wieder gekommen konnte dir leider nicht vorher schreiben naja *hadi kib* bye» (Примеры из [Wittenberg, Paul http]).

3) Междометия и экспрессивные выражения:

- „vay“: (араб./ тур.) «ой!», «ах!»;
- „wallah (yallah) (“: (араб./ тур.) «ей-богу!», «видит бог!» [Brammertz http], [Krämer http], [Wittenberg, Paul http]:

«Vay bruda ais klar?»;

«Und da stand er und hat mir seine Hand gegeben. Wallah» (<http://www.kiezdeutsch.de/sprachlicheneuerungen.html>);

«Das ist Pakistan mein Land mein Stolz National hymne wallah wer probleme hat soll zu mir kommen. Wallah Türkei und Pakistan best friends» (Примеры из [Wittenberg, Paul http]).

В мультиэтнлекте киц также отмечается широкое употребление англицизмов. Эта тенденция кажется вполне естественной, учитывая статус киц в качестве молодёжного языка. Особенно частое употребление англицизмов в киц обнаруживается в Интернет-коммуникации: чатах и социальных сетях. По аналогии с заимствованиями из турецкого и арабского языков англицизмы затрагивают в мультиэтнлекте сферы ритуальной коммуникации и обращения. Характерной чертой онлайн-коммуникации является нестандартное написание слов:

«baibai und LG (bye-bye)»;

«ii miss you, du fehlst miir, naja liieb diich Bebi» (Примеры из [цит. раб.]).

Ресурсы разных языков могут использоваться в Интернет-коммуникации носителями мультиэтнлекта как средство экспрессивности: одна и та же часть сообщения может дублироваться на двух или даже на трёх языках:

«Happy B-Day dogumgünüin kutlu olsun Herzlichen glückwunsch» (Примеры из [цит. раб.]).

Важной характеристикой мультиэтнлекта киц на лексико-семантическом уровне является тенденция носителей употреблять определённые слова в значении, не являющимся базовым в разговорном немецком языке. Например:

«bei mir nich viel außer heute morgen, da war son komischer vogel, der mir kinogutscheine angedreht hatte» (<https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/4712/file/isis14.pdf>).

Слово *Vogel* употребляется носителями мультиэтнологта в значении «странный человек», «придурак», «идиот». В разговорном немецком языке базовым лексико-семантическим вариантом этой лексемы является значение «птица».

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить, что с одной стороны, мультиэтнологт киц представляет собой форму лингвокультурной адаптации второго и третьего поколения турецких иммигрантов в Германии. Признаками контактного языка являются такие характеристики киц, как грамматические редукции, упрощения, заимствования из Я1 или языков исторической родины (турецкого, арабского). С другой стороны, функции киц выходят за пределы контактного языка. Мультиэтнологт становится молодёжным сленгом, характерным для районов с мультиэтническим населением, определяя дискурсивные практики молодых людей, в том числе немцев. В качестве молодёжного сленга киц демонстрирует англицизмы, креативность, в результате которой возникают новые языковые образования.

Языковой вариант киц в качестве формы лингвокультурной адаптации можно соотнести со стратегией «интеграции» по Д. Берри и «гибкости» по К. Додду. В соответствии с этими стратегиями находится компромисс между поддержанием своей этнокультурной идентичности и стремлением выстроить конструктивные отношения с принимающим сообществом.

3.1.3. Использование ЯРГ, НТЭ, «Канак шпрак» и киц в художественном творчестве

Использование рассмотренных языковых вариантов в художественном творчестве обусловлено, прежде всего, двумя целями. Во-первых, это социально-этническое маркирование говорящего, средство выражения колорита современной мультикультурной Германии. Во-вторых, языковые варианты, основан-

ные на ресурсах немецко-турецкого языкового контакта, становятся языком создания художественных произведений (см. табл. 9).

Проблематика рабочих-гостей как слоя населения нашла своё отражение в целом пласте немецкой литературы. В формировании этого пласта прослеживается определённая эволюция. В 1970-1980-е гг. понятием литературы рабочих-гостей («Gastarbeiterliteratur») обозначали произведения на немецком языке авторов иностранного происхождения, въехавших в Германию со статусом рабочих-гостей. Тематика таких произведений была соответствующей: жизнь и чувства человека в Германии со статусом «гастарбайтер».

Таблица 9.

Социально-этническое маркирование	Язык микролитературы
Книги	
Akyün H. Einmal Hans mit scharfer Soße. Leben in zwei Welten. (Киц) Ayata I. Hürriyet Love Express. (Киц) Kara J. Selam Berlin. (Киц) Özdamar Emine Sevgi. Berlin, Stadt der Vögel (ЯРГ)	Biondi F. Nicht nur gastarbeiterdeutsch (ЯРГ) Zaimoglu F. Kanak Sprak («Канак шпрак»)
Фильмы	
Becker L. Kanack Attack. («Канак шпрак») Jahn T. Knockin' on Heaven's Door. («Канак шпрак»)	
Песни	
	Azad. Official video («Канак шпрак») Buschido. Official video («Канак шпрак») Grup Tekkan. Official video («Канак шпрак») Lady Bitch Ray. Official video («Канак шпрак»)
Комедийная сцена Интернет-творчество	
	Dragan und Alder. Comedy Film («Канак шпрак») Stefan und Erkan. Comedy film («Канак шпрак»)

Языковое смешение, плохой немецкий, являясь маркером рабочих-гостей, будь то турки, итальянцы, греки или югославы, выступают в качестве одной из тем, затрагиваемых в таких произведениях. В 1979 года Ф. Бионди, немецко-

язычный автор итальянского происхождения, в целях художественной креативности и имитации аутентичности языка лирического героя использует ЯРГ для написания сборника стихов «nicht nur gastarbeiterdeutsch»:

«maine nix gut doitsch.

isch waiss -

isch sprech ja

nur gastarbeiterdoitsch

und immer problema

iberall

doitsch loite nix verstee

was isch sagen

was isch wollen

Aber

langsam langsam

geets:

isch jetz meer verstee

doitsch loite

aber

maine sprache

nix viil verstee -

gastarbeiterdoitsche sprache

schwere sprache» (Biondi <http>).

Помимо темы формирования немецкого языка гастарбайтеров («*gastarbeiterdoitsche sprache schwere sprache*») автор затрагивает проблему социальной отчужденности иммигрантов и немцев:

«doitsche kollega

warum du immer weggucken

warum du mir nix akzeptieren

isch nix schaiss

isch mensch

zusammen

*isch arbeit du arbeit fabrik
isch leben du leben hiir
gut, du doitsch
isch auslender,
du immer sagen
isch gastarbaiter
aber isch nix gast
isch arbeit, isch kollega
zusammenarbaiten
in fabrik» (Там же).*

Ф. Бионди использует только ресурсы немецкого языка, не затрагивая включения из родного языка иммигрантов. Э. Оздамар, немецкоязычная писательница турецкого происхождения, говорит о некотором сплавлении немецкого языка и культуры с пришедшими языком и культурой. Языковое смешение становится признаком существования в двух местах одновременно:

«Wenn zwei Türken in Berlin untereinander Türkisch redeten, konnte ein Berliner das verstehen, weil auch die Sprache anfing, an zwei Orten gleichzeitig zu sein:

- Sen krankamı çiktin?*
- Hayir Doctor Krankschreiben yapmaldi, Gesundheitschreiben yapti.*
- Sen oglanı Berufsschule ye mi yolluyorsun?*
- Yok, Arbeitsamt a gidip geliyor.*
- Urlaub a gidiyor musun?*
- Kindergeld alırsak Schule ler kapanınca» (Özdamar 2004: 148).*
- (– Du bist ja krank?*
- Nein, Der Arzt hat mich nicht krank-, sondern gesundgeschrieben.*
  - Ist dein Sohn in der Berufsschule?*
  - Nein. Er geht oft ins Arbeitsamt.*
  - Fährst du auf Urlaub?*
  - Wenn wir das Kindergeld kriegen.)*

Если Ф. Бионди говорит об отчуждении коренных немцев от иммигрантов, то Э. Оздамар, наоборот, выделяет линии общения, соприкосновения немцев и «птиц». «Птицами» она метафорически называет рабочих-гостей, ко-

торые думали, что «прилетели» на время, но так и остались в немецких краях. Языковые изменения при этом переживали не только «птицы», но и сами немцы:

«Wenn zum Beispiel ein Afrikaner nach Paris kam, sprach er bereits Französisch; oder ein Bulgare, der nach Istanbul emigrierte, sprach schon Türkisch. Die Berliner aber mussten sich mit dem Kommen der Vögel mit ihrer eigenen Sprache auseinandersetzen. Den Sprachprozess, den die Vögel durchmachen mussten, erlebten die Berliner mit. Jeder Vogel, der die deutsche Sprache nach der Logik der eigenen Muttersprache in fremden Bildern gebrochen und mit vielen Fehlern sprach, ließ die Berliner über ihre eigene Sprache stolpern. Wenn sie etwa von einem dieser Vögel nach dem Weg gefragt wurden, deformierten sie in ihrer Antwort ihre eigene deutsche Sprache:

- *Du mir sagen, wo ist Puffhaus!*
- *Du gehen bis zum Rathaus!*
- *Nix is Rathaus, Puffhaus.*
- *Ja, du gehen bis zum Rathaus, hinter dem Rathaus ist Puffhaus!*
- *Viel Danke!*
- *Viel Bitte!»* (цит. раб.: 150).

В приведённом диалоге уже неясно, кто из говорящих иностранец, а кто немец. Действительно, чтобы быть понятыми иностранцами, немцы часто сами переходили на ЯРГ.

Вторую ступень эволюции немецкоязычной литературы мигрантов ознаменовало появление произведений, проблематику которых составляет кризис личности иммигрантов. Герои таких произведений – иммигранты или дети иммигрантов, уже окончательно оторванные от родной страны, но не ощущающие себя полноценными гражданами Германии. Для этих людей характерны ощущение себя сидящими «меж двух стульев», невозможность чёткой самоидентификации.

И, наконец, третью ступень эволюции мигрантской литературы формируют произведения, в которых герои ощущают свою полноценность наряду с коренным населением, но в то же время свою непохожесть на них, необычность: «Мы не хуже, мы другие». Причём эта непохожесть выступает в каче-

стве преимущества: они имеют возможность видеть мир сквозь призму как минимум двух культур, двух языков. Наряду с мигрантской литературой становятся актуальными термины «интеркультурная» или «мультикультурная литература» [Interkulturelle Literatur [http](#)]. Важно отметить, что, несмотря на иностранное происхождение, авторы «интеркультурной» литературы виртуозно пишут на немецком языке. Их произведения – это не просто явление письменного грамотного немецкого языка, который использует иностранец, а ценный с литературной точки зрения художественный текст.

Немецкоязычные авторы турецкого происхождения формируют самый крупный сектор литературы мигрантов. Использование немецко-турецкого этнолекта очень популярно в художественном творчестве Германии. Активное включение элементов этнолекта в художественное творчество началось после выхода книги «Kanak Sprak» Ф. Займоглу в 1995 году. Книга представляет собой 24 автобиографические истории, каждая из которых рассказывается от первого лица. Все герои – это молодые люди турецкого происхождения, представители второго и третьего поколения турецких иммигрантов. Это как раз радикально настроенные турки, активно противопоставляющие себя немецкому обществу, и кичащиеся своим статусом «канаков» – аутсайдеров немецкого общества. Слово «канак» («Kanake») является ругательным словом, которым в Германии пренебрежительно обозначались иностранцы турецкого и арабского происхождения [Duden [http](#)]. Молодые люди перенимают данное обозначение в качестве самоназвания и теперь позиционируют себя как «канаков», которые говорят на «Канак шпрак».

Ф. Займоглу утверждает, что их аутентичная речь состоит из кардинального смешения турецкого и немецкого языков [Hofmann 2006: 228], однако, в книге турецкие части переведены на немецкий язык. Явление немецко-турецкого этнолекта угадывается, прежде всего, в «жесткой» манере речи, наличии сленговых выражений, сниженной лексики (текст цитируется с сохранением орфографической специфики):

«Man sagt dem bastard, er fühle sich unwohl, weil zwei seelen bzw. zwei kulturen in ihm wohnen. Das ist eine lüge. Man will dem bastard einreden, er müsse sich nur für eine einzige seele entscheiden, als ginge es um einen technischen handgriff, damit die räder sich verzahnen, als sei seine psyche ein lahmgelegter betrieb. <...> Der kanake ist so etwas wie ein synthetisches produkt, das sich und die fabrik haßt, in dem es gefertigt wurde» [Zaimoglu http].

Рассуждая о своей идентичности, молодые люди признают, они являются «гибридами» („bastard“ – биол. гибрид, помесь) [Duden http]. При этом они отказываются выбирать между двумя мирами: немецким и турецким, объясняя это физической невозможностью, ведь они изначально «синтезированный продукт». Показателен при этом абсолютный нигилизм молодых людей, «ненавидящих себя и фабрику, на которой они изготавливаются». Отметим, что характерный для немецко-турецкого аграмматизм здесь почти не используется, однако, все-таки имеет место:

«fabrik haßt, in dem es gefertigt wurde».

Отношение «канаков» к немцам двойное. С одной стороны, молодые люди чувствуют свое превосходство по отношению к ним: они обладают определенной сообразительностью, социальной ловкостью, которая у коренных немцев отсутствует. С другой стороны, «канаки» ощущают свою неполноценность по отношению к немцам:

«Er (Kanake) hat instinkte, die die einheimischen nicht haben. <...> Dabei sind wir bloß besessen von der idee, besser zu sein als der eingeborene, der uns sehr früh einbleut, daß nur besonders schöne, besonders tüchtige oder besonders intelligente kanaken die zielgerade erreichen. Wir haben die botschaft gefressen und befolgen sie wie die letzten preußen» [Zaimoglu http].

При этом языковая креативность, смекалка молодых людей проявляется в окрашенности их речи яркими сравнениями и метафорами:

- „als ginge es um einen technischen handgriff, damit die räder sich verzahnen“;
- „als sei seine psyche ein lahmgelegter betrieb“;
- „wie ein synthetisches produkt“;
- „Wir haben die botschaft gefressen und befolgen sie wie die letzten preußen“ [Там же].

В 2001 году вышла книга М. Фрайданка «Kanakisch-Deutsch: Dem krassen-ten Sprachbuch überhaupt» [http]. Обозначение «Kanakisch» является одним из вариантов обозначений немецко-турецкого этнолекта (в частности, медийного). В основе этой юмористической книги лежит использование медийного немецко-турецкого этнолекта, «Kanakisch» служит одним из вариантов его обозначения. В табл. 11 приведены варианты перевода из этой книги.

Таблица 11.

Deutsch	Kanakisch
<i>Andersartiger</i>	<i>Bastard</i>
<i>es ist mir egal</i>	<i>scheiss mir egal</i>
<i>gut</i>	<i>korrekt</i>
<i>Junge Frau</i>	<i>Tuss</i>
<i>Junger Mann</i>	<i>Typ</i>
<i>mist</i>	<i>Scheissndreck</i>
<i>Polizeiaufgebot</i>	<i>Bullenalarm</i>
<i>Reiche Person</i>	<i>Bonsem</i>
<i>willst du etwas kaufen?</i>	<i>Psst, psst...</i>
<i>Zigarettenautomat</i>	<i>Kippemotomat</i>

Из приведённой «словарной статьи» видим, что «Канак шпрак» – это языковой вариант, в котором преобладает стилистически сниженная окраска. Это демонстрируют нам коннотации многих лексем, употребляемых носителями «Канак шпрак». Ряд из них относится к ругательной лексике. Для данного языкового варианта характерна гиперболизация. В качестве усилительного элемента зачастую выступает слово с грубой сниженной коннотацией *Sheiße: scheiss mir egal, Scheissndreck*.

Носители данного языкового варианта, (как правило, молодые люди с низким уровнем образования) используют его не просто для общения, а в качестве самоидентификации, признака групповой принадлежности. Пародирование элементов Kanakisch в обществе служит средством символизации данного социального слоя, часто в юмористическом контексте.

В «Kanak Sprak» этнолект являет собой форму презентации себя как особенной личности, как «канак». Обозначение «канак» переживает при этом переход из статуса «название» в статус «самоназвание», теряя при этом роль ругательного слова. Если в книге «Kanak sprak» «канакими» себя называют т.н. «аутсайдеры общества», то в книге «Hürriyet Love Express» И. Айаты обозначение «Kанаке» или «Kанакстер» охватывает социально успешных молодых людей турецкого происхождения, причём, как парней, так и девушек (Ayata 2005).. В аннотации книга определяется как *«polaroids vom Leben junger Kanakster in Deutschland»*.

3.2. Немецко-русский языковой контакт

3.2.1. Немецкий язык русскоязычных иммигрантов

На основе документального фильма немецкой телекомпании ZDF «Русский анклав в Берлине», основу которого составляют многочисленные интервью с русскоязычными иммигрантами, можно сделать некоторые выводы об уровне усвоения немецкого языка в среде русскоязычных иммигрантов. В документальном фильме речь идёт о круглосуточном магазине «Россия» в берлинском районе Шарлоттенбург, который известен большим ассортиментом типичных для России товаров. В следующем примере женщина 30-35 лет, родившаяся на Украине и проживающая в Германии 10 лет, комментирует свои покупки и рассказывает о первом этапе жизни в новой стране:

Das ist ein Birkensaft. Das auch Geschmack von Kindheit. Das war damals bei uns so echte? Birkensaft. Konnte man von Bäume im? Frühling. Die Leute haben gesammelt.

Erste Jahre war mir nicht leicht, kann man sagen. Ich hab gedacht ich kann nicht mehr. Ich muss weg. Hier musste neues Leben beginnen. Das ist so wie Kind macht erste Schritte. eeh Zum Beispiel, bin ich in U-Bahn gefahren und ich sehe so kleine Kinder die sprechen Deutsch. Und Dann Danach meine Gedanke: schau mal, die sind so klein und die sprechen schon Deutsch. Und ich bin so erwachsen und ich kann kein Wort sprechen. Das war nicht einfach. (lacht)

Die sind so rosa und so zart von Geschmack. So wie russischer? Herz. So wie russischer? Herz sie heißen Rosaherzen.

- *Sind russische Herzen anders als deutsche Herzen?*
- *Wenn wir leiden, dann leiden wir richtig, Wenn wir feiern, dann feiern wir auch bis zum Ende, wie gesagt, bis zum letzte Pusten ja. Nächstes Tag kann schlecht sein. Aber Hauptsache heute feiern* (https://www.youtube.com/watch?v=x9C7LF8s_Gc).

В данном примере интерференция наиболее ярко проявляется в виде недифференциации грамматических признаков немецкого языка в силу их отсутствия в русском языке. К явлению недифференциации в немецком языке иммигрантов с русским Я1 мы относим:

- выпадение артиклей (“*Geschmack*” вместо *ein Geschmack*; “*Kind*” вместо *ein Kind*; “*von Bäume*“ вместо *von den Bäumen*);
- ошибочное образование флексий (“*meine Gedanke*“ вместо *mein Gedanke*; “*bis zum letzte Pusten*“ вместо *bis zum letzten Pusten*);
- выпадение глагола-связки (“*Das auch Geschmack*” вместо *Das ist auch ein Geschmack*).

Для ряда приведённых особенностей характерна нестабильность. Глагол-связка выпадает в примере лишь один раз, что говорит о том, что говорящий просто совершил ошибку. Порядок слов остаётся верным в простых предложениях, и лишь в сложноподчинённом он нарушается. В связи с отсутствием в системе русского языка артиклей регулярными отклонениями в языке иммигрантов от нормы немецкого языка выступает выпадение артиклей: „*Das auch Geschmack*“ вместо *Das ist auch ein Geschmack*, „*von Kindheit*“ вместо *von der Kindheit*, „*von Bäume*“ вместо *von den Bäumen*, „*neues Leben*“ вместо *ein neues Leben*, „*in U-Bahn*“ вместо *mit der U-Bahn*. Также регулярно встречается ошибочное образование флексий: окончания существительных – „*von Bäume*“ вместо *von den Bäumen*, прилагательных – „*bis zum letzte Pusten*“ вместо *bis zum letzten Pusten*, притяжательных местоимений – „*meine Gedanke*“ вместо *mein Gedanke*, глаголов – „*Erste Jahre war*“ вместо *Erste Jahre waren*.

К явлению реинтерпретации языковых явлений в этом примере мы отнесём следующие особенности:

- ошибочный выбор предлога (“*in U-Bahn*” вместо *mit der U-Bahn*);
- нарушение порядка слов в сложноподчинённом предложении (“*...kleine Kinder, die sprechen Deutsch*” вместо *...kleine Kinder, die Deutsch sprechen*).

При ошибочном выборе предлога информант опирается на систему русского языка (*ехать в метро*). Аналогом русского предлога *в* является предлог *in*, в связи с чем возникает ошибочный вариант на немецком языке “*bin ich in U-Bahn gefahren*” вместо принятого в немецком языке “*mit der U-Bahn fahren*”. Порядок слов в сложноподчинённом предложении информанта также характерен для русского языка. Ср.: *...я вижу маленьких детей, которые говорят на немецком* и “*...kleine Kinder, die sprechen Deutsch*” вместо *...kleine Kinder, die Deutsch sprechen*.

В речи этого информанта прослеживаются следующие явления фонетической интерференции: произнесение русского [r] вместо немецкого [R], отсутствие твёрдого приступа („Knacklaut“) при произнесении гласного в начале слова или слога, неразличение долгих и кратких гласных. Однако, следует отметить, что слова с буквой r на конце произносит вокализ

О самоидентификации на пересечении двух культур рассказывает Владимир Дик, иммигрант 35-40 лет, проживший 17 лет в Берлине:

Wir waren zum Beispiel in Russland immer Deutsche, ja. Sie haben uns immer in die Schule genannt „Faschisten“ so weit, weil so waren für deutsche Nationalität. Und sind.. hier sind wir jetzt Russen geworden. (lacht) Jetzt nennen hier uns Russen. Ich weiß... Mir ist das egal. Ich bin schon in Deutschland siebzehn Jahre. Ich fühle mich auch wie ein? Berliner.

Besser als in Russland. In Russland ganz kompliziert. In Russland musste immer futtern.
(lacht) Immer Geld rechten. Geld, Geld, Geld. Ohne Geld geht nicht. Hier is einfach
 (https://www.youtube.com/watch?v=x9C7LF8s_Gc).

Для этого примера характерны следующие грамматические и синтаксические особенности:

- ошибочное спряжение местоимений “*in die Schule*“ вместо *in der Schule*;

- нарушение порядка слов в сложноподчинённом предложении *“weil so waren für deutsche Nationalität“*;
- отсутствие предлога *seit*: *“siebzehn Jahre“* вместо *seit siebzehn Jahren*;
- выпадение неопределённо-личного местоимения *man*: *“In Russland musste immer futtern.“*;
- эллиптические предложения: *„Besser als in Russland. In Russland ganz kompliziert.“*

В следующем отрывке молодой человек 20-30 лет демонстрирует уровень владения немецким языком, при котором практически отсутствуют грамматические, лексические и синтаксические отклонения от нормы разговорного немецкого языка:

Im Vergleich zu Russland ist es doch eher entspannter. Es ist nicht so anstrengend hier. In Russland muss man ein bisschen mehr auf sich aufpassen. In Deutschland ist es ein Stückchen mehr organisiert. Sei es da Straßenverkehr, sei es wie die Busse fahren. Die sind doch eher pünktlicher. Da ist einfach ein ganz anderes Leben. Die Leute leben auf dem anderen Niveau. Na, sie verdienen anderes Geld. Sie essen anderes Essen. So ist es. Und hier gibt es natürlich, warum die meisten hier kommen, doch die Unterstützung vom Staat. Also, der Staat fördert auch... die Leute, die etwas möchten. Na..

- *Haben Sie auch eine Unterstützung vom Staat?*
- *Ich hab auch eine Unterstützung vom Staat, ja*
(https://www.youtube.com/watch?v=x9C7LF8s_Gc).

Немецкий язык русскоязычных иммигрантов представляет собой определённый уровень усвоения иностранного языка. Иммигранты демонстрируют разный уровень владения немецким языком, с разным допущением интерферентного влияния русского языка. Поэтому мы не выделяем немецкий язык данной группы иммигрантов как новое языковое образование и рассматриваем его как набор разных уровней владения немецким языком.

3.2.2.2. Немецко-русский русский

В зарубежной литературе идиом русскоязычных иммигрантов в Германии называют немецко-русским русским (Deutsch-russisches Russisch) [Kuße, Scharlaj 2014], в отечественной – социодialeктом русских эмигрантов в Германии [Жданова 1999], современным немецким русским говором [Максимов URL]. В нашей работе мы будем обозначать данный идиом как немецко-русский русский (далее – НРР). Этот социодialeкт используется только в среде иммигрантов с территории бывшего СССР.

НРР имеет чёткую морфологическую основу русского языка и перенос немецкой лексики. Яркой характеристикой НРР являются обширные трансференции лексем из немецкого языка.

Для анализа лексических трансференций из немецкого языка в НРР мы будем придерживаться классификации, использованной в работе [Блажевич 2011]. Таким образом, мы разделяем заимствования из немецкого в НРР на три группы: полные, частичные и гибридные.

1) К полным заимствованиям мы относим лексические единицы, которые полностью сохраняют немецкую форму и значение: дрогерия (нем. – Drogerie) – аптекарский магазин, торгующий лекарствами, косметикой, средствами гигиены и т. п.), тильгунг (нем. – Tilgung) – оплата, погашение, фервальтунг (нем. – Verwaltung) – администрация:

«На сегодняшний день самое разумное Дарлеен на 10 лет с возможностью время от времени менять тильгунг (а вместе с ним и взносы)» [Германия по-русски].

«Идете купаться, вместо того, чтобы писать в фервальтунг/на форум/на деревню дедушке» [Германия по-русски].

Подобные заимствования изменяются в НРР по соответствующим парадигмам окончаний существительных в русском языке. Род заимствований, как правило, соответствует роду русских существительных со сходным морфологическим обликом. Так, немецкие существительные женского рода, оканчива-

ющиеся на -ung и -n, при заимствовании в НРР становятся существительными мужского рода:

«... а т. к. вы не часто пользуетесь услугами медицины, то и цуцалюнгов у вас не большая сумма в год – так ?» (*die Zuzahlung* – дополнительный платёж) [Германия по-русски];

«Вы можете еще посмотреть чуть дальше дармштада. Тожже прямой автобан до аэропорта» (*die Autobahn* – скоростная автомагистраль) [Германия по-русски].

При заимствовании немецких существительных женского рода, оканчивающихся на -e, последняя гласная может заменяться в НРР на -а или -я). Склонение этих заимствований происходит, соответственно, по русской парадигме женского рода. Слово также может использоваться без изменений и не склоняться в НРР, например, *кнайпа* / *кнайпе* нем. *die Kneipe*.

«Всякие-разные фирмы, есть гель, есть гранулами, в любой дрогерие (ДМ, россман) и даже в супермаркетах» [Германия по-русски];

«В 2015-м в Уллерсчаусене закрылась последняя кнайпа» [Германия по-русски];

«... когда мы ехали на машине по жаре на северо-востоке Албании через большой город Корча (у них есть пиво Корча) и остановились возле какого-то кнайпе перекусить» [Германия по-русски].

2) Частичные заимствования – это слова, образованные по схеме: «немецкий корень + русские аффиксы». Особенно активно данная схема используется при заимствовании глаголов. Эти лексемы начинают изменяться по русской глагольной парадигме. Например, *замельдоваться* нем. *sich anmelden* – зарегистрироваться; *митовать* нем. *mieten* (*die Wohnung*) – снимать, арендовать квартиру; *безухать* нем. *besuchen* – посещать, приезжать в гости; *сшафать* – нем. *schaffen* – справиться (с чем-либо):

«Я пытался сделать *Abmelden*, но у них там очень хитрая замануха: напишите ваш Е-маил, с которым вы у нас замельдовались. Т.е., пытаясь от них отмельдоваться, ты признаешься, что ранее замельдовался!» (<http://foren.germany.ru/other/f/29029801.html>);

«Здрасьте, а кто-нибудь митовал квартиру для студии? Это вообще возможно?» (<http://foren.germany.ru/arch/showmessage.pl>);

«29 ноя я буду уже вас безухать. Если предложите ночлег и экскурсию для двух любителей, будем рады! А то заночуем в палатке» [Германия по-русски];

«Я в 38, с 5 мес. ребенком – без памперсов, одна, немецкий – 0, 5 дней на поезде, 250 ДМ в кармане – сшафала. И они сшафают» [Германия по-русски]».

Присоединение русских аффиксов к немецкому корню может использоваться и при заимствовании немецких существительных, например, *бераторша* нем. Beraterin – женщина-консультант:

«...Бераторша сказала, ой, ну что Вы, через недели 3 будет уже готово» (<http://foren.germany.ru/other/f/29029801.html>).

3) Гибридными заимствованиями мы называем словосочетания из лексических единиц обоих языков. Например, *давать аускунфт* (Auskunft geben – давать информационную справку), *поставить антраг* (Antrag stellen – подать заявление):

«Мне даже аускунфт не дадут, замельдовался ли мой митер в энергокомпании» [Германия по-русски];

«Поэтому, чем быстрее поставите антраги, тем лучше» [Германия по-русски].

Лексические заимствования можно разделить на группы в соответствии с функциями, которые они выполняют в речи иммигрантов.

1) Номинативная функция.

Эта функция заключается в том, что одной из первостепенных причин заимствований является необходимость называть новые предметы и явления социокультурной сферы. Лексические заимствования, выполняющие эту функцию, заполняют лакуны в первом языке и исходной культуре иммигрантов. С той же функцией употребляются слова, у которых нет однословного аналога в Я1. Употребление заимствований в данном случае можно считать функционально обоснованным, так как оно обеспечивает более точную референтную соотнесённость при обозначении реалий.

Например: «Что значит зона комфорта? Для некоторых это сидеть на харце и смеяться над теми, кто работает» (Hartz IV – пособие по безработице) [Германия по-русски];

«...все намного упрощённое чем везде написано, термин главное к нотариусу иметь, и желательно пораньше, все остальные окна можно и без термина!» (Termin – назначенная встреча по записи, срок, дата, просто встреча) (Германия по-русски).

По признанию иммигрантов немецкое слово Termin является настолько удобным и незаменимым, что даже те, кто пытается не смешивать языки, не могут обойтись без употребления этого слова в русском:

«Но...тэрмин-то удобнее. Сразу чётко и ясно! Надо бы в русский ввести.»
(<http://diary.ru/~strela12/p4262.htm#form>).

2) Актуальная функция.

Большое количество заимствований обусловлено высокой коммуникативной актуальностью определённых понятий и явлений в новой лингвокультурной среде. Для таких заимствований можно найти аналоги в русском языке, но они часто состоят из двух и более слов. В соответствии с универсальным стремлением говорящего к экономии языковых средств в процессе коммуникации иммигранты выбирают иноязычную лексику. Кроме того, иммигранты проживают в среде, в которой определённые номинации для обозначения местных реалий часто произносятся. Таким образом, люди склонны избирать вариант, который первым приходит им в голову:

«С этим анмельдунг рулите в тамошний социальамт (...). Если в социальамте и арбайтсамте спросят а когда Вы переехали... (Sozialamt – ведомство по социальным вопросам, Arbeitsamt – служба занятости)». (<http://foren.germany.ru/arch/legal/f/14033254.html>).

Ряд немецких лексем в НРР имеют однословные аналоги в русском языке, однако, иммигранты предпочитают использовать немецкие слова. Это часто глаголы и существительные, которые описывают реалии, связывающие иммигрантов с немецким миром. Эти слова связаны с процедурами оформления документов, аренды жилья, обращения в различные ведомства и инстанции:

«...Бераториша сказала, ой, ну что Вы, через недели 3 будет уже готово» (Beraterin – женщина-консультант) (<http://foren.germany.ru/other/f/29029801.html>);

«Здравствуйте, а кто-нибудь митовал квартиру для студии? Это вообще возможно?» (mieten – снимать, арендовать) (<http://foren.germany.ru/arch/showmessage.pl>);

«Мне даже аускунфт не дадут, замельдовался ли мой митер в энерго-компании» (Mieter – арендодатель);

«То есть, в любой момент времени НАЧАЛЬНИКУ известно, кто является вашим лиферантом элетричества» (Lieferant – поставщик) [Германия по-русски].

3) Экспрессивно-стилистическая или игровая функция. Немецкая лексика активно употребляется иммигрантами в НРР с целью придать своей речи красочность, самобытность, создать комический эффект, языковую игру. Носители немецко-русского русского используют немецкие вкрапления, чтобы выразить своё отношение к тому, о чём идёт речь. Часто подобные заимствования служат средством выражения иронии, целям высмеивания. При этом на первый план выходит не номинативное значение немецкой лексики, а прагматические коннотации слова и отношение говорящего. Это может быть критика, неприятие, дистанцирование или ирония по отношению к действительности в стране проживания.

«Скажу вам что спорт в Германии в каком то дохлом состоянии, хотя присутствуют все условия для занятий, или нет стимула что то я не пойму...не многие конечно трайбают...но в основном трусса и всё такое ...а какие то боевые или единоборства здесь как то не уважают-ся. У кого какие соображения почему так и что сделать, что бы хотя бы себя заставить спортом заниматься» (treiben (Sport) – заниматься спортом) [Германия по-русски].

В данном примере иммигрант, критикуя ситуацию, связанную со спортом в Германии, противопоставляет русскую фразу «заниматься спортом» и заимствование из немецкого «трайбать». При этом в последнее слово вкладываются следующие коннотации: неполноценность немецкой традиции занятий спортом

в сравнении с отечественной. По мнению говорящего, «трайбают» немцы, а русские «занимаются спортом».

«Теперь вот дойчланд начал стены мхом от файнпартикель заса-живать... <...> Первые жертвы названы: такси и автобусы. За ними, мне кааца, последуют лифервагены» (Deutschland – Германия, Feinpartikel – зд. мелкие частицы продуктов сгорания топлива, Lieferwagen – автомобили-фургоны) [Германия по-русски].

Здесь автор высказывания критикует политику Германии в области экологии. Говорящий считает, что немецкие законы, имеющие цель улучшить состояние окружающей среды, являются слишком жёсткими в отношении владельцев и водителей транспортных средств. Немецкой лексемой «дойчланд» автор дистанцируется от современной тенденции немецкого правительства уделять слишком много внимания вопросам экологии, часто в ущерб финансовому состоянию своих граждан. Тем самым говорящий подчёркивает характерную «немецкость» подобной помешанности на проблемах окружающей среды. Кроме того, первое предложение высказывания создаёт комический эффект.

«- Лишнее. В Германии вполне достаточно иметь хенди и записать туда в память номер полиции. Просто и безопасно (и в смысле закона тоже) [Германия по-русски].

- Представь, твою жену грабят, а ты стоишь как ... и дрюкаешь хенди» (das Handy – мобильный телефон, drücken – нажимать) [Германия по-русски].

В данном диалоге второй говорящий использует немецкие лексемы для составления фразы «хэнди дрюкать» – нажимать кнопки мобильного телефона. Само слово «дрюкать» звучит комично для носителей русского языка. Используя эту фразу, второй говорящий насмехается над предложением первого, подчёркивая абсурдность совета в случае опасной ситуации. Примечательно, что в немецком языке лексемы *drücken* и *Handy* не употребляются вместе с прямым управлением. Их совместное употребление возможно с предложным управлением, например, *auf dem Handy drücken*. Таким образом, можно сделать вывод, что носители НРР креативно используют ресурсы немецкого языка, создавая новые устойчивые словосочетания.

Ещё одной яркой особенностью НРР на уровне лексики является калькирование. Исследуя язык русских эмигрантов, Е.А. Земская отмечает: «Кальки проникают в речь даже тех людей, которые строго оберегают свой русский язык и не допускают в него заимствований. Кальки менее заметны, чем заимствования. Это, так сказать, тайный переодетый враг, а не явный грабитель, который ломится в дом» [Земская 2001: 121].

Широкое распространение в НРР приобретает калькирование немецких выражений с глаголом *machen*. Часто калькируется сочетание глагола *machen* с существительными: *делать матрикуляцию* нем. *Immatrikulation machen* – подавать документы на зачисление в ВУЗ:

«И в университете в новом семестре матрикуляцию не сделала...» (<http://foren.germany.ru/arch/education/f/7941830.html>);

«Не будем делать стресс!» нем. *Machen wir keinen Streß!*;

«Я сделал языковой курс» нем. *Ich habe einen Sprachkurs gemacht.*

Также встречаются словосочетания *делать экзамены / практику / спорт / профессию* [Жданова 1999: 23].

В.В. Жданова отмечает, что ряд заимствований из немецкого переживают на русской почве специализацию своего значения. Например, многозначное слово *Schein* (свидетельство, удостоверение) употребляется русскоязычными иммигрантами, прежде всего, в значении документа, подтверждающего участие в университетском курсе (аналог наших экзаменов и зачётов): «Я уже закончила собирать шайны» [Жданова 1999: 21]. *Heim* (дом, приют, домашний очаг, обычно выступает в составных словах: *Wohnheim* – общежитие, *Altersheim* – дом для престарелых) используется только в значении лагеря для переселенцев: «Напротив русского магазина раньше хайм был. Когда мы жили в хайме...» [Там же].

Под влиянием немецкого словоупотребления в речи эмигрантов возрастает частотность существующих и в русском языке иноязычных слов, которые появляются в нехарактерных значениях и контекстах: *инвестировать* в значе-

нии «вкладывать, прилагать усилия»: «*Два года я проучился, ничего не делая, а теперь уже надо что-то инвестировать*» [цит.раб.: 22].

НРР базируется на грамматической основе русского языка, однако, в социодialeкте встречаются специфические грамматико-синтаксические характеристики, обусловленные интерферентным влиянием немецкого языка:

1. Построение утвердительно-вопросительной конструкции со словом *или* от нем. *oder*: распространённой в разговорном немецком языке утвердительно-вопросительной конструкции со словом *или* от нем. *oder*:

«*ты уж там поосторожней, всё таки в туркай находишься, или?*»

(аналогично русск. *не так ли?*)

2. Употребление обстоятельств, выраженных наречиями, вместо эквивалентных по смыслу русских предложно-падежных конструкций:

«*Вы легко найдёте его (общезитие) – это центрально*» (пример из [Жданова 1999: 29]).

3. Неверное оформление конструкции принадлежности вследствие буквального перевода предлога *von*:

«*Ботинки от папы*» вместо *папины ботинки* (нем. *die Schuhe von seinem Vater*) (пример из личного общения).

Подводя итог вышесказанному, отметим, что немецко-русский русский является, с одной стороны, формой поддержания этнокультурной идентичности иммигрантов, с другой стороны, он подчинён условиям новой среды, что выражается в обширных лексических заимствованиях из немецкого языка. Заимствования выполняют номинативную, актуальную и экспрессивно-стилистическую роль в немецко-русском русском. Таким образом, НРР является средством плавной лингвокультурной адаптации иммигрантов в Германии.

3.2.3. Использование НРР в художественном творчестве

Особенности языка иммигрантов, в том числе, языковое смешение может использоваться для характеристики языкового портрета говорящего, если автор имеет целью подчеркнуть его миграционное происхождение. Подобное смешение

ние логично было бы искать в произведениях В. Каминера – немецкоязычного писателя еврейско-русского происхождения, иммигрировавшего в Берлин в 1990 году (<http://www.wladimirkaminer.de/>). Автор легких иронических зарисовок о жизни иммигрантов в Берлине, однако, избегает немецко-русских смешений. Даже в отсылках на русские реалии или клише В. Каминер строго придерживается линии немецкого языка:

“Auf dem Moskauer Markt kaufte ich für den Rest des Geldes noch ein Paar Souvenirs: eine Matroschka, die mit blassem Gesicht in einem kleinen Sarg lag – das fand ich lustig, außerdem eine Flasche Wodka der Marke Lebewohl“ (Kaminer 2002: 24).

Название марки напитка Lebewohl сразу позиционируется на немецком языке без какой-либо отсылки к его изначальному русскоязычному виду. Отсутствие интерференции из русского языка в тексте произведений В. Каминера объясняется ориентацией данной литературы на немецкого читателя. Доступность, легкость, насыщенность юмором, грамотное использование популярных в Германии клише о русских предопределили коммерческий успех книг писателя. Яркой особенностью аудиокниг В. Каминера является сильная фонетико-фонологическая интерференция: немецкий текст читается самим автором с характерным для русских акцентом (Kaminer 2010 CD-ROM). Логично предположить, что писатель прибегает к данному приему, чтобы при хорошем немецком в своих текстах оставаться автором «экзотическим». Возникает ощущение некоторой исключительности его авторского стиля: так просто и смешно можно писать, только если говоришь с русским акцентом. Типичный русский акцент с твердой *p* и палатализацией, визитная карточка всего русского, входит в систему клише о русских в Германии, на которой построено все творчество В. Каминера.

В марте 2012 г. в немецкий прокат вышел фильм „Russendisko“ по мотивам одноименной книги. Все актеры, играющие русско-еврейских иммигрантов – немцы. В фильме, как и в книге, активно обыгрываются клише о русской

жизни, однако все главные герои говорят на хорошем немецком без русского акцента [Ziegenbalg [http](#)].

Интернет-Проект «Квеля» основан на использовании макаронической речи, которая представляет собой кардинальное смешение немецкого и русского [Креативная Qwеля]. Подобные смешения имеют шуточно-гротескный характер и создаются для развлекательных целей. Существуют разные мнения по поводу происхождения названия этого проекта: от нем. *Quelle* — источник, либо от нем. *quälen* — мучиться [там же]. В портале доступен «Словарь Креативной Qwели» или «Qwеля-Русский Вертабух», в котором представлены 135 слов Qwели с аналогами в русском языке и примерами [Q-PB]:

зийсдуте – вот видите! (Зийсдуте! Я была права);

дацу – к тому же (Ещё и дурак дацу);

бар – наличные (Зачем картой? Заплачу баром);

шлау – хитрый (государство тоже шлау).

Текст музыкальной группы “Банда” также основан на макароническом дискурсе:

«Блауе вагон бежит и швингает / И дер инельцуг набирает ход / А варум же этот день фершвиндает / Золь он зих хинциен целый год / Тепихом – тепихом дальний вег стелит-ся / И упирается в блауер химелёк / Едому – едому в бессере глаубится / Ролится – ролится блауер цуганёк» [<http://www.strannik.de/quelia/wagen.htm>].

Х. Кусе и М. Шарлай пишут о динамике статуса РНН от ресурса для языковой игры до языка, в частности, языка «микролитературы» („Mikroliteratursprache“) [Kuse, Scharlaj 2014: 252, 253]. Статус РНН также подтверждается выходом «Толкового словаря современного немецкого русского говора» в 2008 г. [Максимов [http](#)].

3.3. Лингвокультурная адаптация как фактор аккультурации иммигрантов в Германии

Обобщая лингвистические особенности дискурсивных практик иммигрантов и особенности их употребления, мы можем сделать ряд выводов. Языковые варианты людей миграционного происхождения представляют собой

формы лингвокультурной адаптации и определяют выбор иммигрантами стратегий аккультурации и типов культурно-речевого поведения. Результат проведенных соответствий в отношении языковых вариантов, основанных на немецко-турецком языковом контакте, представлен в табл.10.

ЯРГ является показателем низкого уровня лингвокультурной адаптации. Неуспешная лингвокультурная адаптация первого поколения турецкоязычных иммигрантов коррелирует с такими стратегиями аккультурации, как «сепарация» по модели Д. Берри или «бегство» по модели культурного взаимодействия К. Додда. Данные стратегии аккультурации нашли яркое выражение в связи с геттоизированным расселением турецкоязычных иммигрантов в крупных городах Германии и возникновением феномена параллельного общества.

Таблица 10.

Языковой вариант	Лингвокультурная адаптация	Стратегия аккультурации по Дж. Берри	Стратегия межкультурного взаимодействия по К. Додду	Тип культурно-речевого поведения
ЯРГ	Неуспешная	Сепарация	Бегство	Антиассимилятивный
Первичный НТЭ и «Канак шпрак»	Кризис	Маргинализация	Борьба	Антиассимилятивный
Мультиэтнолект киц	Успешная	Интеграция	Гибкость	Мультикультурный

ЯРГ является показателем низкого уровня лингвокультурной адаптации. Неуспешная лингвокультурная адаптация первого поколения турецкоязычных иммигрантов коррелирует с такими стратегиями аккультурации, как «сепарация» по модели Д. Берри или «бегство» по модели культурного взаимодействия К. Додда. Данные стратегии аккультурации нашли яркое выражение в связи с

геттоизированным расселением турецкоязычных иммигрантов в крупных городах Германии и возникновением феномена параллельного общества.

Первичный немецко-турецкий этнолект и «Канак шпрак» являются результатом кризиса лингвокультурной адаптации второго и третьего поколения иммигрантов турецкого происхождения. Данные языковые варианты соответствуют стратегии «маргинализация» по модели Дж. Берри и «борьба» по модели межкультурного взаимодействия К. Додда. Кризис идентичности носителей НТЭ и «Канак шпрак» заключается в том, что индивиды не ощущают себя полноправными членами немецкого общества, но при этом связь с турецкой культурой и, часто, языком является частично утерянной. Проявление агрессивности как признак НТЭ и «Канак шпрак» служит способом критики, бунта против немецкого общества и культуры. Ассоциирование носителей «Канак шпрак» с провокационным антиассимилятивным культурно-речевым поведением, агрессией, признанием превосходства физической силы обуславливает использование его элементов с целью создания определённой тональности высказывания.

Языковой вариант киц в качестве формы лингвокультурной адаптации можно соотнести со стратегией «интеграция» по Д. Берри и «гибкость» по К. Додду. В соответствии с этими стратегиями находится компромисс между поддержанием своей этнокультурной идентичности и стремлением быть частью принимающего сообщества. В классификации типов культурно-речевого Х. Пфандля мы не находим варианта, который бы соответствовал носителям киц. На наш взгляд, в данном случае можно говорить о мультикультурном типе культурно-речевого поведения, когда несколько языков и культур участвуют в формировании языковой личности. При этом условие владения двумя или более языками не является обязательным. Основой для мультикультурного влияния языков окружения и английского языка может выступать немецкий язык.

Немецко-русский русский является, с одной стороны, формой поддержания этнокультурной идентичности иммигрантов, с другой стороны, он также представляет собой форму лингвокультурной адаптации, так как подчинён

условиям новой среды, что выражается в обширных лексических заимствованиях из немецкого языка. Учитывая, что для носителей НРР может быть характерна разная степень владения немецким языком, мы не будем соотносить его со стратегиями аккультурации и межкультурного взаимодействия.

Выводы по главе 3

Язык иммигрантов в Германии демонстрирует значительный континуум, в рамках которого мы можем наблюдать и стадии освоения Я2 и возникновение новых языковых вариантов. Языковые варианты, основанные на ресурсах немецко-турецкого и немецко-русского языкового контакта, обогащают языковой репертуар говорящих, становятся средством самоидентификации, важным групповым фактором, способом выражения определённых речевых стратегий, ресурсом для художественного творчества.

Язык иммигрантов турецкого происхождения за последние 60 лет демонстрирует динамику движения от стадии освоения Я2 к возникновению языковых вариантов, основанных на креативном использовании ресурсов немецкого и других языков. Эти изменения происходили в процессе смены поколений: ЯРГ представляет собой неполноценную стадию освоения немецкого. В ЯРГ также прослеживается интерферентное влияние турецкого языка. ЯРГ является показателем неуспешной лингвокультурной адаптации и соотносится с такими стратегиями, как «сепарация» и «бегство», а также с антиассимилятивным типом культурно-речевого поведения

Молодые люди, представители второго и третьего поколения иммигрантов турецкого происхождения, обогащают свой языковой репертуар, используя варианты немецко-турецкого этнолекта. Немецко-турецкий этнолект в своей первичной форме имеет ряд фонетико-фонологических, грамматико-синтаксических черт, которые объясняются интерферентным воздействием турецкого языка или ЯРГ. Примечательно, что употребление этнолекта является сознательным выбором его носителей при владении нормой разговорного

немецкого языка, то есть происходит отказ от лингвокультурной адаптации. Функции этнолекта включают выражение групповой идентичности и определённого стиля самопрезентации. В своей вторичной форме этнолект получает медийный статус, и за ним закрепляется обозначение «Канак шпрак». Первичный НТЭ и «Канак шпрак» мы ассоциируем с кризисом лингвокультурной адаптации и выбором таких стратегий аккультурации, как «маргинализация» и «борьба». Для носителей этих языковых вариантов характерен антиассимилятивный тип культурно-речевого поведения.

Расширение функций этнолекта заключается в использовании его элементов как средства выражения конфронтационных коммуникативных тактик представителями коренного населения Германии.

Новым поворотом в развитии этнолекта послужил процесс его деэтнизации. Молодое население мультиэтнических районов, (в том числе и немцы), стало использовать элементы этнолекта. Появились новые обозначения для языковых вариантов: молодёжный мультиэтнолект киц. Носители мультиэтнолекта также владеют нормой разговорного немецкого языка. Для многих из них немецкий – это первый язык, и они говорят на нём лучше, чем на родном языке своих родителей (турецком или арабском). Однако для мультиэтнолекта характерны особенности (выпадение артиклей и предлогов, выпадение флексий), которые не позволяют исключить версию интерферентного влияния турецкого языка или ЯРГ. Тенденции мультиэтнолекта к редуцированию, употреблению дискурсивных маркеров, отступлению от принятого порядка слов также подчёркивают в мультиэтнолекте его признак молодёжного языка. Дальнейшее развитие киц представляется как эволюция молодёжного языка, имеющего значительные мультиязычные ресурсы, однако, все же следующего тенденциям развития немецкого языка.

На основе немецко-русского языкового контакта мы выделили два языковых варианта: немецкий язык русскоязычных иммигрантов и немецко-русский русский. Оба варианта характерны для первого поколения иммигрантов. Второе

поколение русскоязычных иммигрантов в Германии не использует языковые варианты, которые были бы основаны на смешении. Немецкий язык русскоязычных иммигрантов представляет собой определённую стадию владения Я2. Для данного языкового варианта характерны фонетическая интерференция, грамматическая интерференция в виде недодифференциации и реинтерпретации языковых элементов.

Немецко-русский русский служит средством адаптации к новой среде, способом посредничества между родным русским языком и миром немецких реалий. Имеющий в основе морфологическую структуру русского языка, НРР включает большое количество немецких заимствований. Частичные и гибридные заимствования, представляющие собой непосредственное языковое смешение немецкого и русского языков, являются основой для создания языковой игры и шуточных произведений. НРР используется только среди русскоязычных иммигрантов первого поколения, являясь важным признаком групповой принадлежности.

Элементы всех перечисленных языковых элементов активно используются в художественном творчестве: с одной стороны, они служат для социально-этнического маркирования героев произведений, с другой стороны, становятся языками для создания художественных произведений.

Новые языковые варианты позволяют развиваться системе диглоссии, которая имеет тенденцию к превращению в полиглоссию (мультиглоссию) – в связи с тем, что как участвующие в процессах интерференции языки так и результат этой интерференции начинают обслуживать разные сферы жизни иммигрантов и коренного населения. Их позиционирование в обществе способствует их активному использованию как тактики коммуникативного поведения с целью произвести то или иное впечатление на собеседника. Употребление элементов новых языковых вариантов становится характерным не только для людей миграционного происхождения, но и для коренного населения Германии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведённого исследования нами установлено, что лингвокультурная адаптация иммигрантов Германии определяет выбираемые ими стратегии аккультурации и типы культурно-речевого поведения. Формами лингвокультурной адаптации (наряду с одноязычием и двуязычием) оказываются новые языковые образования, которые возникают в условиях немецко-турецкого и немецко-русского языкового контакта и демонстрируют специфические фонетико-фонологические, лексико-семантические и грамматико-синтаксические особенности.

В первой главе работы был исследован феномен лингвокультурной адаптации, проанализированы стратегии аккультурации и типы культурно-речевого поведения иммигрантов. Были выявлены причины образования двух самых многочисленных групп иммигрантов, рассмотрена социальная стратификация внутри этих групп. В результате анализа на предмет культурной дистанции между немецким сообществом и исследуемыми группами иммигрантов было установлено, что представители турецкой диаспоры демонстрируют большую культурную дистанцию, чем представители русскоязычной диаспоры.

Во второй главе диссертации были рассмотрены основные подходы к изучению таких форм лингвокультурной адаптации в ситуации языкового контакта, как двуязычие, диглоссия, формирование новых языковых образований. Проанализированы системные отличия немецкого, русского и турецкого языков; выявлены объективные факторы интерференции в рамках исследуемых языковых контактов. Даны разъяснения по вопросам статуса актуальных для нашей работы языковых образований: этнолекта, мультиэтнолекта, социодialecta.

В третьей главе было определено, что в современной Германии на основе дискурсивных практик иммигрантов возникли следующие языковые варианты: язык рабочих-гостей, немецко-турецкий этнолект и его медийная форма «Канак

шпрак», мультиэтнолект киц, немецко-русский русский. Особенности лингвокультурной адаптации иммигрантов нашли выражение в специфических фонетико-фонологических, лексико-семантических и грамматико-синтаксических чертах новых языковых образований. Характерные черты исследуемых языковых вариантов, с одной стороны, объясняются интерферентным влиянием первого языка иммигрантов или общими тенденциями упрощения, имеющими место при стихийном овладении языком в естественных условиях, с другой стороны, обнаруживают креативный подход носителей, соответствуя особенностям динамического развития разговорного немецкого языка. Было продемонстрировано, что элементы новых языковых образований используются как средство выражения определённых коммуникативных тактик не только людьми миграционного происхождения, но и коренными немцами. Данная тенденция находит подтверждение в сфере художественного творчества, в котором элементы рассмотренных языковых вариантов используются как средство социально-этнического маркирования и, собственно, как основа для создания художественных произведений.

Из-за исторических, культурных и социальных предпосылок иммигранты турецкого происхождения демонстрируют большее разнообразие дискурсивных практик как форм лингвокультурной адаптации, чем русскоязычные иммигранты. Нами были выработаны следующие схемы соотношения форм лингвокультурной адаптации, стратегий аккультурации и типов культурно-речевого поведения у иммигрантов турецкого происхождения:

1) неуспешная лингвокультурная адаптация – язык рабочих-гостей – аккультурационные стратегии «сепарация», «бегство» – антиассимилятивный тип культурно-речевого поведения;

2) кризис лингвокультурной адаптации – «Канак шпрак» - стратегии «маргинализация», «борьба» – антиассимилятивный тип культурно-речевого поведения;

3) успешная лингвокультурная адаптация – мультиэтнолект киц – стратегии «интеграция», «гибкость» – мультикультурный тип культурно-речевого поведения;

Немецко-русский социодialekt представляет собой форму поддержания этнокультурной принадлежности и способ плавной лингвокультурной адаптации.

В рамках настоящего исследования мы показали, что взаимодействие языков и культур все чаще становится основой формирования языковой личности в условиях современного глобализирующегося мира, неотъемлемой частью которого являются активные миграционные процессы. Продолжение данного исследования видится в углублении прагмалингвистического анализа употребления элементов новых языковых образований как средства выражения различных коммуникативных тактик говорящих.

Кроме того, интересным направлением работы представляется сравнительно-сопоставительное исследование, включающее новые языковые образования на основе контакта других языков на территории других стран, поскольку вопрос иммиграционных потоков по сей день остаётся крайне актуальным для многих регионов мира.

Подобного рода исследования также способны расширить теоретический инструментарий сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания, уточняя и дополняя представления о таких его базовых конструктах, как языковая интерференция, языковой контакт, двуязычие, диглоссия, диалект, этнолект, а также о многих иных продуктивных инструментах анализа межъязыковых взаимодействий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / Б.А. Абрамов. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – 286 с.
2. Аврорин В.А. Двужычие и школа [Текст] / В.А. Аврорин // Проблемы двужычия и многоязычия / Отв. ред. П.А. Азимов, Ю.Д. Дешериев, Ф.П. Филин. – М.: Наука. 1972. – С. 49–62.
3. Аврутина А.С., Гузев В.Г. Фонология и морфонология современного турецкого языка. Учеб. пособие [Текст] / А.С. Аврутина, В.Г. Гузев. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2014. – 79 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Академия, 2004. – 368 с.
5. Арутюнова Н.Д. Дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
6. Ахметзянова Ф.С. Интерференция родного и русского языков при контакте с немецким в условиях национально-русского двужычия: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Ф.С. Ахметзянова. – Тобольск, 2005. – 170 с.
7. Багана Ж. Французский язык в Африке: проблемы интерференции [Текст] / Ж. Багана. – М.: Наука, 2006. – 163 с.
8. Багана Ж., Хапилина Е.В. Контактная лингвистика: взаимодействие языков и билингвизм [Текст] / Ж. Багана, Е.В. Хапилина. – М.: Флинта, 2010. – 128 с.
9. Багироков Х.З. Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков): дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Х.З. Багироков. – Краснодар, 2005. – 426 с.

- 10.Баде К.Й. Ислам в Германии [Текст] / К.Й. Баде // Deutschland. – 2008. – № 5. – С. 53–58.
- 11.Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков [Текст] / Н.А. Баскаков. – М.: «Высшая школа», 1969. – 383 с.
- 12.Беликов В.И., Крысин Л.П. Социалингвистика: Учебник для вузов [Текст] / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.
- 13.Белл Р.Т. Социалингвистика: Пер. с англ. / Под ред. А.Д. Швейцера [Текст] / Р.Т. Белл. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 320 с.
- 14.Бертагаев Т.А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления [Текст] / Т.А. Бертагаев // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. науч. тр. – М., 1972. – С. 82–88.
- 15.Блажевич Ю.С. Лексическая интерференция в условиях языкового контакта: дис. ... канд. фил. наук [Текст] / Ю.С. Блажевич. – Белгород, 2011. – 170 с.
- 16.Бодуэн де Куртенэ И.А. О смешанном характере всех языков [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. – Т. 1. – 384 с.
- 17.Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика [Текст] / В.Д. Бондалетов. М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
- 18.Вайц В. (а) Переселенцы в Германии: от бегства в никуда к интеграции по-русски [Электронный ресурс] / В. Вайц / Режим доступа: <http://www.dw-world.de/dw/article.html>. – Дата обращения: 27.01.2015. – Загл. с экрана.
- 19.Вайц В. (б) Переселенцы в Германии: немецкий паспорт – не гарантия успешной интеграции [Электронный ресурс] / В. Вайц / Режим доступа: <http://www.dw.de/dw/article.html>. – Дата обращения: 19.02.2015. – Загл. с экрана.

20. Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации [Текст] / Т. Ван Дейк. Пер. с англ. М.: Либроком, 2013. – 344 с.
21. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие [Электронный ресурс] / У. Вайнрайх / Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/weinreich-72.htm>. – Дата обращения: 28.03.2015. – Загл. с экрана.
22. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования [Текст] / У. Вайнрайх. Пер. с англ. Киев: Вища школа, 1979. – 264 с.
23. Виноградов В.А. (а) Диглоссия [Электронный ресурс] / В.А. Виноградов / Режим доступа: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/diglossiia/165>. – Дата обращения: 28.03.2016. – Загл. с экрана.
24. Виноградов В.А. (б) Интерференция [Электронный ресурс] / В.А. Виноградов / Режим доступа: <http://lingvisticheskiy-slovar.ru/description/interferentsiia/221>. – Дата обращения: 28.03.2015. – Загл. с экрана.
25. Виноградская М.В. Интерферентные явления в речи российских немцев: грамматический и лексико-семантический аспекты: дис. ... канд. филол. наук [Текст] / М.В. Виноградская. – Майкоп, 2009. – 180 с.
26. Иванов В.С. Языковые контакты [Текст] В.С. Иванов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 237–238.
27. Гавранек Б.К. проблематике смешения языков [Текст] / Б.К. Гавранек // Новое в лингвистике. 1972. – Вып. 6. – С. 94–111.
28. Голубева-Монаткина Н.И. Грамматические особенности русской речи потомков эмигрантов «первой волны» во Франции Текст. / Н.И. Голубева-Монаткина // Филологические науки, 1994. № 4. - С. 104-111.

29. Голубева-Монаткина, Н.И. Лексические особенности русской речи потомков русского зарубежья во Франции Текст. / Н.И. Голубева-Монаткина // Русистика сегодня. -1995. №1. - С. 70-92.
30. Дебренин М. Теоретические и прикладные аспекты межъязыковой девиатологии: дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / М. Дебренин. – Новосибирск, 2006. – 375 с.
31. Ерофеева Т.И. Социолект: стратификационное исследование: дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Т.И. Ерофеева. – СПб., 1995. – 306 с.
32. Жирмунский В.М. Марксизм и социальная лингвистика [Текст] / В.М. Жирмунский // Вопросы социальной лингвистики. – Л., 1969. – С. 5–25.
33. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия [Текст] / Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1974. – 156 с.
34. Залевская А. А. Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1996. – 195 с.
35. Залевская А.А. Вопросы теории двуязычия: монография [Текст] / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – 144 с.
36. Залевская А.А. Вопросы теории двуязычия / А.А. Залевская. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 236 с.
37. Залевская А.А., Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: Учеб. пособие [Текст] / А.А. Залевская, И.Л. Медведева. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – 104 с.
38. Зеленецкий А.Л., Монахов П.Ф. Сравнительная типология немецкого и русского языков [Текст] / А.Л. Зеленецкий, П.Ф. Монахов. – М.: Просвещение, 1983. – 240 с.
39. Земская, Е.А. Еще раз, о языке русского зарубежья [Текст] / Е.А. Земская // Язык система. Язык – текст. Язык – способность: сб. статей. М., 1995. — С.233 —241.

40. Земская, Е.А. О типических особенностях русского языка эмигрантов первой волны и их потомков [Текст] / Е.А. Земская // Изв. АН. Сер. лит. и яз. - 1998. - Т. 57. - № 4. - С. 39 - 47.
41. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования [Текст] / Е.А. Земская // Русский язык в научном освещении, 2001. – № 1. – С. 114–131.
42. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе [Текст]: дисс. в виде доклада д-ра. филол. наук: 10.02.19 / А.А. Кибрик. – М., 2003. – 84 с.
43. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка [Текст] / А.Н. Кононов. М., 1956. – 570 с.
44. Крысин Л.П. Речевое общение в лингвистически и социально неоднородной среде [Текст] / Л.П. Крысин // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С.3–12.
45. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: «Языки славянской культуры», 2004. – 560 с.
46. Лабов У. Взаимодействие пола и социального класса в ходе языковых изменений Текст. / У. Лабов // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. Ред. Н.Б. Вахтин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2012. – С. 117 – 176.
47. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию [Текст] / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.
48. Макаров М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 277 с.
49. Матвеев В.В. Модели культурной адаптации иммигрантов в многокультурной среде (сравнительный анализ канадского и российского

- опыта): дис. ... канд. культурологии [Текст] / В.В. Матвеевко. – Москва, 2011. – 191 с.
50. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманитарных ВУЗов и учащихся лицеев [Текст] / Н.Б. Мечковская. — М.: Аспект-Пресс, 2000. – 207 с.
51. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей [Текст] / Н.Б. Мечковская. – 8-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 312 с.
52. Овчинников А.В., Протасова Е.Ю. Двухязычие и измерение речевого развития [Электронный ресурс] / URL: virtkafedra.ucoz.ua/el_gurnal/pages/vyp1/Ovchinnikov.pdf. – Дата обращения 25.03.2014.
53. Перехвальская Е.В. Русские пиджины [Текст] / Е.В. Перехвальская. – СПб.: Алетейя, 2008. – 363 с.
54. Погорельская С.В. Прощание с мультикультурализмом, или новая германская иммиграционная политика [Текст] / С.В. Погорельская // Актуальные проблемы Европы. – 2006. – №1. – С. 90–114.
55. Погорельская С.В. Мусульмане в Германии: Специфика интеграции [Текст] / С.В. Погорельская // Актуальные проблемы Европы. – 2008. – №1. – С. 147–176.
56. Погорельская С.В. Турецкая община в ФРГ: Между интеграцией и Исламом [Текст] / С.В. Погорельская // Актуальные проблемы Европы. – 2009. – №4. – С. 44–76.
57. Поймёнова А.А. Лексическая ошибка в свете стратегий преодоления коммуникативных затруднений при пользовании иностранным языком: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / А.А. Поймёнова. – Тверь, 1999. – 214 с.

- 58.Полинская М.С. Полуязычие [Электронный ресурс] / М.С. Полинская / Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/5582253>. – Дата обращения: 24.05.2016. – Загл. с экрана.
- 59.Поморцева Н.В. Педагогическая система лингвокультурной адаптации иностранных учащихся в процессе обучения русскому языку: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 [Текст] / Н.В. Поморцева. – М., 2010. – 361 с.
- 60.Пономарева В.С. Семиотический аспект лексического смешения, или интерференции // Филологические науки. – 2007. – № 5. – С. 77-85.
- 61.Протасова Е.Ю. Методика развития речи двуязычных дошкольников [Электронный ресурс]: учеб. пособие для вузов / URL: iknigi.net/avtor-ekaterina-protasova/31940-metodika-razvitiya-rechi-dvuyazychnyh-doshkolnikov-uchebnoe-posobie-ekaterina-protasova/read/page-25.html. – Дата обращения 30.03.2014.
- 62.Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов [Текст] / А.А. Реформатский; под ред. В.А. Виноградова. – 5-е изд., испр. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – 536 с.
- 63.Реформатский А.А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова [Электронный ресурс] / А.А. Реформатский / Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/reformatskiy-87c.htm>. – Дата обращения: 07.02.2015. – Загл. с экрана.
- 64.Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика [Текст] / В.Ю. Розенцвейг. – Л., 1972. – 78 с.
- 65.Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов [Текст] / В.Ю. Розенцвейг // Новое в лингвистике. – 1972. – Вып. 6. – С. 5–22.
- 66.Рогозная Н.Н. Типология лингвистической интерференции в русской речи иностранцев: на материале разноструктурных языков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Н.Н. Рогозная. – М., 2003. – 381 с.

- 67.Рогозная Н.Н. Новое в лингвистике: к теории интерязыка [Электронный ресурс] / Н.Н. Рогозная / Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/novoe-v-lingvistike-k-teorii-interyazyka>. – Дата обращения: 24.05.2016. – Загл. с экрана.
- 68.Росетти А. Смешанный язык и смешение языков [Текст] / А. Росетти // Новое в лингвистике. – 1972. – Вып. 6. – С. 112– 119.
- 69.Савоскул М.С. Уроки миграции: модели и факторы адаптации поздних переселенцев в Германии [Электронный ресурс] / М.С. Савоскул / Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0497/analit03.php>. – Дата обращения: 30.03.2015. – Загл. с экрана.
- 70.Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации [Текст] / А.П. Садохин. – М.: Высш. шк., 2005. – 310 с.
- 71.Самуйлова Л.В. Устность в динамике: Монография [Текст] / Л.В. Самуйлова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2000. – 152 с.
- 72.Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учеб. для студ. ВУЗов по спец. психологии [Текст] / Т.Г. Стефаненко. – М.: Ин-т психологии РАН, 1999. – 328 с.
- 73.Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение. Новая онтология анализа языкового сознания [Текст] / Е.Ф. Тарасов // Этносоциокультурная специфика языкового сознания. – М: МГЛУ, 1996. – С. 7 – 22.
- 74.Татунц С.А. Этносоциология. Учебное пособие для студентов. – М., МАЛП, 1999. – 140 с.
- 75.Фатьянова А.В. Особенности адаптации иммигрантов на примере поздних переселенцев в Германии [Электронный ресурс] / А.В. Фатьянова / Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly>. – Дата обращения: 30.03.2015. – Загл. с экрана.
- 76.Федорова К.С. Лингвоповеденческие стратегии в ситуации общения с иностранцем: На материале русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / К.С. Федорова. – СПб., 2002. – 230 с.

77. Фергюсон Ч. Диглоссия [Текст] / Ч. Фергюсон // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. – 2012. – С. 43–62.
78. Фишман Дж. Кто говорит на каком языке, с кем и когда? [Текст] / Дж. Фишман // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / [пер. с англ.]; отв. Ред. Н.Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге. 2012. – С. 63–83.
79. Фомиченко Л.Г. Когнитивные основы просодической интерференции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Текст] / Л.Г. Фомиченко. – М.: 1998. – 32 с.
80. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды [Текст] / Ф.Ф. Фортунатов. – М.: 1956. – Т. 1. – 924 с.
81. Хауген Э. Языковой контакт [Текст] / Э. Хауген // Новое: в лингвистике. – 1972. – Вып. 6. – С. 61-80.
82. Шайян Ж. Германия: жить вместе [Текст] Ж. Шайян // Deutschland. – 2008. – № 5. – С. 43–45.
83. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику [Текст] / А.Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – М.: Высш. шк., 1978. – 216 с.
84. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы [Текст] / А.Д. Швейцер. – Изд. 4-е. – М: Книжный дом «Либроком», 2012. – 176 с.
85. Щерба Л.В. Избранные труды по языкознанию и фонетике [Текст] / Л.В. Щерба. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – Том 1. – 184 с.
86. Androutsopoulos J. Ethnolekte in der Mediengesellschaft [Электронный ресурс] / J. Androutsopoulos / Режим доступа: <http://jannisandroutsopoulos.files.wordpress.com/2009/12.pdf>. – Дата обращения: 30.03.2014. – Загл. с экрана.

87. Androutsopoulos J. Ultra korregd Alder! Zur medialen Stilisierung und Aneignung von „Türkendeutsch“ [Текст] / J. Androutsopoulos // Deutsche Sprache. – 2002. – № 4. – S. 321–339.
88. Aslan S. Aspekte des kommunikativen Stils einer Gruppe weltläufiger Migranten türkischer Herkunft: die "Europatürken" [Текст] / S. Aslan // Deutsche Sprache. – 2004. – № 4. – S. 327–356.
89. Auer P. „Türkenslang“ [Электронный ресурс] / P. Auer / Режим доступа: <http://www.forum-interkultur.net.pdf>. – Дата обращения: 30.03.2014. – Загл. с экрана.
90. Berry J. Immigration, Acculturation and Adaptation [Электронный ресурс] / J. Berry / Режим доступа: <http://onlinelibrary.wiley.com>. – Дата обращения: 25.03.2013. – Загл. с экрана.
91. Brammertz C. Kreativität und Innovation: die multiethnische Jugendsprache Kiezdeutsch [Электронный ресурс] / C. Brammertz / Режим доступа: <http://www.goethe.de/ges.html>. – Дата обращения: 27.11.2012. – Загл. с экрана.
92. Buhre J., Ruhland S. Interview mit H. Akyün. Warum muss ich einen Migrationshintergrund haben? [Электронный ресурс] / J. Buhre, S. Ruhland / Режим доступа: planet-interview.de/interviews/34830. – Дата обращения: 31.03.2014. – Загл. с экрана.
93. Bücken, T. Ethnolektale Varietäten des Deutschen im Sprachgebrauch Jugendlicher [Текст] / T. Bücken. – Münster: Noam, 2007. – 125 S.
94. Canoğlu H.D. Kanak Sprak versus Kiezdeutsch – Sprachverfall oder sprachlicher Spezialfall? Eine ethnolinguistische Untersuchung [Текст] / H.D. Canoğlu. – Berlin: Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2012. – 135 S.
95. DW: Исследование: лучше всех в немецкое общество интегрированы выходцы из бывшего СССР [Электронный ресурс] / Режим доступа:

- <http://www.dw-world.de/dw/article.html>. – Дата обращения: 25.03.2013. – Загл. с экрана.
96. Ellis R. The Study of second language acquisition [Текст]. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 824 p.
97. Giles H., Byrne J.L. An intergroup approach to second language acquisition [Электронный ресурс] / H. Giles, J.L. Byrne / Режим доступа: http://www.academia.edu/19106770/An_intergroup_approach_to_second_language_acquisition. – Дата обращения: 30.06.2014. – Загл. с экрана.
98. Güngör D. Ganz schön Deutsch: Meine türkische Familie und ich [Текст] / D. Güngör. – München: Piper Verlag GmbH, 2007. – 129 S.
99. Hoenes S. Stolpersteine beim Deutscherwerb von Kindern mit Türkisch als Erstsprache [Электронный ресурс] / S. Hoenes / Режим доступа: <http://www.dji.de/index.php?id=39311>. – Дата обращения: 12.06.2016. – Загл. с экрана.
100. Hofmann M. Interkulturelle Literaturwissenschaft [Текст] / M. Hoffmann. – Paderborn: Wilhelm Flink Verlag, 2006. – 248 S.
101. HFDP: Heidelberger Forschungsprojekt «Pidgin-Deutsch»: Zur Sprache ausländischer Arbeiter: Syntaktische Analysen und Aspekte des kommunikativen Verhaltens [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.mpi.nl/world/materials/publications/Klein/017_1975_Zur_Sprache_auslaendischer_Arbeiter.pdf. – Дата обращения: 12.06.2016. – Загл. с экрана.
102. Janßen A., Polat A. Soziale Netzwerke türkischer Migrantinnen und Migranten [Электронный ресурс] / A. Janßen, A. Polat / Режим доступа: <http://www.bpb.de/apuz/30002/parallelgesellschaften>. – Дата обращения: 05.05.2013. – Загл. с экрана.
103. Keim I. Untersuchungen zum Deutsch türkischer Arbeiter [Электронный ресурс] / I. Keim / Режим доступа: <https://ids-pub.bsz->

- bw.de/files/2378/Keim_Untersuchungen_zum_Deutsch_t%C3%BCrkischer_Arbeiter_1984.pdf. – Дата обращения: 05.05.2013. – Загл. с экрана.
104. Keim I. Die „türkischen Powergirls“. Lebenswelt und kommunikativer Stil einer Migrantinnengruppe in Mannheim [Текст] / I. Keim. – Tübingen: Narr, 2007. – 498 S.
105. Kuße H., Scharlaj M. Deutsch-russisches Russisch – vom Spiel zu Sprache? [Текст] / H. Kuße, M. Scharlaj // Русский язык в многоречном социокультурном пространстве. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – S. 240 – 257.
106. Klein W. Heidelberger Forschungsprojekt „Pidgin-Deutsch“. Sprache und Kommunikation ausländischer Arbeiter [Электронный ресурс] / W. Klein / Режим доступа: <http://www.mpi.nl/world/materials/publications/Klein.pdf>. – Дата обращения: 05.05.2013. – Загл. с экрана.
107. Krämer D. Kiezdeutsch – Sprachliche und kommunikative Merkmale im sprechsprachlichen Register von Berlinern mit türkischer Herkunftssprache [Электронный ресурс] / D. Krämer / Режим доступа: <http://books.google.ru/books>. – Дата обращения: 05.05.2013. – Загл. с экрана.
108. Kröhnert S. Migration – eine Einführung [Электронный ресурс] / S. Kröhnert / Режим доступа: <http://www.berlin-institut.org/online-handbuchdemografie.html>. – Дата обращения: 19.03.2013. – Загл. с экрана.
109. Lipski J. “Me want cookie”: Foreigner Talk as monster Talk [Электронный ресурс] / J. Lipski / Режим доступа: <http://www.personal.psu.edu/jml34/monster.pdf>. – Дата обращения: 16.04.2013. – Загл. с экрана.

110. Luft S. Einmal Türkei, immer Türkei? [Электронный ресурс] / S. Luft / Режим доступа: http://www.hss.de/downloads/PolStudien419_Internet.pdf. – Дата обращения: 19.03.2013. – Загл. с экрана.
111. Mayr K., Paul K., Schumann K. Gastarbeiterdeutsch und multiethnische Jugendsprache in literarischer Verwendung [Электронный ресурс] / К. Ма- ур, К. Paul, К. Schumann / Режим доступа: <http://uni-potsdam.de/u/germanistik.pdf>. – Дата обращения 29.11.2012. – Загл. с экрана.
112. Meng K. Russlanddeutsche Sprachbiografien: Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien [Текст] / К. Meng. – Tübingen: Narr, 2001. – 540 S.
113. Meng K., Protassova E. Zum ethnischen Selbstverständnis in einer russlanddeutschen Familie [Текст] / К. Meng, E. Protassova // Soziale Welten und kommunikative Stile. Hrsg. von Keim I., Schütte W. – Tübingen: Narr, 2001. – 566 S.
114. Orlovic M. Zum Gastarbeiterdeutsch jugoslawischer Arbeiter im Rhein- Main-Gebiet [Электронный ресурс] / М. Orlovic / Режим доступа: https://books.google.ru/books/about/Zum_Gastarbeiterdeutsch_jugoslawischer_A.html?id=RUffHZOt18sC&redir_esc=y. – Дата обращения: 19.11.2013. – Загл. с экрана.
115. Özdamar E. S. Berlin, Stadt der Vögel [Текст] / E. Özdamar // Zebra- streifen. Neue deutsche Literatur. – Moskau: Goethe-Institut, 2004. – 208 S.
116. Padilla A., W. Perez. Acculturation, social identity and social cognition: A new perspective [Электронный ресурс] / А. Padilla, W. Perez / Режим доступа: <http://www.stanford.edu>. – Дата обращения: 19.11.2013. – Загл. с экрана.
117. Redfield R., Linton R., Herskovits M. Memorandum on the study of ac- culturation [Электронный ресурс] / R. Redfield, R. Linton / Режим

- доступа: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1525/aa.1936.38.1.02a00330>.
– Дата обращения: 19.11.2013. – Загл. с экрана.
118. Selinker L. Interlanguage [Электронный ресурс] / L. Selinker / Режим доступа: <http://www.academia.edu/21533333/Selinker-Interlanguage>. – Дата обращения: 19.11.2013. – Загл. с экрана.
119. Schiffrin D to Discourse [Текст] / D. Schiffrin. – Oxford and Cambridge: Blackwell, 1994. – 470 p.
120. Schumann J. An Acculturation Model for Second Language Acquisition [Электронный ресурс] / J. Schumann / Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/232895042_An_Acculturation_Model_for_Second_Language_Acquisition. – Дата обращения: 19.11.2013. – Загл. с экрана.
121. Statistisches Bundesamt Destatis [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.destatis.de/DE/Startseite.html>. – Дата обращения: 25.03.2018. – Загл. с экрана.
122. Welt online: Kein EU-Land hat mehr Ausländer als Deutschland [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.welt.de/politik/deutschland>. – Дата обращения: 19.11.2013. – Загл. с экрана.
123. Wiese H. Kiezdeutsch: Ein neuer Dialekt entsteht [Текст] / H. Wiese. – München: C.H. Beck, 2012. – 279 S.
124. Wildgen W. Soziolinguistik und Kontaktlinguistik [Электронный ресурс] / W. Wildgen / Режим доступа: <http://www.fb10.uni-bremen.de/homerepages/wildgen.pdf>. – Дата обращения: 19.11.2013. – Загл. с экрана.
125. Wittenberg E., Paul K. „Aşkim, Baby, Schatz...“ Anglizismen in einer multiethnischen Jugendsprache [Электронный ресурс] / E. Wittenberg, K. Paul / Режим доступа: <http://www.uni-potsdam.de/u/germanistik/fachgebiete/geg-spr/pdfs/Wittenberg&Paul.pdf>. – Дата обращения: 19.11.2013. – Загл. с экрана.

126. Zaimoglu F. Kanak Sprak [Электронный ресурс] / F. Zaimoglu / Режим доступа <http://parapluie.de/archiv/generation/kanaksprak>. – Дата обращения: 19.11.2013. – Загл. с экрана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

127. Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/>. – Дата обращения: 28.03.2015. – Загл. с экрана.
128. Максимов М.А. Толковый словарь современного немецкого русского говора [Электронный ресурс] / М.А. Максимов / Режим доступа: <http://www.nemrus.net>. – Дата обращения: 28.03.2015. – Загл. с экрана.
129. Deutsch-Kanakisch-Wörterbuch [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.mahnert-online.de.html> – Дата обращения: 29.02.2012. – Загл. с экрана.
130. Duden online [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.duden.de> – Дата обращения: 28.05.2014. – Загл. с экрана.
131. Gabler Wirtschaftslexikon [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://wirtschaftslexikon.gabler.de/Definition/zuwanderung.html> – Дата обращения: 18.03.2013. – Загл. с экрана.
132. «Qwеля – Русский Вертабух» [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.strannik.de/quelia/worterbuch.htm> – Дата обращения: 13.03.2013. – Загл. с экрана.
133. Urban Dictionary [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.urbandictionary.com> – Дата обращения: 22.05.2014. – Загл. с экрана.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

134. Германия по-русски [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://foren.germany.ru/arch/showmessage.pl?Number=17481967&Board=fo>

- toart&Cat=&page=&view=&sb=. – Дата обращения 31.03.2014. – Загл. с экрана.
135. Немецко-русский форум [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://szhinat.ru/32-hcdiag.xhtml>. – Дата обращения 31.03.2014. – Загл. с экрана.
136. Креативная Qwеля. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.strannik.de/quelia/> – Дата обращения: 21.11.2013. – Загл. с экрана.
137. Форум эмигрантов Узбекистана [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://fromuz.com/forum/index.php?showtopic=17469&st=1710>. – Дата обращения 31.03.2014. – Загл. с экрана.
138. Акуён Н. Einmal Hans mit scharfer Soße. Leben in zwei Welten [Текст] / Н.Акуён. – München: Goldmann Verlag, 2005. – 190 S.
139. Azad. Official video [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.youtube.com/user/AZAD8022TV>. – Дата обращения: 30.05.2014. – Загл. с экрана.
140. Becker L. Kanack Attack. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=jSa9Gi98gUo>. – Дата обращения: 29.05.2014. – Загл. с экрана.
141. Biondi F. Nicht nur gastarbeiterdeutsch [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.maldura.unipd.it>. – Дата обращения: 31.05.2014. – Загл. с экрана.
142. Buschido. Official video [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=e4rJQu_2nV8. – Дата обращения: 30.05.2014. – Загл. с экрана.
143. Dragan und Alder. Comedy Film [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=daUkHwS-enY>. – Дата обращения: 30.05.2014. – Загл. с экрана.

144. Gförer J., Wallraff G. Ganz unten. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=VxMkXсурpUс>. – Дата обращения: 29.02.2014. – Загл. с экрана.
145. Grup Tekkan. Official video [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.youtube.com/watch?v=Mue6Vс_T9Ds. – Дата обращения: 30.05.2014. – Загл. с экрана.
146. Jahn T. Knockin' on Heaven's Door. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=o5HbAuaKQGA>. – Дата обращения: 29.05.2014. – Загл. с экрана.
147. Kaminer W. Russendisko. [Текст] / Kaminer W. – München: Goldmann Manhattan, 2002. – 192 S.
148. Kaminer W. Meine Kaukasische Schwiegermutter. CD-ROM. – Random Haus Audi, 2010.
149. Kara J. Selam Berlin. [Текст] / Kara J. – Zürich: Diogenes, 2004. – 384 S.
150. Kiezdeutschkorpus. Sprachliche Neuerungen [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.kiezdeutsch.de/sprachlicheneuerungen.html>. – Дата обращения: 09.04.2013. – Загл. с экрана.
151. Lady Bitch Ray. Official video [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.youtube.com>. – Дата обращения: 30.05.2014. – Загл. с экрана.
152. Mayr K., Paul K., Schumann K. Gastarbeiterdeutsch und multiethnische Jugendsprache in literarischer Verwendung [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.uni-potsdam.de/u/germanistik/fachgebiete/geg-spr.pdf> – Дата обращения: 29.02.2014. – Загл. с экрана.
153. Özdamar Emine Sevgi. Berlin, Stadt der Vögel // Zebrastreifen. Neue deutsche Literatur. – Moskau: Goethe-Institut, 2004. – 208 S.

154. Stefan und Erkan. Comedy film [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ihXQpfPw8NA>. – Дата обращения: 30.05.2014. – Загл. с экрана.
155. Wallraff G. Ganz unten [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://home.arcor.de/gunwall/GuenterWallraff-Ganzunten.pdf>. – Дата обращения: 29.02.2014. – Загл. с экрана.
156. Wladimir Kaminer. Official site [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.wladimirkaminer.de/>. – Дата обращения: 29.02.2014. – Загл. с экрана.
157. Zaimoglu F. Kanak Sprak [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://parapluie.de/archiv/generation/kanaksprak/>. – Дата обращения: 24.03.2014. – Загл. с экрана.
158. ZDF «Kleines Russland in Berlin» (Русский анклав в Берлине) [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ftvV56nwQ9c>. – Дата обращения: 29.05.2014. – Загл. с экрана.
159. Ziegenbalg O. Russendisco. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=4f24WY_HG8g. – Дата обращения: 29.05.2014. – Загл. с экрана.